ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА

ВЕСТНИК

Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

№ 2 – 2016

Научный журнал
Выходит два раза в год

МАГАС – 2016

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Барахоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор,
директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна, доктор исторических наук, заместитель директора
Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Жеребило Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Матиев Магометбашир Адамович – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского фольклора Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Члены редакционного совета:

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук, Ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Киева Зуфира Хаджибикаровна – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий отделом истории Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э Ахриева;

Накостоев Хаваш Алиевич – редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Харсиев Борис Магомед-Гиреевич – кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Ялхороева Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушской литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аккиева Светлана Исмаиловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Кабардино-Балкарская Республика);

Албакова Фатима Юсуповна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера);

Али Аскер, доктор юридических наук, доцент Карабюкского университета (Турция);

Алиева Севиндж Исравил-газы, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «История Кавказа», Институт Истории Национальной Академии наук Азербайджана (Азербайджан);

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований;

Габуниа Зинаида Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета;

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, заведующий сектором адыгского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований;

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, профессор (Республика Абхазия);

Долгиева Марем Белановна, кандидат исторических наук, доцент ИнгГУ, ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского НИИ гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева.

Казиева Альмира Магометовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск);

Магомедханов Магомедхан Магомедович, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии (Республика Дагестан);

Мартазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, профессор, ректор Ингушского Государственного университета;

Султыгова Марифа Магомедовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Танкиева Лидия Хусеновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Цороева Марет Гайсултановна, доктор этнологии, доктор истории религий (Франция).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ ... 4
Акиева П.Х. Об историко-культурных параллелях ингушских нартских зираков и аланского племени сираков ... 4
Денисова Н.Н. Казаки и Черкесы Кубани в Первой Мировой Войне ... 14
Дзарахова З.М. Орнаменты на глиняных изделиях древней и средневековой Ингушетии ... 19
Дзарахова З.М. О горном селении Фалхан (полевые этнографические материалы) ... 22
Искендерова М. К вопросу об оценке Южнокавказской политики России в XVIII – нач. XIX вв. в современной историографии ... 30
Кодзоев Н.Д. Башенное поселение-замок Исмаилово (Исмейла-ЦIеньге) ... 37
Сагов Р.З. К вопросу ингушской ономастики: мужские личные имена ... 41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ... 52
Барахоева Н.М. К вопросу об орфографировании сложных существительных в ингушском языке ... 52
Тариева Л. У. Лингвистический аспект представления эмпатии ... 55
Танкиева Л.Х. Исторические корни образов социально-обездоленных героевв волшебных сказках ингушей ... 61
Тариева Л.У. Представление субъекта в прономинативном языке ... 65
Уздеева Т.М. Типология образов Рахметова в романе «Что делать?» и Владимира Васильевича в романе «Отблески сияния» Н.Г. Чернышевского ... 69

ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИИ ... 72
Агиева Л.Т. Из ингушского обычного права ... 72

ПЕДАГОГИКА ... 88
Гайтукиев М.А. Онтологические особенности ребенка младшего школьного возраста ... 88

ПЕРСОНАЛИИ ... 91
Акиева П.Х. К 100-летию со дня рождения Шукри Дахкильгова ... 91
Евлоева А.М. Творческий и трудовой путь доктора филологических наук Лидии Хусейновны Танкиевой (очерк) ... 94

ЭКОНОМИКА ... 96
Плиева А.М-Б. Становление государственной политики в области имущественных отношений ... 96

РЕЦЕНЗИИ ... 101
Танкиев В.-Г.Х. К вопросу о статье Н.Г. Ахриева «О некоторых вопросах истории движения кавказских горцев в первой половине XIX века» ... 101
Танкиев В.-Г.Х. О книге Т.М. Ката «Год жестокий, восемнадцатый...» ... 108

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ... 110

ISSN 2415-8461

© Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Журнал
«Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» включён в базу данных РИНЦ.

http://www.elibrary.ru Номер договора: 71-02/2016 Дата договора: 17/2/2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ИНГУШСКИХ НАРТСКИХ ЗИРАКОВ И АЛАНСКОГО ПЛЕМЕНИ СИРАКОВ

Акиева П.Х.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация: *В статье проводится историко-сопоставительный анализ савроматских сираков и образа ученейших мужей-мудрецов - зираков, нашедшего отражение в ингушском нартском эпосе.*

Ключевые слова: *нартский эпос, зараки, маги, мудрецы, богиня Ма-Зивия, мифологическая природа, семантика, сираки, кровь, нарт Сосруко, духовный потомок.*

ON THE HISTORICAL AND CULTURAL PARALLELS: FROM NART ZIRAK OF INGUSH AND TRIBE SIRAK OF ALANIA

Akieva P.H.

Abstract: *This article provides a historical and comparative analysis Savtomatskih Sirakov and the image - the sages, the people of science - Zirak, as reflected in the Ingush Nart Epos.*

Key words: *Nart Epos, Zirak, mages, sages, goddess Ma-Ziviya, mythological nature, semantics, Sirak, blood, Nart Sosruko, the spiritual descendant.*

Историчность нартского эпоса отмечается учеными [1:1886, с. 232-281; 2:1976; 3:1969] как признанная истина: «если мифологическая основа нартовской эпопеи не вызывает сомнений, то столь же бесспорна ее историчность» [4]. Соглашаясь с данным тезисом и взяв его за основу, в статье сделана попытка анализа одного из персонажей – зираков (инг.: «зирак» [zirak] − мудрец), широко представленного в ингушском нартском эпосе и определения его исторического прототипа.

Сюжетная канва легенд и сказаний иллюстрирует, во-первых, их прямую связь с ночными астральными объектами. В ингушском нартском сказании «Как изжили обычай цет», чтобы найти похитителя, нарт Патарз обращается к зираку за помощью: «Зирак предложил ему вернуться на следующий день, а сам ночью взобрался на высокую гору и стал следить за звездами. Он умел с ними разговаривать… наконец, взошла утренняя звезда. Когда зирак обратился к ней, она ему ответила…» [5:2012, с. 178]. В другом нартском сказании «Как Кинда Шоа похитил девушку» главный герой в доме нарта Сеска Солсы встречает «зирка» [6:2006, с.92], который оказывает такую же помощь.

Зираки черпали свои знания, наблюдая за ночным небом и звездами. Представленные в данном перечне образы являются символическими атрибутами архетипа Матери [7:1997] – главного женского божества, с ярко выраженной амбивалентностью, репрезентирующего бесконечность и цикличность природы, преодоление власти времени: она жизнь − смерть, добро − зло, сохранение − разрушение, но почти всегда – хтонический мир, мудрость, вечность. «Даже в своих темных, как говорят ученые, хтонических или подземных воплощениях, Богиня предстает частью естественного порядка Жизнь рождается от нее, к ней возвращается в смерти, чтобы снова родиться». [8:1993]. С.А. Токарев, исследуя женские изображения эпохи палеолита, приходит к выводу о необычайной устойчивости мифологического образа женщины, корни которого восходят к материнско-родовому строю [9:1990, с. 580].

Стоит обратить внимание на то, что зираки наблюдали за утренней звездой. В мифологиях многих древних народов образ утренней звезды был связан с планетой Венерой, которая наблюдается при восходе и заходе Солнца. Утренняя звезда, являясь олицетворением шумерской Инанны, вавилонской Иштар, малоазийской и минойской – Ма-Зивией и т.д., в ранге астраль-

ных объектов занимала третье место, после Солнца и Луны.

Неолитическая богиня Ма-Зивия – засвидетельствованная в крито-микенских табличках, была богиней плодородия во Фригии, которая так же, как богиня древности Кибела Диндимена [10:1959, с. 207], и другие, нашла свое олицетворение в образах звезды, змеи, священной коровы, атрибутами которой являлись дерево/шест и бело-красный цвет. Мыслившаяся «богиней неба, всеобщей матерью и властительницей мира», она была «прообразом Афины и Артемиды греков, Анат семитов, богини плодородия Тушоли у ингушей» [11:1993, с.170].

Сущностная амбивалентность образа этой богини ярко выражена в самом теониме Ма-Зивия – «Ма» играла ведущую роль при исполнении весенних праздников обновления природы, вторая составляющая «Зивия» несомненно, связана с шумеро-аккадским божеством, вершителем судеб Зу (вар. Анзуд, т.е. «тот, кто знает», т.е. «мудрец»), рожденным в начале времен небом и землей [12:1991, с. 179-180].

Считаем важным обратить внимание на имеющиеся прямые аналогии образа неолитической богини-матери Ма-Зивии с многочисленными фактами ингушской культурной традиции.

Ингушская современность сохранила теоним Ма в культе солнца «ма»/«малх»/«марх» [13:1875; 14:1979, с. 64-65; 15:1978, с. 15-16; 16:2001, с. 63; 17:1988, с.9-10; 18:2011, с. 97], в божественных образах Малха Аза (дочь Солнца), в имени бога плодородия, земледелия и благополучия золотого Мятцели (Мят - гора Мяты/Столовая гора и Сиели/Сели – бог грома и молнии) [19:1983, с. 33]. «Олицетворенная богиня плодородия представляла собой шест, на конце которого вешали несколько колокольчиков и кусочек белой материи… в этом шесте ингуши видят свою святыню, олицетворение Мятцели, и самый шест носит имя Мятцели. Шест этот, во время засухи, носят по аулам, и народ твердо убежден, что непременно после этого будет дождь», – пишет Ч. Ахриев. [20:1871, с.54]. В среде кобанских племен отмечается наличие верховного божества Малх – солнце [17:1988, с.9-10].

Учитывая, что одной из частей, «условно говоря, письменной истории» следует назвать топонимику «т.к. существующие названия рек, гор, лесов, пустынь отражают этническую историю территории» [21:2005, с.28], стоит обратить внимание на многочисленные кавказские топонимы, имеющие корневую основу на «ма» в значении «солнце». Согласно выводам абхазского исследователя Г.Д. Гумбы, предки ингушей оставили на Северном Кавказе ряд «таких топонимических образований на «ма/малх» – река Малка (Малха), Малхар, Малгобек (Малк/о/бек), область Малхиста (Малх-иста)» [17:1988, с.8]. «К этому же ряду топонимов, происходящих от названия солнца, можно отнести и топонимы “Магас” и “Маго-Ерд” – храм в местности Магате (Маг1ате) в горах Ингушетии» [22:2012, с.102]. Этимологию топонима «Магас» – столицы Аланского государства, с ингушского языка можно представить в виде двух вариантов: «магас» - «круг/диск солнца» (инг.: «ма» - «солнце», «га»/«го» означает «круг, диск»; «с» в конце слова – ингушский топоформант, возникший из слова «са» – «земля, место»); [23:1992, с. 29; 24:1984, с. 17; 22:2012, с. 102] «магас» – «видеть солнце» («ма» – солнце, «го» – видеть) [25]. В обоих вариантах ключевым смыслообразующим понятием является «солнце» – «ма», несущее положительную, живительную, рождающую энергию. Данные прочтения сочетаются с реальностью, которая показывает максимальное количество солнечных дней в году именно в месторасположении города.

Что касается второго форманта – «зи», то он нашел отражение в образе ингушских женских божеств Азу, Малха Аза, ингушских мифологических персонажей – зираков – мудрецов/жрецов, зунгат – муравья, из которого произошел первый человек, зехап – огромных синих птиц-громовиков; в таких ингушских терминах как «зе» [зие] – зло, убыток, опасность, потеря, вред, «зула» – криво, «зем» – опыт, наблюдение, «зуд» – женщина, сука, «доазув» – граница, «оаз» – голос, «йоазув» – письмо и т.д.)

Представленные примеры отличают отрицательное смысловое наполнение, связанное с определенной опасностью. Этот негатив, заложенный в словах, производных от морфемы «зе» и позитив в морфеме «ма» объясняется амбивалентностью образа богини, ее способностью как рождать жизнь, так и забирать ее. Понятия «граница» и «письмо» также следует рассматривать в этом ключе. В первом случае неблагоприятность детерминируется оппозицией своя/чужая (земля), причем символически женщина связывалась с такой субстанцией как земля. Во втором – письмо, как эквивалент знания/мудрости и голос, выходящий изо рта, обладали магией и сакральностью. «На многих доисторических и древних рисунках изображение мифических существ не имеет рта, – пишет А. Голан, делая

предположение, что «люди опасались изображать рот существа, которое, по существовавшим верованиям, пожирает людей» [11:1993, с.165]. Возможно, поэтому поставленная исследователем А. Голаном в один ряд с мифологическими образами богинь-матерей древних цивилизаций ингушская богиня Тушоли, единственный персонаж ингушской мифологии, имеющий вещественное изображение, был покрыт бронзовой маской безо рта [26:1982, с. 111].

В этом же ключе амбивалентности следует рассматривать древнеингушское выражение − «ма зе», в котором «ма» – «отрицание/солнце», а «зе» означает «познать/наблюдать сущность объекта», в результате это выражение обладает двойным смыслом 1) наблюдать/познать солнце (т.е. день) и 2) не познаваемое / не наблюдаемое (т.е. ночь) [27:2015, с.25]. Приведенный достаточно большой сопоставительный материал дает возможность обозначить имеющуюся связь между шумерскими мировоззренческими мотивами и древнеингушскими мифологическими представлениями, а также рассматривать ингушских зираков-мудрецов, разговаривавших с утренней звездой, как людей посвященных, служителей богини-матери – Ма-Зе.

Дополнительным аргументом в пользу этого вывода является то обстоятельство, что древнейшими символами, являющимися атрибутами архетипа Матери – богини Ма-Зе (утренняя/вечерняя звезда, змея, дерево/шест и бело-красный цвет), пропитана вся материальная и духовная культура ингушей.

Один из таких символов-атрибутов архетипа Матери знак уробоса (свастика) широко представлен не только на памятниках материальной культуры ингушей, но и в фольклоре. Так, в сказании, записанном в 1871 году Ч. Ахриевым, говорится об «*ученейшем человеке*» Магале, который обладал вещами, «представлявшими своею важностью и драгоценностью предмет зависти и почтения, как *других ученых*, так и всех соплеменников». К числу этих священных предметов, хранившихся в «крепком сундуке», относятся: «разумная», говорящая «по-человечески» и владеющая «многими чудодейственными секретами» «белая змея», с которой напрямую была связана «драгоценная и замечательная (мудрая – авт.) “звезда ветров”» и «весьма замечательная священная книга», из которой Магал черпал «свою мудрость и знания» [28:2003, с.130]. Сюжет повествует, что в результате несчастья, из открытого женщиной сундука «звезда ветров» «быстро поднялась и улетела на небо», после чего «в горах начали дуть почти ежедневно сильные ветры…» [29:2000, с. 142]. Символично, что в этом сказании об утрате благодати, хранившейся в сундуке «ученейшего человека» Магала, главный персонаж просит именно белую змею посодействовать возвращению «звезды ветров». В другом варианте сказаний о Магале говорится о наличии волшебного сундука, где хранились три звезды и благодатная птичка, от прикосновения крыла которой земля становилась урожайной [28:2003, с. 130].

«Мудрая, священная книга», «драгоценная “звезда ветров”», «белая змея» − весь этот трехэлементный ряд символически олицетворяет мудрость/знание в контексте благодати. Как высшее благо, мудрость/благодать «улетает на небо» в виде звезды (ветров), являвшейся олицетворением хтонической ипостаси архетипа Матери. Отметим, что характеристики Магала в сказании даны в превосходной степени – как на фоне своих соплеменников, так и «других ученых». Таким образом, Магал выступает в ингушских сказаниях как «ученейший» мудрец – зирак среди других мудрецов – зираков.

Знаменательным выглядит и то обстоятельство, что эпоним Магал также сопоставим с солнцем [22:2012, с.102]. Этнограф Ч. Ахриев возводит имя этого ингушского родоначальника, легендарного Маго/Магала к «малх» [13:1875]. К «малх» в значении «солнце» возводит имя родоначальника чеченцев Малкх из предания проф. И.А. Дахкильгов [15:1978, с. 15-16]. Я.З. Ахмадов пишет о «мифическом первопредке» − некоем «Молкх или Малкху, жившем в эпоху появления среди людей лука и стрел» [16:2001, с.63].

Ф.И. Горепекин, описывая хранившиеся внутри упоминавшегося храма Маго-Ерд в местности Магате, посвященного Магалу, предметы, называет «дя-джей, или Магажей, т.е. отцовская святая книга Маго» и шест-знамя, что также коррелируется с символическими атрибутами богини Ма-Зи. «Особое знамя (нычь)» - пишет Н.Ф. Горепекин, - представляло собой длинную, до сажени палку с подвешенными на ней медными колокольчиками и белым куском материи (флагом). Верхняя часть древка заканчивалась тремя одинаковыми сучками, выходящими из одного места, а само древко было украшено симметрично расположенными нарезами», которые «делались после каждого жертвоприношения» [30:2012, с. 176, 178]. Здесь же были обнаружены надписи на стенах и красных глиняных сосудах [31:1971, с. 141].

Многочисленные археологические находки, обнаруженные на территории Ингушетии, а также исследовательские изыскания, в результате которых были введены в научный оборот фрагменты пиктографического и идеографического письма, дают основание предполагать наличие в историческом прошлом ингушей если не письменности, то оригинальных способов фиксирования информации [32:1958, с. 9-16]. Различные сочетания знаков и образов в изобразительных композициях являются простейшими топографическими картами-схемами окружающей местности, определенными периодами календарно-астрономических циклов: это «видимо, простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, родовые и личные знаки собственности, знаки для гадания, календарные знаки, служившие для датировки сроков начала различных хозяйственных работ, языческих праздников и т.п.» [33:2015, с. 32]. Архаичная космология ингушей, базируясь на семимерных (14-ти и 28-ми) отрезках лунного месяца – лунным календарем, которым «руководствовались священнослужители при определении времени проведения религиозных праздников» [34:2011, с. 233] – не только отражает и трактует «карту» звездного неба, но и демонстрирует взаимосвязанную ориентацию нахских племен во времени и пространстве.

Представления о магической силе знания зираками – магами и жрецами – систематизировались в звездных книгах – «седкъа жайнаш». «Их содержание хранилось в глубокой тайне от непосвященных и толковались “хьежа нах” (астрологами). По преданиям… только хьежа саг (наблюдающий человек, ясновидец – зирак – Авт.) мог правильно толковать явления, связанные с небесным сводом. Для непосвященных же подобные попытки считались безнадежным и небезопасным занятием. Хьежа саг наделялся загадочной колдовской силой… все скопления звезд и отдельные яркие звезды у ингушей имели свои названия и свою историю происхождения», а также в представлениях ингушей «человек, сосчитавший все эти звезды, станет могущественным и может исполнять любое свое желание» [35:1997, с. 13, 56].

Таким образом, следующей характеристикой мудрости/знания зираков является ее закрытость от непосвященных. В сказании о зираке Магале знание эзотерично: оно хранится «в крепком сундуке, который не могли разбить никакие инструменты» [28:2000, с. 142; 29:2003, с. 130]. Смеем предположить, что именно благодаря своей основной характеристике, которая прослеживается во многих мифологических, фольклорных и эпических текстах – изотеричности – знание как таковое утрачивается. Символично и то, что знание/благодать «улетает»/исчезает из сундука благодаря женщине.

Имеющиеся фольклорные тексты о зираках дополняет этнографический материал. А-М. М. Дударов называет зираков юридическими советниками, а также приводит устойчивое ингушское выражение, используемое в отношении не по годам развитых детей: «Бесспорно, он выучил это подобно зираку» (инг.: «Зирако мо-м, даьра, 1омадаьд цо из»). [18:2011, с. 134]

Едва ли можно было говорить о какой-то конкретности этого мифического персонажа до того момента, пока не обнаружились соответствующие этнонимы - племя сираков, бытовавшее в средний сарматский период, т.е. с начала II века до н. э. и до середины I века н. э. Зираки и сираки не только созвучны друг другу, семантика первых сопоставима с чертами духовной и хозяйственной деятельности последних.

Известно, что «ядром рожденных на Кавказе алан, в первую очередь, были племена Центрального Предкавказья – «аорсы» и, очевидно, «сираки», – пишет Ю.С. Гаглойти, – добавляя «также иранизированное аборигенное население и остатки скифов этого региона» [36:1992, с. 13]. Недружелюбие между данными пеленами В.Б. Виноградов объясняет тем, что объединение аорсов «включало в себя племена Поволжья и Приуралья, степей Казахстана и Средней Азии, в то время как сиракский союз в своей основе имел местные предкавказские корни…» [37:1965, с. 108-121]

Учитывая устоявшуюся в науке версию о скифо-сармато-аланском происхождении осетин, возникает вопрос, каким образом и почему «савроматское племя» сираков (греч. Sirakoi, лат. Siraci) оказалось в виде образа зирака/мага/мудреца в фольклорных текстах аборигенов Кавказа – нахоязычных ингушей?

В первую очередь стоит обратить внимание на мнениее большинства ученых о практическом отсутствии исторических свидетельств «для реконструкции ранней истории савроматов» [38:1994, с. 19], а также на то, что термин «савроматы» во многом собирателен и объединяет «часто самые разные по происхождению, языку и культуре народы Восточно-Европейской равнины и, в частности, Предкавказья» [39:1925, с. 11-112; 40:2003, с. 66].

Известно, что «ни Геродот, ни его предше-

ственники не включали Северный Кавказ в зону обитания скифов, а именовали его лишь “дорогой скифов”». И.М. Мизиев, опровергая тезис о том, что ассимиляция и иранизация автохтонных племен Кавказа скифами произошла уже с момента их первого появления в VII в. до н.э., основывается на том, что 1) походы каких-либо племен или войны вовсе не означают иранизацию, либо тюркизацию или арабизацию местного населения; 2) проведение этимологии древних этнонимов Центрального Кавказа с позиций ирано-осетинского вовсе не означает, что его носители говорили на нем; 3) данные исследователей-археологов свидетельствуют об отсутствии в период архаики сколько-нибудь существенного иранского населения, способного ассимилировать носителей кобанской древнекавказской археологической культуры [41:1986]. Е.И. Крупнов определяет нижний хронологический рубеж – XII в. до н. э. – как время обитания на территории Центрального Кавказа аборигенных племен кобанской культуры, сформировавшихся еще в доскифское время [42:1969, с.16] и генетически не связанных с древнеиранским миром.

Согласуется с доводами противников скифо-сармато-аланской версии и тот факт, что мы не обнаружили зираков в осетинском нартском эпосе, а применительно к этнониму сирак в историко-этимологическом словаре В.И. Абаева присутствует однозвучное sirag, переводимое как «иноходец» (конь) [43:1979, с.112-113].

П. У. Аутлев предлагает прочитывать как «смуглый сирак» указанное в адыгском эпосе имя нарта «Саусырыкъу»: «сау (шау)» в смысле «черный», «смуглый» и сам этноним «сирак» [44:2008, с. 480]. Согласно выводам П.У. Аутлева и Н.Ф. Анфимова, часть сираков, первоначально эллинизированная в Боспорском царстве, в дальнейшем приняла участие в формировании алан, другая была ассимилирована меотами (предками современных абхазо-адыгов). Одним из результатов этого процесса объясняется присутствие в осетинском эпосе нарта Саусырык [45:1989]. Любопытно, что в своем историко-этимологическом словаре В.И. Абаев не дает перевода и имени Sozyryqo, он отмечает что, «тот, кто разъяснил бы элемент Соср в слове Сосрыко, оказал бы немалую услугу нартским исследователям» [53:1957,с.27-28]. А.М. Гадагатль предложил рассматривать «имя “Саусырыкъо”… как “сао сыр” - “мальчик горячий”, “мальчик огнем горящий” или “пылающий”» [47:1967, с.196]. Кабардино-балкарские ученые предлагают рассматривать Сосурук в значении «рожденный из камня»: на карачаево-балкарском «Сослан означает “гранит” (есть чисто балкарская вариация – состар), в обоих случаях сос – является корнем слова; урук – означает “род, порода, семя, потомок, дитя, ребенок”» [48:2004, с.174], т.е. Сосурук – рожденный из камня [49:1965, с. 124; 50:1974, с. 604].

Отметим, что в осетинском нартском эпосе активно присутствуют два имени этого нарта – Сослан и Сосруко, первое из которых объясняется В.И. Абаевым «данью тюрко-монгольской моды», а второе рассматривается, как «результат адыгской интерпретации имени Soslan; замена *l - r* и оформление патронимическим элементом qo – сын», которое затем уже в измененном «адыгизированном» варианте опять вернулось в осетинскую среду [43:1979, с. 139]. «Будучи традиционным эпос (имеется в виду осетинский - Авт.) вместе с тем не был никогда замкнутым… он был открыт для влияний со стороны соседних народов, с которыми аланы поддерживали обмен как материальными, так и духовными ценностями», в результате, – как пишет В.И. Абаев, – были возможны такие «челночные переходы» [43:1979, с. 139]. Переходы в истории лексики возможны, однако утрата собственного традиционного варианта имени, движение нового варианта из одной культурной среды в другую, затем возвращение его в переработанном виде обратно, а также активное сосуществование двух новых вариантов имени одного и того же героя одновременно, в эпической традиции практически не наблюдается.

В.И. Абаев отмечает «наличие традиционных героев, носивших явственно следы своей мифологической природы», и подчеркивает, что появление на Кавказе тюрко-монгольских племен привело к появлению, в частности, эпонима Сослан [43:1979, с. 139]. Выглядит, по меньшей мере, сомнительным вероятность потери традиционного имени центрального персонажа нартского эпоса в результате установления некой «монгольской моды», о которой, если и можно говорить, то только применительно к XIII в. Ведь известно, что нартский эпос народов Северо-Западного Кавказа, «характеризующейся архаическими формами» с присутствием «элементов классицизма» [51:1982, с.28], связан с эпохой военной демократии периода позднего патриархата. «Подавляющее большинство исследователей нартского эпоса, на наш взгляд, правильно относит возникновение эпоса к позднему патриархату и хронологически датирует его первой половиной I тысячелетия до н.э.»

[52:2011, с.258-259]. Таким образом, согласно В.И. Абаеву, существование традиционного имени нарта должно прослеживаться в период с начала I тысячелетия до н.э. и до «установления монгольской моды» в XIII веке, а затем в течение двух веков оно совершенно утрачивается.

Можно было бы согласиться с версией об иранизации традиционного имени главного героя нартского эпоса, превратившегося в осетинском варианте в Сослана, произошедшей в монгольский период, однако и это имя «тоже не переводится с осетинского», хотя и «используется в быту» [48:2004, с.174]. При этом, «твердое убеждение, что нартский эпос не мог возникнуть за пределами Кавказа и быть привнесенным сюда ираноязычными предками осетин» [52:2011, с. 258-259], соответственно, не позволяет говорить также и в отношении указанных имен.

Указанные обстоятельства, а также значимость персонажа Сосруко в кавказской нартиаде не позволяют согласиться с версией потери традиционного имени героя и приобретенности данного имени народами-автохтонами Кавказа. Ввиду изложенного, вернее будет сказать о приобретенности имен Сосруко/Сослан ираноязычными осетинами, а также вообще подвергнуть сомнению тезисы об ираноязычности самих алан и принадлежности, как пишет В.И. Абаев, ряда сюжетов, мотивов и образов нартского эпоса «к скифской эпохе» [43:1979, с. 139].

Известно, что имена героев нартского эпоса напрямую связаны с народом, его создавшим: «каждое из них (имен нартов – Авт.), вне всякого сомнения, возникло в одном определенном месте, у одного определенного народа и отсюда уже распространилось среди народов…» [46:1957, с. 27-28]. Это обстоятельство побуждает исследователей выискивать варианты этимологизации имен нартов с адыгского, карачаевского или абхазского и т.д. в отдельности, чтобы говорить о принадлежности эпоса конкретному этносу. Так, В.А. Кузнецов, продолжая проторенный В.И. Абаевым путь об осетинском происхождении нартского эпоса и восхождении ряда образов, мотивов и сюжетов к скифской эпохе» [43:1979, с. 139], имя Сосрук считает заимствованным у ногайцев, несмотря на то, что с последними осетины «познакомились в XVII веке» [48:2004, с. 178].

Абхазо-адыгская и нахо-дагестанская языковые ветви относятся к общей северо-кавказской языковой семье. Присутствие тюркизмов в адыго-абхазских сказаниях нельзя отрицать, как и то, что осетины – ираноязычны, а карачаевцы и балкарцы тюркоязычны. Однако, вывод известного антрополога В.П. Алексеева о непрерывной последовательности поколений местных популяций, изъясняющихся «на каких-то кавказских языках» с древнейших времен «вплоть до современных тюркоязычных народов Северного Кавказа и осетин…», а также то, что «переход их предков на тюркскую и иранскую речь имел место не раньше, чем в эпоху позднего средневековья…» [53:1986, с. 101], позволяет рассматривать их в едином этногенетическом и культурном пространстве Кавказа.

Историк-лингвист И.М. Дьяконов приходит к выводу, что в III – II тыс. до н.э. племена восточно-кавказской группы кавказской языковой семьи – находагестанские и хуррито-урартские – проживали на всей территории центральной и восточной части Кавказа, Армянского нагорья, восточной и юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии [54:1966, с.18; 55:1978].

В исторической науке отмечены «прочные узы, которые связывают нартские предания с хуррито-урартской мифологией» [56:1989, с. 73], а ряд авторитетных ученых прямо говорит, что родство нахско-дагестанских языков с хуррито-урартами в настоящее время считается уже доказуемым [57:1965, с.7; 58:1935; 59:1939, с.42-28]. Таким образом, считаем логичным рассмотреть этимологию имени нарта Сосруко (в едином контексте различных вариантов кавказской нартиады), опираясь на историко-культурное наследие малоазийского мира.

В определении традиционного имени данного нартского персонажа стоит отдать предпочтение второму варианту, как в силу его широты распространения, так и морфемной идентичности. В адыгейском – «Саусырыкъу», абхазском – Сасрыкуа, балкарском – Сосрукъ, в карачаевском – Сосрыкъо, абазинском – Сосрыкъва, а также осетинском Созрыко можно выделить три морфемы со/са + сырык/срык/сурук/зрык + къу/куа/ук/ко. Аналогичные форманты выделяются и в традиционном ингушском и чеченском имени – Сосаркъа.

Нетрудно заметить, что вторая морфема действительно соответствует этнониму сирак, первая «со/са» сравнима с понятием «душа» (адыг.: псэ; инг.: са; абхаз.: аҧсы), а третья является патронимическим элементом «ко/къо», в значении «сын» (у адыгов, ингушей, чеченцев, абхазцев). Таким образом, эпоним Sozyryqo можно этимологизировать как «душа сирака/зирака сын», т.е. «духовный потомок сираков/зираков».

Перспективным видится использовать одно из правил шумерской грамматики в отношении

морфемы «са», позволяющей без изменения смысла прочитывать ее как «ас». Как известно, именно так и сегодня называют современных балкарцев и карачаевцев. Иосафат Барбаро, побывавший на Кавказе в 1436 г., называет всех алан – асами: «Алания происходит от народа аланов, называющихся на своем языке “ас”» [61:1822, с. 243-256].

Бытование второй морфемы сирак обнаруживается не только в ингушской нартиаде в виде зирак [zirk] или в виде имени Сосруко кавказской нартиады, но и в среде предков современных адыгов и абхазов – племени зихов, упоминающихся с I в. до н.э. по XV в. «Зихия – это страна черкесов или сиркасов вдоль Черного моря, - пишет Ю. Клапрот: Зихи называются на народном языке, греческом или латинском, а тартарами и турками называются сиркасы» [61:1822, с. 243-256].

Имя «зих» византийцы переводили как «живет от праха, т.е. земледелием» [62:2005, с.287]. В современной науке было предложено несколько вариантов этимологии: от адыгейского «цIыфы», мн. ч. «цIыфыхе» - люди и от абхазского «адзы» – вода, т.е. приморские жители [63:1957, с.25-38], либо через несохранившиеся формы названия черкесов – «а-дзиги». [64:1891, с. 1] В представленных вариантах зих/сиркасы/адзы/цIыфы обнаруживается формант «зи/ци», который, согласно выводам К.Д. Туманова, связан с шумерским «zi». К.Д. Туманов доказывает этнолингвистическую однородность шумерского “zi” и нахского «“ци” со значением крови» [65:2011, с.46,50]. В доказываемом нами тезисе этимологической связи ингушского «зирак», савроматского «сирак» и эпонима Сосруко обнаруживается морфемное сопоставление этих понятий с малоазийскими божествами Зу и Ма-Зи.

Сирак/зирак/Сосруко соотносятся не только грамматически. Несмотря на то, что А.П. Аутлев указывает на такую антропологическую особенность сираков, как смуглость, основанную лишь на одном из вариантов этимологии имени нарта Сосруко, к числу антропо-физиологических характеристик сираков следует относить их принадлежность к брахикранному европеоидному типу и наличие голубых глаз. [44:1992, с.480; 45:1989] Сочетание, невольно привлекающее внимание.

Сведения Страбона, что территорию «начиная с северных стран, обращенных к океану, населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в повозках; ближе их – сарматы, тоже скифское (племя), аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием, у (самого) озера живут меоты…» [66:1964, с. 480], являются основанием для причисления сираков к кочевым племенам и утверждения, что последние в I в. н.э., в результате ассимиляции меотской средой, приобретают навыки земледелия и создают государство. Так, М.М. Блиев и Р.С. Бзаров пишут: «Наибольшим богатством отличались аорсы, однако не они, а сираки первыми создали государство. Это можно объяснить тем, что сираки установили господство над многочисленными племенами меотов, которые имели развитое хозяйство и высокую культуру» [67:2000, с.74].

Все ученые единодушно говорят о дружелюбной и взаимной ассимиляции оседлых синдо-меотов савроматскими сираками-кочевниками, однако почему такое стало возможным, остается без ответа. Ведь речь идет о времени, когда любое территориальное расширение или переселение было чревато кровавыми столкновениями, а воинственность меотян и сираков известна. В.Б. Виноградов предлагает рассматривать данную межэтническую интеграцию как желание меотов использовать сираков в качестве оборонительной цепи, чуть ниже дополняя, что она «вряд ли была способна сдержать серьезный натиск восточных кочевников, если бы таковой последовал…» [68:1963, с.105].

«Следует подчеркнуть, - пишет Лысенко Н.Н., - что детальное ознакомление с нарративными источниками и археологическими материалами, связанными с сираками, подводит к выводу, что это племя только очень условно можно именовать сарматским» [69:2007]. В.Б.Виноградов, подчеркивая, что этноним савромат является древним этническим наименованием сираков, пришел к выводу об их генетической связи [68:1963, с. 148]. В письменных источниках отмечается культивирование племенной элитой сиракского союза в собственном народе этнополитического противопоставления савроматов и сарматов [70:1996, с.115-116], которое впоследствии вылилось в легенду о родстве сираков с савроматами, ставшей официальной родословной племенной верхушки [69:2007].

Считаем, что именно благодаря имеющимся знаниям (а не «в связи с установлением господства над многочисленными племенами меотов»), сираки/зираки первыми создали государство, имели «развитое хозяйство и высокую культуру», несмотря на то, что «наибольшим богатством отличались аорсы» [67:2000, с.74]. Известно, что на боспорской государственной службе находился целый штат переводчиков с аланского языка, среди которых в начале III века известен некий Ирак

(зирак – Авт.), занимавший должность «главного аланского переводчика» [67:2000, с.86]. Данная характеристика согласуется с существенной чертой ингушских зираков – ученейших мужей-мудрецов, которые систематизировали свое эзотерическое знание в книгах. Именно принадлежностью к касте магов, социальному слою посвященных, стоит объяснять и этногенетическую легенду савроматских сираков/зираков и их мирное сосуществование с синдо-меотской средой.

Считаем более перспективным рассматривать савроматских сираков/зираков как одно из древненахских племен. Такое предположение подтверждается не только выводами некоторых историков о принадлежности сарматов к иберийско-кавказской семье языков, соответственно, нахским племенам [71:1939, с.44], но и данными из мифопоэтического творчества ингушей.

Символическая связь ингушских зираков с малоазийским образом Ма-Зи, (выраженная в образах-атрибутах звезды, змеи, ночного неба, знания/мудрости) и этнолингвистическое сопряжение шумерского и нахского форманта «zi» в значении «кровь», позволяет рассматривать ингушских зираков, как людей посвященных, магов, служителей богини-матери – Ма-Зе. Формант «zi» присутствует в представленных вариантах этнонимов сирак/сиркас/зих/адзы/цIыфы. Опираясь на историко-культурное наследие малоазийского мира, предлагаем этимологизировать имя Sozyrуqo, как «духовный потомок сираков/зираков».

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. №10.
2. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. 1976
3. Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М. 1969.

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин //biblio.darial-online.ru›text/Abaev_V_I/index_… Дата обращения 02.02.2015

4. Как изжили обычай цет //Ингушский нартский эпос. Нальчик. 2012.
5. Как Кинда Шоа похитил девушку // Антология ингушского фольклора. Нальчик. 2006. Т. 4. С. 92
6. См.: Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М. 1997.
7. Айслер Р. Чаша и клинок. М.: Изд во «Древо Жизни», 1993 (пер. с англ.). http:// www.lib.ru/URIKOVA/AJSLER/klinok.txt Дата обращения 13.10.2013.
8. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. 1990.
9. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия. История. Т. I. Вып. I. Грозный. 1959.
10. Голан А. Миф и символ. М. 1993.
11. Крамер С. История начинается в Шумере. М. 1991.
12. Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. 5. Тифлис. 1875.
13. Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный. 1979. С. 64-65;
14. Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный. 1978.
15. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М. 2001.
16. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века): Дис…канд. ист. наук АН Армянской ССР. Ереван.1988.
17. Дударов А-М.М. Махли – античное государство древних ингушей // А-М.М. Дударов, Н. Кодзоев. К древней и средневековой истории Ингушетии. Нальчик. 2011.
18. Мадаева З.А. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом (XIX - начало XX вв.) // Хозяйство и быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный. 1983.
19. Ахриев Ч. Ингушские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V.Тифлис. 1871.
20. Тилов Р.Р. Говорящая бронза. Этническая интерпретация племен кобанской культуры. Нальчик. 2005.

21. История Ингушетии. Ростов-на-Дону. 2012.

22. Чокаев К.З. Нахские языки. Грозный. 1992.

23. Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Ма'ас и Дедяков //Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный. 1984.

24. ПМА.: Информант Дударов А-М.М., 1962 г.р., РИ, с. Кантышево.

25. Археологические открытия. М. 1982.

26. Акиева П.Х. Первообраз птицы в культурно-исторической традиции ингушей // Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 165-летию Ч.Э. Ахриева. Назрань. 2015.

27. Магал // Антология ингушского фольклора. Нальчик. 2003. Т.1.

28. Магал (О Звезде ветров) // Ахриев Ч. Избранное. Составитель А. Мальсагов. Назрань. 2000.

29. Труды Ф.И. Горепекина. СПб. 2012.

30. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М. 1971.

31. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958.

32. Дударов А-М. М. Письменность как компонент этнокультуры ингушей (становление и функционирование //Дис… канд. и..н. СПб. 2015.

33. Зязиков М.М. На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX вв. М. 2011.

34. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов. 1997.

35. Гаглойти Ю.С. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе //Аланы и Кавказ. Владикавказ. 1992.

36. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе //СА. №1/ 1965.

37. Бози Ф. Античные источники о савроматах // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Савроматская эпоха. Вып. 1. М. 1994.

38. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л. 1925.

39. Раевский Д.С. Об историографии скифской проблемы в современном освещении (некоторые замечания к дискуссии) // РА. Вып. №2. 2003.

40. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик. 1986.

41. Крупнов Е.И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 2.

42. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л. 1979.

43. Аутлев П.У. О сираках, роксаланах и аланах нартского эпоса // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения. Вып. VIII. М. 2008.

44. Анфимов Н.Ф. Меоты –предки адыгов. Майкоп 1989

45. Абаев В.И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе. 1957.

46. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар. 1967.

47. Кубанов А.Х. Ассия и Асгард на Кавказе, или по следам Т. Хейердала: Очерки и заметки. М. – Ставрополь. 2004.

48. Русско-карачаево-балкарский словарь М. 1965.

49. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М. 1974.

50. Шапиро А.Л. Архаическая мифология и архаический эпос – предшественники историографии // Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л. 1982.

51. Анчабадзе З. В Избранные труды (в двух томах). Том II. Сухум. 2011.

52. Алексеев В.П. Этногенез. М. 1986.

53. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван. 1966.

54. Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки //Древний Восток. Выпуск. 3. Ереван. 1978.

55. Бакаев Х.З., Дударев С.Л. К вопросу об истоках нартского эпоса //Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе. 1989.

56. Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков //Тезисы докладов национальной конференции. Историко-лингвистические связи народов Кавказа. Махачкала. 1965.

57. Марр Н.Я. Язык клинописных надписей на основе яфетического языкознания. Л. 1935.

58. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // ВДИ. № 4. 1939.

59. Меликишвили Г.А. Урартские клинописные надписи. Тбилиси. 1960.

60. Клапрот Ю. Nouvelles annates des Voyages, de la geographie et de 18 histoire. Paris. 1822. T. XVI. Перевод и комментарии Т.Т. Камболова.

61. Греческие предания о св. Апостоле Андрее. Т. 1. Под ред. А.Ю. Виноградова. СПб. 2005.

62. Очерки истории Адыгеи. Ред. С.К. Бушуева. Майкоп. 1957.

63. Лопатинский Л. Заметки о народе адыги (черкесы) вообще и кабардинцах в частности. Кабардинские предания и тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1891. Вып.12.

64. Туманов К.Д. О доисторическом языке Закавказья. Из материалов по истории и языкознанию Кавказа. Грозный. 2011.

65. Страбон. География в 17 книгах / Перев. Г. А. Стратановского. XI, II, I М. 1964.

66. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии. Владикавказ. 2000.

67. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Т. IV. Грозный. 1963.

68. Лысенко Н.Н. Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э. - II в. н.э. Автореф. дисс… докт. и. н. Владикавказ. 2007.

69. Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. №2. 1996.

70. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ. 1939. №4.

КАЗАКИ И ЧЕРКЕСЫ КУБАНИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Денисова Н.Н.
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп)

Первая мировая война – одно из самых драматичных мировых событий начала XX в. В памяти россиян она осталась как «Отечественная», «Великая Отечественная», «Большая», «Германская», «Империалистическая», «Великая» [1], «Российская Голгофа» [2, с. 304] и «Полузабытая война» [3]. Название Первая мировая утвердилось с 1939 г., исходя из длительности войны (более 4-х лет), масштабов (участвовали 38 из 59 государств, 73-миллионные армии) и последствий.

Непосредственным поводом для войны послужило убийство (28 июня 1914 г.) австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским студентом Г. Принципом, а причинами – международное, военно-стратегическое, геополитическое и экономическое противостояние Антанты (Россия, Великобритания, Франция) и Четверного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). Война началась по всему корпусу причин, искать одну единственную, как отмечали современники, – бесполезно [4].

Россия вступила в войну политически и военно-технически ослабленной предшествующими войнами. В этой ситуации надежда возлагалась на боевой дух народа, который, несмотря на все трудности, в большинстве своем демонстрировал высокие моральные качества, выливавшиеся в общероссийский патриотизм. Активно на стороне России участвовали представители ее окраин, многие из которых недавно были включены в российскую административно-политическую систему. Данный факт требует глубоких и всесторонних исследований как действий российского правительства по военной мобилизации своих новых граждан, так и мотивов героического участия национальных воинских подразделений в Первой мировой войне. Этот военно-исторический, политический и культурологический опыт весьма актуален для современной российской действительности.

На фронтах Первой мировой войны, наряду с новейшей военной техникой и вооружением, продолжала активно использоваться конница, самой многочисленной в этот период была российская. Наиболее боеспособную ее часть составляли кавказцы: казаки и горцы, издавна славившиеся высоким воинским мастерством, удалью и геройством, обладавшие богатым военным опытом. Боеспособными эти подразделения делало, не в последнюю очередь, казачье-горское содружество, прошедшее испытание многими войнами. В судьбоносные военные периоды российской истории на второй план отходили исторические обиды и противостояние народов. Данная традиция не дала возможности противникам России в период Первой мировой войны реализовать планы отторжения Северного Кавказа от России через «поддержку движения за независимость нерусских народов от Российской империи…, организации восстания черкесов» и формирования в Турции Черкесского легиона для борьбы против русских войск на Кавказском фронте [5]. Эти меры не возымели успеха в среде черкесов, которые устами своих предводителей, в частности областного кадия, заявляли, что «все черкесы останутся верны России… И если надо, весь черкесский народ поднимется и пойдет на турок» [6, с. 82]. В ряде мечетей, также как и в православных храмах**,** совершались молебны о «ниспослании победы русскому оружию [7, с. 2].

С первых дней войны в Кубанской области началось формирование горско-казачьих подразделений, в которые казаки призывались, а горцы шли на добровольной основе. Мобилизационные мероприятия проходили довольно успешно, о чем свидетельствует показатель призванных кубанских казаков, который был выше, чем в среднем по стране [8, с. 22]. Кубанское казачье войско выставило 37 конных полков, 2 гвардейские сотни, Отдельную казачью дивизию, 24 пластунских батальона, отдельный пластунский дивизион, 51 сотню, 6 батарей. В боевых действиях приняли участие, по разным источникам, от 90 до 110 тыс. казаков, составив «видную и многочисленную силу» [9].

Свои особенности имело формирование горских воинских подразделений, воинское мастерство и доблесть которых высоко ценились российским правительством. Уже через неделю после начала войны наместник Кавказа И.И. Во-

ронцов-Дашков, предложил российскому императору «мобилизовать воинственные кавказские народы», на что незамедлительно поступило высочайшее «добро». В свою очередь, как отмечал Султан Довлет-Гирей, самим горским населением Кавказа «… организация … дивизии [была] встречена с живейшей радостью».

Формирование Кавказской конной туземной дивизии шло при постоянном, деятельном внимании аульских старшин и обществ, которые следили, чтобы «в число всадников, зачисляемых на службу охотниками (добровольцами), не попадали бы лица, состоящие под судом и следствием» [10, л.12]. Старейшины и представители аулов организованно сопровождали горцев на сборные пункты. В результате дивизию пополняли наиболее храбрые, физически и нравственно готовые к тяготам войны всадники. Число добровольцев часто превосходило штатные потребности полков. 5 сентября 1914 г. (23 августа по ст. ст.) Кавказская туземная конная дивизия, включавшая три бригады, была окончательно сформирована. В третью бригаду вошел Черкесский полк, скомплектованный из горцев Кубанской области. Состав дивизии изначально был многонационален. В ее рядах сражались представители всех народов Кавказа, в том числе северо-западные адыги.

Местные власти не только морально, но и материально поддерживали земляков – казаков и горцев [11, с. 112]. Осенью 1916 г., когда русская армия была измотана и утомлена войной, а голод в войсках стал хроническим, из казачьих и горских полков поступали донесения, что они не только сохраняют высокую боеспособность, но и добротно вооружены и обмундированы.

Для казаков и горцев всегда была важна личность их командиров. Они с удовлетворением воспринимали факт комплектования офицерского состава «родовитыми русскими и кавказцами». Так, всадники Кавказской дивизии с воодушевлением встретили известие о назначении ее первым командиром брата императора Великого Князя Михаила Александровича, оцененное ими как знак признания их воинского достоинства и мужества. Черкесским полком командовал князь Александр Чавчавадзе, сын генерала Захария Чавчавадзе, героя войн с Турцией. Сотником Черкесского полка служил штаб-ротмистр Келеч Султан-Гирей, потомок крымских ханов, «самый авторитетный офицер-кавалерист» [12, л. 1].

Значительный след в истории Кубанского казачьего войска оставил черкес С.Г. Улагай. Исторические источники донесли до современности его блестящую характеристику – «… службе предан, требователен и настойчив… Отлично знает и любит строевое дело… В нравственном отношении безупречен…. К казакам строг, но справедлив, с товарищами живет в большом согласии». Позже генерал Врангель, сам блистательный кавалерист, писал о нем: «До болезненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем, обожаем среди своих офицеров и казаков. Отлично разбирается в обстановке, умеет проявить вовремя личный почин и находчивость. Обладает, несомненно, талантом крупного кавалерийского начальника» [13].

Командный состав Черкесского полка активно пополнялся горцами, выходцами из семей, ранее служивших России. В их числе Довлетмирза Бжегаков, предки которого «в четырех коленах верой и правдой служили Отечеству»; Мурза Бек Индрисович Лоов, георгиевский кавалер (1904 г.); Иосиф Хасанович Лакербай, отец которого «передал своим детям и внукам дружеские чувства к России» [14]. Уважением и авторитетом у горцев и казаков пользовался «прекрасный конник, заботливый и ответственный человек» мулла Мишуест Набоков [15].

Офицерский состав Кавказской дивизии и казачьих подразделений был многонациональным. Горцы служили в казачьих войсках, казаки – в рядах дивизии. Этим преследовалась не только боевая, но и политическая цель – «показать неразрывную связь Кавказа с Россией…», которую кавказцы не нарушили. В их рядах не было отмечено ни одного случая дезертирства [17]. Данная традиция в полной мере оправдала себя в годы русско-турецкой, русско-японской [16] и Первой мировой войн.

Большую роль в организации горских воинских подразделений играли сотники, назначаемые из казаков, офицеров регулярных войск и самих горцев. Так, командиром 1-й сотни Черкесского полка, состоявшей из всадников аулов Екатеринодарского отдела, был штабс-ротмистр Сергей Лихачев, казак ст. Костромской. 3-ей сотней командовал дворянин Черниговской губернии, штаб-ротмистр Евгений Озаровский. Командиром 4-й сотни, Абхазской, был штабротмистр Генрих Бьерквист, уроженец Финляндии, до войны служивший в Закавказье.

Интерес представляет институт урядников, непосредственно соприкасавшихся с основной массой всадников и набиравшихся в сотни (за исключением Абхазской) из числа казаков ста-

ниц, комплектовавших эти сотни, прошедших службу в строевых частях, участвовавших в военных операциях и имеющих награды. По положению, половину штатного числа урядников Кавказской дивизии должны были составлять казаки. Но только Черкесскому полку удалось качественно выполнить данное требование, что позволило Великому Князю Михаилу Александровичу доложить генералу А.А. Брусилову, что «лучших строевых урядников имеет именно Черкесский полк» [18, с. 83]. Должность урядника, как известно, имелась только в казачьих частях. Введение ее и в структуру Горской дивизии имело целью согласование деятельности горских и казачьих подразделений. Урядники явились реальным связующим звеном между офицерами и всадниками, горцами и казачеством [19].

Боевой путь горцев и казаков Кубанской области пролегал по Галиции, Румынии, Финляндии, Восточной Пруссии, Германии, Австро-Венгрии, Турции. Они участвовали практически во всех крупных военных операциях. Золотыми буквами в историю кубанцев вписана Сарыкамышская операция, в которой казаки проявили исключительную «боевую устойчивость». «Тактика, – говорили пластуны, – у нас простая: в нас стреляют – мы идем вперед; подошли – враг отступает…» Генерал Гулыга приказывал врачам: «Раненого пластуна не переворачивать без толку – входных пулевых ран в спину у пластуна не может быть!» [20]. Турки называли их «шайтанами в юбках» (черкесках). За эту битву казаки заплатили высокую цену: более 20 тыс. убитых, раненых и больных и более 6 тыс. обмороженных [21].

Также стойко переносили тяготы и лишения черкесы. Уже в первых боях в Карпатах зимой 1914-1915 гг. они продемонстрировали «блестящие конные дела, которые составили одну из лучших страниц истории нашей конницы». Боевое мужество и мастерство горцы проявили в наступлении на Станислав (1915 г.) при взятии (совместно с Ингушским полком) укрепленного села Цу-Бабин; оборонительно-наступательных боях на Пруте и Днестре (1915 г.); во время Брусиловского прорыва (1916 г.); обороне в Румынии (1916-1917 гг.); прорыве австрийских позиций под Станиславом (1917 г.); прикрытии массового отступления русских войск (1917 г.). Черкесы не изменили своей древней традиции «быть в военных действиях всякий раз в передовом полку» [22, с. 216]. Они «решительно отказывались уступать кому-либо первенство под неприятельским огнем». По этой же причине в обоз «никто из них идти не соглашался …» [23].

За воинские подвиги на фронтах Первой мировой войны многие казаки и горцы были награждены Георгиевскими орденами и медалями, Георгиевским штандартом, серебряным и золотым оружием. Первым Георгиевским кавалером (август 1914 г.) из кубанцев стал подхорунжий Савенко. Особым почетом пользовались полные георгиевские кавалеры, первым среди которых стал вахмистр Черкесского полка Максим Сафронов. Такой же чести были удостоены всадники этого полка: Шхалахов Рамазан Алиевич, Мусса Джарим, Учужук Почешхов, Закерим Хамуков, Яков Самойлов, Байзет Султан-Гирей и др.

В боях отличились многие всадники Черкесского полка, в их числе Леон Дудов, Узденов Шамай, Асланбек Шарданов, Пшимаф Ажигоев, Павел Петрик, Бахчери Лешев, Хурай Мамий, Махмуд Беданоков, Карбеч Кушу, Махмуд Блягоз, Махмуд Паранук; воинскую доблесть проявили Юсуф Болетов, Ибрагим Ешуков, Хусейн Хотов, получив Георгиевские медали. Полковой мулла Мишуест Набоков «за отличие в делах против неприятеля» был произведен в прапорщики. За участие в Брусиловском прорыве Георгиевские медали вручены урядникам Ахмеду Жикову, Зачерию Абадзе, Ереджибу Ячику; Георгиевскими крестами 4-й степени награждены Иван Тураев и Хачук Шегушев и др.

Знаменательным событием для всего Кубанского казачьего войска стало награждение в 1914 г. Георгиевским орденом самого известного казака Майкопского отдела летчика В.М. Ткачева. Великий Князь Михаил Александрович писал по этому поводу: «Он первым из наших доблестных орлов получил это высшее отличие. Душевно радуюсь сообщить об этом славному Кубанскому казачьему войску, сыны которого не только на земле, но и воздухе покрывают себя неувядаемой славой» [24, с. 75].

Приказом по 8-й армии от 2 сентября 1917 г. № 2855 Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» были отмечены офицеры-прапорщики Черкесского полка Агиров Магомет-Рауф, Ажегоев Пшемаф Челеметович (имевший Георгиевские кресты 2-й, 3-й и 4-й степеней) и полный кавалер 4-х степеней Георгиевского креста Султан Байзет-Гирей Шаханович. В разное время к награждению Георгиевским оружием представлялись князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский, Султан Крым-Гирей Селетович, Султан-Гирей Келеч Шаханович и Барасби Саляхович Мамышев.

В 1917 г., когда разложение воинских частей

на фронте достигло апогея, Кавказская конная дивизия сохранила дисциплину и воинский дух, выполнив роль «кавалерийской завесы» при отступлении российских войск. Высшей оценкой царившего в дивизии духа явились слова генерала Корнилова после ее осмотра 12 ноября 1917 г., сообщившего начдиву князю Багратиону: «Я, наконец, дышал военным воздухом!».

О подвигах казаков и горцев Кубани свидетельствуют следующие факты. Около 3 500 всадников дивизии и 30 720 кубанских казаков и офицеров удостоились Георгиевских крестов и Георгиевских медалей. Всем офицерам Кавказской дивизии вручены боевые ордена. Практически каждый третий кубанец [казак] имел боевую награду [25]. Количество пленных, взятых всадниками Кавказской конной туземной дивизией, в 4 раза превзошло ее собственный численный состав.

История формирования и участия в военных действиях казачье-горских воинских подразделений – одна из самых поучительных страниц в истории взаимоотношений России и Северного Кавказа. На полях боев закреплялось боевое содружество казаков и горцев. Определенные усилия в этом направлении предпринимали государство и военное командование. Так, в знак уважения к воинам не православного вероисповедания высказывалось предложение изменить дизайн (исключающий крест) наградных орденов и медалей, вручаемых горцам. В обязанности адъютантов входил учет количества христиан и мусульман, присутствовавших в офицерском собрании. Если мусульман было больше, то все, согласно мусульманскому обычаю, оставались в папахах; если больше христиан – все снимали головные уборы по обычаю христиан. В дни мусульманских праздников несение караула и другие воинские обязанности исполняли в основном православные и наоборот.

Казаки и горцы совместно делали «славную боевую работу» не только в годы Первой мировой войны. «Дружное единение», продемонстрированное ими в этот период, вселяло уверенность, что «они и впредь будут защищать Россию от внешнего врага».

Память о боевом содружестве народов может и должна стать символом, сближающим народы Северного Кавказа с Россией в «единое целое безотносительно к административным, этно-национальным и иным границам». Поэтому чувство глубокого удовлетворения встретило у россиян учреждение, в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина, Дня памяти русских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914-1918 гг.; решение Законодательного собрания Краснодарского края об увековечивании заслуг кубанцев – казаков и горцев в годы Первой мировой войны и учреждение Госсоветом–Хасэ Республики Адыгея Дня памяти о боевом содружестве горцев Адыгеи и казаков Кубани. Данные решения явились ответом на потребность российского общества сохранить в народной памяти бесценный исторический опыт боевого содружества адыгов и казаков, который не утрачивает своей актуальности и в современный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдун В.Н., Махров А.М. Участие Кубанского казачества в Первой мировой войне в отечественной историографии 1-ой трети XX века [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-kubanskogo-kazachestva-v-pervoy-mirovoy-voyne-v-otechestvennoy-istoriografii-1-oy-treti-xx-veka

2. Емельянов Л.Г. Казаки на персидском фронте (1915-1918 гг.). М., 2007. С. 304.

3. Бурдун В.Н., Махров А. М. Указ. соч.

4. Первая мировая война [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=223

5. Мамулиа Г. Российский геноцид народов Северного Кавказа в документах кавказского национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны (1914-1918) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.memo.ru/d/58016.html

6. Вершигора А. Черкесский полк в Первую мировую войну // Литературная Адыгея. 1998. № 1. С. 82.

7. Кубанские областные ведомости. 1914. 2 августа. № 168. С. 2

8. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М.: Изд-во «Центральное статистическое управление», 1925. С.22.

9. Елисеев Ф. Казаки на Кавказском фронте 1914-1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадях [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://read24.ru/fb2/fedor-eliseev-kazaki-na-kavkazskom-fronte-19141917/

10. Национальный архив Республики Адыгея (далее НА РА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 66. Л.12.

11. Емыкова Н.Х. «Геройство майкопцев-черкесов» – письмо из прошлого // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 9. Майкоп, 2013. С. 112.

12. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 2077. Л. 1.

13. Софронов И. Черкес на русской службе [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://klin-kazak.ru/kazachya-slava/cherkes-na-russkoj-sluzhbe.html

14. Вершигора А. Горские офицеры и полные георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска территории Кубанской области на службе России (конец XVIII - начало XX вв.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=2562

15. Там же.

16. Там же.

17. Арсеньев А. Кавказская конная туземная дивизия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://aulassoki.ucoz.ru/load/13-1-0-208

18. Вершигора А. Черкесский полк в Первую мировую войну … С. 83.

19. Вершигора, А. Горские офицеры и полные георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска территории Кубанской области на службе России (конец XVIII - начало XX вв.) …

20. Там же.

21. Елисеев Ф. Казаки на Кавказском фронте 1914-1917 …

22. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI-30-е гг. XVII вв.). М., 1963. С. 216.

23. Сухов И. «Дикая дивизия» без мифов [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://republic.com.ua/article/25354-DikaYa-diviziYa-bez-mifov.html

24. Затолокин В.П. Выдающиеся личности в истории Кубанского казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 6. Майкоп, 2011. С. 75.

25. Акоева Н.Б. Фронтовая повседневность казаков-кубанцев в годы Первой мировой войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология, экономика, информатика. Вып. 11. Т. 9. Белгород, 2009.

К85.124 У745/749

ОРНАМЕНТЫ НА ГЛИНЯНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНГУШЕТИИ

Дзарахова З.М-Т.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация. *В статье говорится об орнаментах, сделанных на глиняных изделиях древней и средневековой Ингушетии.*
Ключевые слова: *орнамент, линия, глина, изделия, древность, гончарный круг.*

ORNAMENTS ON POTTERY OF ANCIENT AND MEDIEVAL INGUSHETIA

Dzarahova Z.M-T.

Abstract. *This article refers to the ornaments, made on pottery of ancient and medieval Ingushetia.*
Keywords: *rnament, line, clay products, antiquity, the potter's wheel.*

Археологические раскопки свидетельствуют о широком распространении глиняных изделий, орнаментики на глиняных предметах древней и средневековой Ингушетии. В истории человечества орнаменты на глиняных изделиях появились задолго до изобретения гончарного круга.

Производство изделий из глины относится к числу наиболее древних ремёсел на земле. В эпоху неолита (нового каменного века) оно получило своё развитие: более разнообразными стали формы сосудов, на них появились **орнаменты, исторически квалифицированные в качестве первых.** Как отмечают исследователи, орнаменты наносились на глиняные изделия прочерчиванием концом палочки бороздки по слегка подсушенной поверхности. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона *(ЭСБЕ) в* определении слова «орнамент» говорится, что это изображение, «резанное вглубь» [14]. Технология нанесения узора по глиняным изделиям сохранилась и в ингушском слове, записанном на латинской графике «gharchoz» [19] (г1аьрач1ож), которое означает «извилистая бороздка» (линия), сделанная процарапыванием острой палочкой по сырой глине. Образование композита «г1аьрч1ож» произошло в результате слияния основы лексемы «г1аьра» (представляющей собой падежную форму архаической лексемы «г1а») и основы слова «ч1ож» - ущелье, борозда.

Обращает на себя внимание и то, что архаичное слово «гIарч» //г1орч функционировало в речи ингушей в названии изрытых зигзагами военных сооружений, служивших западнёй в военных операциях. «Заросшие лесом останки таких сооружений в окрестностях ингушского с. Сурхахи сохраняют и сегодня сложное переплетение линий и изгибов» [16]. «Словом «гIаьрчIож» ингуши называли узоры, в том числе образованные стихийно», – утверждает историк И.А. Кодзоев [17]. «Г1аьрчо» - лексема, редуцированная фрикативным конечным звуком [ж], в Ингушско-русском словаре значится как художественный узор в виде кривых линий [6, 222].

Изделия из глины несли в себе утилитарную функцию.

Орнаменты, которыми украшались глиняные изделия первоначально, имели не столько декоративное, сколько магическое значение. Орнамент «не имел не единой праздной линии» [13,16]. Знаки и символы, позже названные орнаментами, являлись древней письменностью, выражавшей мысли древних людей. «Многое из этой первобытной письменности вошло в народный орнамент, и смысл знаков уже давно забылся: волнистая линия обозначала воду, волну; круг — солнце; косой крест — огонь, костер; схематические рисунки растений — землю, плодородие, жизнь…», – пишет академик Б.А. Рыбаков [15]. Частым элементом узоров являлся зигзаг, символизировавший волну, веч-

ное движение. И встречались эти орнаменты в декоративно-прикладном искусстве многих народов. В рисунках-орнаментах, состоящих из криволинейных форм, в основном преобладали мотивы из животного и растительного мира. «Читали» эти знаки, как магические заклинания. Знаки наносили на сосуды для защиты от порчи злых сил. У каждого из знаков было свое определенное значение. Кувшины с символическими орнаментами «делали» налитую в них жидкость «святой», берегли от порчи. Изображались первоначально рисунки на внутренней части сосуда. «Каждая черточка имела своё значение, являлась словом, фразой выражением известных понятий, представлений» [13, 16].

В качестве украшения орнамент стал появляться на поверхности изделий значительно позже. Керамическая продукция, украшенная орнаментами, нарезным вдавливанием и рисованными узорами, была известна на Северном Кавказе ещё в эпоху энеолита [9, 366]. Переход к энеолиту на Кавказе, как известно, произошёл в VI-V тысячелетии до н.э. Легкость нанесения орнамента на сырую глину при формовке сосудов давала возможность человеку выразить свои творческие возможности и мировоззрение, изучение которых дает много информации археологам. В эпоху энеолита была широко распространена керамика из грубого теста с добавками крупнотолченой дресвы [9, 56].

К IV-III тысячелетию до н.э. гончарное производство на Центральном Кавказе находилось на довольно высокой ступени развития, что обнаруживается в технологии производства керамики, начиная от приготовления теста до выработки устойчивых форм и типов изделий и их термической обработки. Внешняя поверхность тщательно обрабатывалась, стенки сосудов доводились до лощения. Некоторые образцы керамики имели орнаментацию из резных геометрических узоров или рельефных орнаментов из спиралей, концентрических кругов, валиков и прочих налепов [9, 57]. Естественно, формирование развития керамики здесь шло под влиянием различных культурных традиций. К сугубо местному компоненту относится способ обмазки сосудов жидкой глиной, некоторые приемы орнаментации. Декорирование сосудов спирально-концентрическими кругами было засвидетельствовано раннее в памятниках Закавказья и Восточной Анатолии [4, 12].

Узор в виде косых параллельных линий был обнаружен в горной Ингушетии на кувшине, найденном на Эгикальском каменно-ящичном могильнике, датированном В.Л. Ростуновым и Б.М. Хашагульговым концом III тыс. до н. э. [12, 67]. На восточной окраине г. Малгобека в Кургане были обнаружены глиняные кувшины, датированные II тысячелетием до н.э., один из которых был покрыт обильным орнаментом в виде горизонтальных зигзагов и характерным для эпохи средней бронзы декором в виде елочки [11, 27-36]. Керамические изделия, орнаментированные различными узорами в виде штрихов, наклонных и вертикальных линий, были обнаружены в нижней части Джейрахского ущелья, на правом берегу реки Терек, недалеко от места впадения в нее реки Арамхи [8]. Геометрический орнамент в виде зигзагов и наклонных линий был обнаружен на многочисленных фрагментах керамической посуды, относящейся ко II тысячелетию до н.э., обнаруженных во время раскопок в районе Алхастинского поселения [7, 12-14].

«Местные гончары из хорошо отмученной глины изготовляли большое количество керамической посуды отличного обжига в виде различных кувшинов, горшков, кружек и чаш, которые украшались своеобразным орнаментом. Причем керамика была черной, темно-коричневой, но, главным образом, красной. Тесто черной керамики содержало большое количество песка и крупных белых примесей, а серая керамика – мелкий речной песок. Керамика красного цвета была изготовлена из отлично отмученной чистой глины и украшена характерным линейным и точечным орнаментом», – пишет Ш.Б. Ахматов[2, 55].

На многочисленных глиняных горшках, найденных в различных склепах горной Ингушетии более позднего периода, имеются рельефные орнаменты в виде прямых и волнистых линий, вдавленных точек, треугольников, с косо-нарезным орнаментом, с четырьмя опоясывающими, волнистыми и горизонтальными линиями, линиями точек и др. Встречаются глиняные горшки с горизонтальным, овальным или круглым отверстием, орнаментированные резным, выпукло-вогнутым декором, заштрихованными треуголь-никами.

Гончарный ручной круг (гом) по своей структуре не менялся на протяжении тысячелетий. Несложное устройство использовалось мастерами в горной Ингушетии вплоть до начала XX века. Из глины делали посуду разных размеров и форм – кувшины с широким горлышком (кхабилг), кувшины с узким горлышком (сурилг), большие кувшины с заострённым дном для сбивания масла (кура), кувшины с крышкой (ийшиг), широкие в диаметре чашки (хIанги), чашки (кад), тарелки (оаркхув), широкие кружки с ручкой (чами),

большие сосуды, вмещаемостью до 3-4 ведёр (гибаш), 5-литровый сосуд для воды (кур) и др. Кувшины имели различные предназначения – хранение молока, сыра, сметаны, масла и других продуктов питания. Орнаменты на них, в первую очередь, несли функции оберега и позже - украшения. Орнаменты на глиняных изделиях эпохи средневековья были самыми разнообразными. Большая коллекция глиняных кувшинов эпохи средневековья с орнаментами хранится сегодня в Ингушском государственном музее краеведения им. Т. Мальсагова.

Широко распространенным знаком, символизирующим солнце, огонь, силу, могущество и плодородие, была свастика. Она встречалась на керамических изделиях Лугового могильника VI в. до н. э. и в склепах Ассинского ущелья Ингушетии [1, 5-9]. Керамическая продукция, украшенная нарезным вдавливанием или рисованными узорами, в некоторых случаях декорированная лепниной, имела широкое бытование среди местного населения ещё долгое время.

Таким образом, искусство нанесения орнаментов на глиняные изделия было знакомо предкам ингушей ещё издревле, что подтверждается словом «gharcho» (г1аьрчо) – «орнамент». Позже это слово распространилось на различные узоры – орнаменты, в т.ч. выбитые на камне, вырезанные на кости, украшающие ковры, ткани, одежду.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Акиева Х.М. Особые черты народного орнамента протоингушей: его типы и язык // Журнал «Известия вузов». Общественные науки. - 2009. - №3.

2. Ахмадов Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII- начале XX вв. // Вопрос политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII- начало XX вв.). – Грозный. - 1986.

3. Гадиев У.Б. О связях Эзмийского каменно-ящичного захоронения с памятниками куро-араксской культуры Кавказа // ВИИ. Вып. 4. – Магас. - 2006.

4. Дебиров П.М. История орнамента Дагестана. - М. - 2001.

5. История Ингушетии. - Ростов-на-Дону. – 2013.

6. Ингушско-русский словарь. – Нальчик. – 2009.

7. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи. - М., - 1948.

8. Круглов А.П. Археологические работы на Тереке // - СА. - 1937. - № 3.

9. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. - М. - 1975.

10. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Грозный. - 1967. - Т. 1.

11. Петренко В.А. Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии // - АЭС. - 1969. - Т. III.

12. Ростунов В.Л. Эпоха энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа. – Владикавказ. - 2007. – Т. 1.

13. Стасов В.В. Русский народный орнамент. – СПб. – 1877.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). - СПб, - 1890-1907.

Рыбаков Б.А. Черты и резы древних славян //http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/ linguistics/ cherty-i-rezy-drevnih-slavjan.html

Информаторы*:*

16. Аушев Муса Ахмедович, с. Сурхахи, РИ, 1940 г. р.

17. Кодзоев Иса Аюпович, с. Кантышево, РИ, 1938 г. р.

18. Гетагажев Башир Магомедович, с. Сагопши, 1972 г.р..

19. Ghalgai gharchoz (ГIалгIай гIаьрчожI). Альбом «Ингушские орнаменты». Владикавказ, 1924 // Личный архив А.М.Ахильгова.

О ГОРНОМ СЕЛЕНИИ ФАЛХАН
(полевые этнографические материалы)

Дзарахова З.М.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ключевые слова: *Фалхан, этнография, горы, башня, общество, село, религия.*
Аннотация. *В статье говорится об истории селения Фалхан, о его жителях, их трудовой деятельности и религиозных взглядах.*

FIELD ETHNOGRAPHIC MATERIALS ABOUT THE MOUNTAIN VILLAGE FALHAN

Dzarahova Z.M.

Key words: *Falhan, ethnography, mountain, tower, society, village, religio.*
Annotation. *The article refers to the history of the village Falhan about people, their work and religious views.*

Селение Фалхан – крупный башенный посёлок замкового типа, расположенный на отрогах горы Маьт-лоам (Столовая гора). Архитектура данного населенного пункта отражает все этапы его развития из древности по настоящее время. Наряду с древними оборонительными сооружениями и солнечными могильниками здесь существуют более поздние строения жилого комплекса. Вместе с особенностями материальной культуры Фалхан сохраняет богатый фольклор, предания о жизни его жителей и о происходивших здесь событиях.

Селение Фалхан находится в районе Арамхинского ущелья Ингушетии, фиксируемом в источниках как «ближние кисты» (Фаьппи или Ваппи), на границе с Грузией, в 22 километрах от Владикавказа, в ущелье реки Армхи - притока Терека [19, 105]. Этнонимом «кисты» называли в грузинских источниках предков ингушей, живших в этом районе ещё в 1-ом тысячелетии до н.э. [10, 54]. Этноним «куст» в исторических материалах упоминается в Армянской географии Анания Ширакаци [9, 11].

Слово «фаьппи» (вабой) - является топонимом большого ингушского общества, проживающего в Арамхинском ущелье. Некоторые исследователи интерпретируют этот тапоним, как «жители западной части страны». Информатор В.Нальгиев считает его фонетическим развитием более ранней лексемы «боасе», означающей «закат (солнца)»: «малха-боасе». Они известны в истории под разными вариантами этого названия: „боасой/бацой/вобой/ваьппи/фаьппи” [34]. У.Г. Дзарахов трактует слово «фаьппи» как «пришедшие извне» [29]. В данном случае речь идёт о переселенцах - западных территориальных группах ингушей. По преданию, записаному Л.П. Семёновым, «ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях» [16, 28]. Под давлением новопришельцев, они вынуждены были переселиться к Дарьялу и далее на восток, на территорию Армхинского ущелья – в зону позднего территориального общества Фаьппи. Таким образом, территория проживанния кистов пополнилась потоком горцев (фаьппи), и далее стало звучать попеременно как «ближние кисты» и «фаьппи». Этимология этнонима «фаьппи», приводимая Ф.И. Горепекиным, также говорит о миграционной составляющей: «Фяппи –… люди переселенцы, идущие нестройною толпою» [4, 191].

Фаьппинское общество (Фаьппи-шахьар), занимало значительную территорию Армхинского ущелья и на севере соприкасалось с равниной [18, 17]. Географию первоначального распространения этого этнонима А.Н. Генко относит «к западу от реки Ломеки (Терека)», охватывая им всю территорию современной Осетии [3, 705].

Начиная от Дарьяльского ущелья и далее на восток ингушские общества (шахары) располагались последовательно: «ЖIайрахой» (джераховцы), «Фяппи» (кисты, кистинцы), «Чулхой», «ГIалгIай», «Цхьорой» и т.д. «У фаьппи мягче нравы, - говорит один из информаторов о жителях «фаьппи шахар». Жизнь вблизи Дарьяльско-

го ущелья и города Владикавказа, способствовала их широкому общению и контактам с представителями разных народов, и культурному взаимовлиянию. Чем глубже в горы, тем и нравы были более жёсткими» [37].

Часть «ближних кистин» (цова-тушины или бацби) живёт в Грузии [19, 109; 20]. Переселились они в Грузию в XVI-XVII вв [23, 25]. Одни считают причиной их переселения малоземелье, недостаток пастбищ для выпаса скота и засуху [38]. Другие полагают, что они не захотели отказаться от христианской религии, исповедуемой ими в тот период [34]. Эту версию подтверждают и эногенетические предания бацбийцев, связывающих это переселение с шахом Аббасом, «походы которого на Кавказ приходятся на первые 15 лет XVII в. Согласно преданиям, он распространял ислам, что и явилось главной причиной ухода части ингушей в горы Грузии» [2, 154]. Первоначально они назвались «Вабуа», со временем - бацби или бацай [19, 105]. С этим именем увязывается и название местности в Тушетии, где обосновались ингушеязычные переселенцы (цова-тушины) – Цовата, звучащее по цова-тушински – «Вабуа», пишет А.Н. Генко [3, 456-506, 698]. Таким образом, Цовское наименование Цовата-Вабуа тождественно названию феппинцев [19, 105]. В памяти старшего поколения бацбийцев сохранился тапоним их предков-ингушей – «вабой». Так, профессор Телавского университета М.Микеладзе помнит, как в детстве ее бабушка говорила: «Мы - г1алг1ай, мы вабой» [32].

Согласно преданиям, записанным в 1961 году М.У. Мурзабековым, поселение Фалхан было основано в стародавние времена неким Ферхастом и его тремя сыновьями, спустившимися из высокогорного селения Тярш из-за малоземелья. В народе их называли «Т1ем-Торшхой» (Торшхой-воины) [30].

По полевым материалам, древнее ущелье и горная котловина Джейрахского района, куда входило селение Фалхан, в прежние времена назывались Дз1архе/Дз1оархе, что означает «ограда-охрана», т.е. «защитное/ защищённое/ заградительное место», где «дз1ар/дз1оар» – «щит/ ограда/, а «хе» (-ха) – «охрана». Слово «дз1ар» в давние времена имело и другое значение, т.е. означало «проход». До сих пор сохранилось выражение «Дз1ар-даькккхад шоана?», в значении «Вам что, проход открыли?» [33].

В основе слова «Фалхан», по мнению А.Сулейманова, лежит ингушское слово «фала», означавшее «свободный» [17,22]. Поселиться здесь было не просто, так как в окрестностях Фалхана в те времена буйствовало племя Г1амнаькъан во главе с предводителем Г1ам [26]. Были они надменными и сильными: умыкали людей для продажи в рабство, грабили жителей и уносили всё, что им попадало под руку. Они обладали богатством, у них был скот и земли. Общество решило, что наградит значительными земельными угодьями тех, кто сможет с ними справиться.

Одного из сыновей Ферхаста звали Токъ (Точ). Его сын Дзарах стал родоначальником фамилии Дзараховых. Легенды передают, что он был невероятно сильным и мужественным человеком. Его избрали главой дружины, охранявшей территорию от вражеского нашествия. По всей видимости, фамилия Дзараховых получила своё название от слов «дз1ар-ха» (страж ущелья) («дз1ар» - ограда; «ха» - охрана). О мужестве и физической сноровке Дзараха в народе шла молва: «1аьржача ферта юкъе дото пела ловздаь Дзарах», что означает , что Дзарах мог пустить коня во весь опор и при этом не разлить воды из серебряного стакана, стоявшего на его плече поверх чёрной бурки [35]. Он также мог на полном скаку вытащить за рога барана из ямы, что было под силу не каждому всаднику. Он смело вступал в схватку с врагами, невзирая на их численность [27].

Время шло. Племя Г1амнаькъан, уверенное в своей безнаказанности, продолжало буйствовать. Совершив очередное нашествие, награбив и захватив жертвы, они разбегались в разные стороны. Поселенцы Фалхана постепенно окрепли. От братьев Дзараха, Мурзабека, Шовхала и их сводного брата Кота произошли следующие фамилии: Дзараховы (Сампиевы), Шоухаловы, Мурзабековы, Котиевы. Согласно преданиям, однажды фалхановцы объединились и выступили сообща против племени Г1амнаькъан. Им удалось хитростью заманить их в село, щедро угостить, напоить одурманивающими настоями трав и перебить. Оставшиеся в живых несколько человек скрылись и ушли через Грузию в Турцию. В результате жителям Фалхана достались значительные земельные угодья, леса, пастбища в округе и на Столовой горе. Султан Дзарахов говорил о том, что селение Йоарх1аче (от слова «сорняки»), где были убиты воинствующие Г1амнаькъан, стало называться Бейни (от слова «гибель»), а место их захоронения – Кашете (от слова «каш», т.е. «могила; место кладбищ») [29].

О древности селения Фалхан свидетельствуют сведения, записанные Е.И. Крупновым от Али-

хана Мурзабекова в 1929 году с перечислением 12 имён его предков. Если считать в среднем пятьдесят лет на одно поколение, то можно отнести это селение к XII-XIII вв., пишет В.Христианович [18, 28]. Предания относят возникновение селений Фалхан, Таргим, Эгикал, Хамхи и других к периоду царствования грузинской царицы Тамары (XII век). Е.И. Крупнов называет эти селения колыбелью ингушской культуры [6, 49].

Со временем селение Фалхан стало расширяться. Значительную часть его жителей составляли Дзараховы. В селении также проживали Аджиевы, Берсановы, Умаровы, Котиевы. Селение Фалхан разрасталось. В селение Бейни поселились Шоухаловы, Мурзабековы, Местоевы, Келиговы. В селении Мецхал обосновались Котиевы, Точиевы.

Согласно «Ведомости ингушских селений Кистинского округа», в 1810-1811 гг. в Фалхане имелось 30 дворов [7, 29]. С середины XIX века началось переселение части жителей Фалхана на равнину. По данным посемейных списков населённых пунктов Владикавказского округа Терской области, в 1886 году в данном селении проживало 22 семьи, из них Дзараховых – 10 семей, Котиевых – 3 семьи, Берсановых – 2 семьи, Аджиевых – 2 семьи и др. [14, 117-129].

Структурно селение состояло из нескольких самостоятельных, но объединенных между собой замковых комплексов. В с. Фалхан было три боевые башни, одна полубоевая и 12 жилых сооружений. Количество завершённых башен в селе, как правило, соответствовало количеству «сильных тейпов». К строительству башни приступал тейп, имеющий «мощную родственную организацию, располагавшую и материальными ресурсами и многочисленным составом боеспособных мужчин», «при условии наличия гарантии завершения строительства в продолжении одного года» [15, 69]. Нередко «ингушская боевая башня имела не только оборонительное значение. Её строили также в интересах показа своего достоинства и в качестве символа единства тейпа» [15, 69]. Боевые башни в селении Фалхан были плоскокровельными. Археолог М.Б. Мужухоев предполагает, что такие башни строились в местах труднодоступных, с точки зрения рельефа местности [11, 30]. Самой устойчивой и лучше сохранившейся на сегодня в Фалхане является боевая башня Дзараховых, возвышающаяся над обрывом. Вход в нее осуществлялся из жилой башни, с которой она была конструктивно соединена [22]. В селении сохранились также стены архитектурных строений Аджиевых, Котиевых, Берсановых [36].

В былые времена наличие боевой башни и склепа свидетельствовало о силе тейпа. Фамильные склепы селения Фалхан расположены на северо-западе села, на возвышенности. Раньше их было 12. Сейчас сохранилось 8.

Рис. 1.

Фалханский некрополь солнечных могильников считается одним из крупнейших на Центральном Кавказе. В селении Фалхан имеются полуподземные склепы, ступенчато-пирамидальные и склепы в виде домиков с двускатно-ступенчатой крышей из сланцевых плит. Они трехэтажны, и лазы на этажи также устроены в зависимости от подъема склона. Вместо камня над кровлей склепа возвышается белокаменный конек (рис.1). Подобные склепы были более вместительными. Стены их облицованы желтой охрой; у входного лаза сохранились отверстия

для погребальных флагов. Как и во всей горной Ингушетии, в склепах Фалхана хоронили представителей одной фамилии. Однако в некрополе с.Фалхан имелось исключение: в одном склепов удлинённой формы с двускатной крышей хоронили тех, кто не имел фамильной усыпальницы [36].

«В 60-х гг. XX века в склепах селения Фалхан мы видели мумию застывшей матери над люлькой с ребёнком и мумию мужчины, стоявшего в рост с посохом в руке», – вспоминает житель с.Ляжги М.Точиев [36]. На тот период, как отмечал исследователь В.И.Марковин, «тела умерших сохранялись: блеклая совершенно высохшая кожа обтягивала руки, лица..» [8, 24]. Естественной мумификации в горах способствовали чистый горный воздух и вентиляция в склепах. На сегодня (2016 год) в солнечных могильниках сохранились лишь кости.

Выходец из с.Фалхан Эльмарз Мехти был последним жрецом, исполнявшим службу на Маьт-лоам (Столовая гора). Издревле на Маьт-лоам, на высоте 3.008 метров над уровнем моря, ежегодно проходили празднества у возвышающихся на нем святилищ: Мятцели, Сусон-Даьла и Мятар-Даьла. Святилище Мятцели, очень почитавшееся в народе, называли золотым. Недалеко от селения Бейни те семьи, у которых на протяжении года произошли радостные события, приносили в жертву баранов. Затем жрец брал белый флаг-ныч с подвешенными к его трезубому шесту колокольчиками и возглавлял процессию, поднимающуюся на гору Маьт-лоам, к святилищу Мятцели. В своих молитвах он взывал то к единому Даьле, то к покровителю народа Мятцели. Слова молитвы со слов Ганыжа Келигова-Фалханова были записаны исследователем Баширом Далгатом и переведены на русский язык Ибрагимом Дахкильговым:

«О-о высокопочтимый Даьла! Свое хорошее дай нам…

Даьла! Пусть гость наш будет мирным,

Пусть хозяин у нас живет благополучно.

Во имя гостя и его хозяина дай нам жечь чистый огонь.

Пусть пиршественное блюдо будет у нас благодатным.

Даруй нам чистое потомство,

которое содержало бы очажный огонь в чистоте для хозяина и гостя!

Даьла! Своею пулею порази все неправедное и все несчастье,

которые кружат над нашим домом, над нашим селом...

Дай нам благодать, подобно тому, как мать кормит своих любимых детей...

Золотой Маьтт-Села, свою благодать дай нам!...

Жертву прими от нас с желанием и воздай нам с радостью,

о-о, Всемогущий Даьла!» [1, 175].

Жрец молился от имени всех присутствующих, прося у Бога защиты и помощи в их жизни и труде.

После молебна начинался праздник, длившийся обычно три дня. Тот, на котором присутствовал Башир Далгат, продолжался с 21 по 23 июня. После завершения празднества народ возвращался домой одухотворенным, с непременным желанием вновь вернуться сюда через год.

На смену древней религии, окрашенной некоторыми чертами христианства, пришел ислам. Некоторое время они сосуществовали, но постепенно ислам стал завоевывать позиции. В районе села Фалхан имеется ограждённое ранне-мусульманское кладбище с надмогильными камнями без надписей, высотой от 30 см до 1 метра. Позже мусульманское кладбище появилось уже за чертой селения с датированными надмогильными камнями и надписями на арабской графике.

Во второй половине XIX века в селении Фалхан была заложена мечеть, которая собирала на пятничную молитву жителей близлежащих сёл. Мечеть была построена перед солнечным некрополем по решению Совета старейшин сёл Фалхан, Кхерах, Эрзи, Морч, Хамишк, Ляжг, Ольгети, Харп, Кошк, Мецхал, Бейни, Кашете, Духаргишт во главе с исламским просветителем-андийцем Мурдал-хаджи, широко известным в горах Ингушетии. Они обошли лежащие вокруг склоны, прошли по хребту Къарсалте (Къарсал-гув) и решили, что мечеть будет лучше обозреваема именно в Фалхане, на склоне перед солнечным некрополем. «В этой мечети будут совершаться совместные молитвы жителями сёл, лежащих вокруг», – сказал Мурдал-хаджи. Здесь же располагалось медресе, где обучались исламской грамоте мальчики из с. Фалхан и близлежащих сёл [36].

Андиец Мурдал-хаджи был признанным богословом. В горах Ингушетии он оказался из-за преследований царской администрацией. Здесь он прожил 40 лет. При его участии были постро-

ены мечети в селениях Хули, Цхийри, Лялах. Он совершил пешком шесть раз хадж в Мекку во главе паломников из горной Ингушетии. Из с. Фалхан в числе первых паломников-горцев, совершивших хадж, были: Махмад Дзарахов, которого с тех пор стали называть Махи-хаж (Маххаж); Поц-хаж из Аджиевых; из с. Мецхал - Г1ойтмар-хаджи; из с. Бейни – Азмат Шоуха-лов и др. На дорогу до Мекки уходило шесть месяцев. Долгие годы имамом мечети в с. Фалхан был андиец Дибр-мулла, которого пригласил сюда Мурдал-хаджи. В 1924 году Мурдал-хаджи покинул Ингушетию со словами: «Меня земля позвала».

Имамом Фалхановской мечети накануне депортации ингушского народа в 1944 году был Гейри Мохмад; обязанности туркха (старшего) в селе исполнял Генаркъ Аджиев. Гейри Мохмад и Осман Мурзабеков были учителями в хужаре (медресе) Фалхана [36].

Каждый склон Фалхана хранит в себе тайну. Лежащий над селением горный склон «Лоам бердашке», раньше назывался «Беза лаьрха гув» (Священный склон), и на нём издревле происходили обряды жертвоприношения. После завершения какого-либо важного мероприятия – строительства жилья, удачной торговли и др. – жители совершали на нем обряд «Синнел даккхар» (раздача милостыни) [38]. Склон оставался местом совершения жертвоприношений и после принятия ислама. На этом Священном склоне и изредка на Маьтлоам собирались старейшины из селений Фалхан, Бейни, Гъарк и Мецхал для решения важных вопросов. Ещё в начале XX века «на Маьтлоам (Столовая гора), у Мятцели старейшины решали вопросы общественно-политической и социальной жизни ущелья, в том числе принятие человека на поселение в то или иное селение, выделение ему участка земли и условий. Нередко после окончания весенних и осенних работ люди поднимались на отдых на вершину горы, где проводили неделю, а иногда и больше времени» [29].

Над Фалханом находился священный лес, почитаемый всеми жителями округи, и священный родник, «Фалхан хьаст», к которому сходились три тропы, ведущие из сёл Фалхан, Мецхал и Ляжги. Вода из этого родника и камень-валун, нависающий над ним, считались целебными. Дзарахова Фадиман, жившая в селении Фалхан до депортации, вспоминала: «Село было дружное. Работали допоздна, кто в поле, кто дома. Помогали друг другу. Выращивали картофель, кукурузу, пшеницу, лён. Лён считался целебным. Лучшую часть урожая откладывали для загат (пожертвование), которое давали нуждающимся и представителям духовенства. Сельчане держали крупный и мелкий рогатый скот, домашних птиц» [28]. Топонимика окрестностей с. Фалхан говорит о хозяйственной деятельности сельчан, в том числе пещеры, сенокосные угодья, поля, луга, места поклонений, места добычи камня, глины.

Селение Фалхан было известно своими мастерами-умельцами.

По данным фольклорных материалов, выходцами из с. Фалхан являлись представители фамилии Котиевых - известные «искусники камня», к тому же специализировавшиеся на строительстве плоскокровельных башен [12.].

Были известны мастера по изготовлению лучного оружия [21, 148], изделий из рога, кости и дерева. По дороге из Ляжги в Фалхан, на речке Мехинчие (приток Арамхи), протекающей по дну ущелья, стояла известная в округе мельница Махи-хажи Дзарахова. На сегодня от неё остались лишь руины, заросшие деревьями.

В 1908 году в районе селений Фалхан и Мецхал были обнаружены руды медных и серных колчеданов, бурого железняка, свинца и цинка, а также залежи охры. Местное население до конца XIX века добывало селитру и серу для изготовления разносортного пороха. Старожилы называли это место «Молх доаха ч1одж» (Ущелье, где добывают порох). Причем порох, изготавливаемый в Фалхане, отличался высоким качеством [21]. Именитые мастера по изготовлению пороха имели рынок сбыта своей продукции, пишет Д.Ю. Чахкиев [21,196]. Здесь же остались следы от «к1ор баьха к1оаг» (яма, где добывали уголь) [17, 23].

Были умельцы, готовившие из глины и дерева различные бытовые изделия, в том числе посуду, различные ёмкости и мебель. По всей округе славились мастерицы по золотошвейному делу и искусные ковровщицы. Было развито сукноделие. Женщины сами красили ткани, используя естественные краски, изготовленные из растительности. Были мастерицы по валянию войлока и изготовлению истингов (орнаментальных ковров). Один из них (рис.2), зарисованный в с.Фалхан художником Г-М. Даурбековым, представлен в альбоме «Ghalghaj gharchoz» (Ингушские орнаменты) [24].

Рис. 2.

В склепах Фалхана были найдены различные предметы и изделия: зеркала, серьги, кольца из серебра и золота; истлевшая от времени женская шёлковая одежда; рогообразные головные уборы «курхарсы», украшенные орнаментами и серебряными заставками (рис.3), которыми покрывали головы состоятельные женщины [8]. «Наибольшее количество женских головных рогообразных уборов, называемых «курхарс», было собрано экспедициями бывшего Ингушского научно-исследовательского института краеведения в Мецхальском районе, в окрестностях с. Фалхан» [6, 165]. На рисунках из книги Е. Крупнова «Средневековая Ингушетия» представлены парадные головные уборы «курхарс» из наземного склепа у селения Фалхан (вид сбоку и прямо) [6, 52].

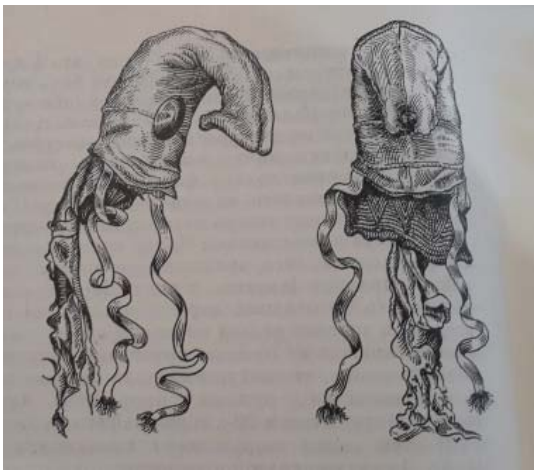


Рис. 3.

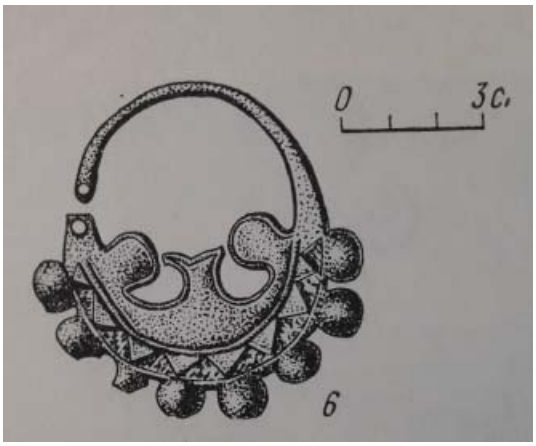


Рис. 4.

В склепах селений Фалхан, Мецхал и Харпе в 1966 году исследователи-археологи Л.П. Семёнов и В.И. Марковин обнаружили также большое число височных колец. На фотографии (рис.4) представлено серебряное височное украшение, найденное В.И. Марковиным в одном из наземных склепов Фалхана [8, 95].

Жители Фалхана хранили народные знания, накопленные их предками в течение веков и основанные на их опыте и наблюдениях. Так, для определения времени дня они пользовались острым камнем, установленным на склоне горы. И когда с установленной точки на склоне видели, что остриё камня и середина солнечного диска совпадают, люди знали, что наступил полдень. В зависимости от этого они определяли время суток [29]. Распространёнными были знания народного календаря.

К 30-м годам XX века значительная часть

жителей Фалхана переселилась на равнину, в селения Джейрха-юрт, Новый Редант, Шолхи, Г1алг1ай юрт, Буро (совр. Владикавказ). К середине XX века на плоскость, в селение Ангушт, из Фалхана переселилось несколько семей: Дзараховы, Котиевы и представители других тейпов. По словам И. Доскиева, селение Ангушт первоначально было разбито на 3 части, в соответствии с тем, откуда выселялись из гор: Фяппинское, Хамхинское и Цороевское общества [30].

Однако жизнь в селении Фалхан продолжалась вплоть до 1944 года. В горных селениях к тому времени были размещены солдаты. Последние жители покинули Фалхан 23 февраля 1944 года, в день депортации ингушского народа. По воспоминаниям очевидцев, с раннего утра из всех горных селений потянулись колонны людей. Вереница жителей Хули, Ольгети, Арамхи, Белган, Джейрах, Ляжг, Фалхан шли по одной дороге; жители селений Кашете, Бейни, Харпи, Духаргишт, Фуртоуг – по другой. Шли пешком, а на повозках везли еду. В селении Фалхан остались андийцы Махмад и Али, сыновья Дибр-муллы.

В последние дни февраля 1944 года в селение Фалхан вернулся 11-летний Гапур Губашкиевич Дзарахов, находившийся в момент выселения на Маьт-лоам. Вокруг царило безмолвие. Он зашёл в хозяйские пристройки, увидел лежащих на земле голодных коров и овец с облезшей шерстью, помог им выбраться из хлева и отпустил на волю. Его встретил Махмад-андиец, который решил спасти его, оставив в своём доме как сына. Но Гапур рвался к родным. Махмад проводил его до г. Орджоникидзе, передал военным с мольбой доставить к родным. Гапура Дзарахова отправили в Казахстан вместе с балкарцами, которых выселяли 8 марта. Через 2-3 года он нашёл семью в Казахстане, в которой к тому времени умерли родители, брат, а затем и сестра.

Таким образом, селение Фалхан, возникшее в эпоху средневековья, являлось полигенным. В нём ярко представлена материальная и духовная культура ингушей. Башни и склепы селения Фалхан были неоднократно исследованы в 30-х и 70-х гг. XX века, и результаты их были представлены в различных научных изданиях. Древние памятники зодчества Фалхана хранят память о смене религиозных практик. Некрополь из солнечных могильников, мечеть, ранне-мусульманские кладбища и мусульманские кладбища более позднего периода находятся рядом в черте села, напоминая о преемственности поколений.

После возвращения народа из депортации (1957 год) уроженцам селения Фалхан, как и выходцам их многих других горных селений, не позволили вернуться в своё село. Сегодня Фалхан является частью Джейрахско-Ассинского государственного историко-архитектурного музея-заповедника под открытым небом. Созданный в 1988 году Музей-заповедник признан в 1995 году объектом исторического и культурного наследия федерального значения. Археологические памятники горной Ингушетии, в том числе селение Фалхан, вызывают у исследователей глубокий научный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Антология ингушского фольклора. Т.1. Составитель Дахкильгов И.А., –Нальчик, – 2003.
2. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., –1973.
3. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Составитель А.Х. Танкиев. – Саратов, – 1996.
4. Горепекин Ф.И. Краткие сведения о народе «ингуш» // из кн.: История Ингушетии. Ростов-на-Дону. – 2013.
5. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. – М. –1972.
6. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. - М.- 1971.
7. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в X1X-XX вв. – М., –1982.
8. Марковин В.И. В стране вайнахов. – М., – 1969.
9. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в X1X- начале XX в. – Тбилиси, – 1990.
10. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. – М., –1979.
11. Мужухоев М.Б. Ингуши. Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. – Саратов, – 1995.

12. Ингуши. Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. – М. – 2013.

13. История Ингушетии. – Ростов-на-Дону, – 2013.

14. Посемейный список с.Фалхан, 1886г // Посемейные списки населённых пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т.IV. –Магас, – 2016.

15. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Ч.II. –Тбилиси, – 1968.

16. Семёнов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. – Грозный, – 1963.

17. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II. – Грозный, – 1978.

18. Христианович В.П. Горная Ингушия. – Ростов-на-Дону, – 1928.

19. Цороева М.Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и еченцев. – Москва-Париж, 2014.

20. Цискаров И. Картина Тушетии// Газета «Кавказ». – № 50. – 20 июля 1846 г.

21. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. – Назрань, 2003; Чахкиев Д.Ю. Оружие // Ингуши. –М., – 2003.

22. Щеблыкин «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры» // Известия ИНИИК. – Владикавказ, – 1928.

23. Эланидзе В.А. Вопросы истории Тушетии. – Тбилиси, – 1988.

24. «ГIалгIай гIарчIож». Альбом. Владикавказ, 1924. Личный архив Г.М. Ахильгова.

Информаторы

25. Дзарахов Иса Берснакович, пос.Карца, РСО-Алания, 1935 г.р.

26. Дзарахов Магомед Исраилович, с.Октябрьское, РСО-Алания, 1955 г.р.

27. Дзарахов Ахмед Юсупович, с. Камбилеевка, РСО-Алания, 1059 г.р.

28. Дзарахова Фадиман Губашкиевна, г.Назрань, РИ (1935-2011).

29. Дзарахов Умар Губашкиевич, с.Куртат, РСО-Алания, (1936-2011).

30. Доскиев Идрис Мадиевич, с. Тарское, РСО-Алания, 1932 г.р. Сведения, полученные от Мурзабекова Макшарипа Усмановича, который записал предания от Мурзабекова Абдуллы Бимурзиевича, 1866 г.р., Мурзабекова Лабзана Хуниевича, 1863 г.р. и Торшхоева /Солсанова/ Мурцала Тосолтовича, 1871 г.р.

31. Льянов Магомед Алиевич, г. Магас, 1951 г.р.

32. Микеладзе Маклава, доктор филол. наук, профессор Телавского университета, Грузия.

33. Накостоев Хаваш Алиевич, г. Сунжа, 1956 г.р.

34. Нальгиев Ваха Эдельгиреевич. с.Сурхахи, 1976 г.р.

35. Сампиев Исропил Магомедович, г.Назрань, 1964 г.р.

36. Точиев Муса Магомедович, Ляжги, 1958 г.р.

37. Хашиев Алихан Мухтарович; с. Средние Ачалуки, 1937 г.р.

38. Эсмурзиев Хусен Абубакарович , с. Ольгети (1916-2015).

УДК94(729): (479)91(036)

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЮЖНОКАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В XVIII – НАЧ. XIX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Искендерова М.
Институт истории им. А.А. Бакиханова Академии наук

РЕЗЮМЕ

Ключевые слова: *Южный Кавказ, гегемонистская политика, религиозный фактор, Екатерина II*

В связи с межнациональными конфликтами конца XX – нач. XXI вв. тема изученности внешней политики России на Южном Кавказе приобретает особую актуальность. Геополитическое и геостратегическое значение Кавказа, в том числе и Южного Кавказа, для гегемонистских и имперских планов России способствовало тому, что политика России в данном регионе в XVIII – нач. XIX вв. всегда находилась в центре внимания научных исследователей. Работы современных историков, посвящённые изучению данных вопросов, отразили концептуальные изменения, произошедшие в исторической науке с распадом СССР.

В статье предпринята попытка проведения историографического анализа ряда трудов современных исследователей, позволившего полностью выявить колониальную сущность политики России на Южном Кавказе в указанный период. Рассматриваемые работы не только убеждают в дальновидности этой колониальной южнокавказской политики России, но и обоснованно показывают различные методы реализации и объективно освещают её направления в данном регионе. Тем самым представленный историографический обзор поможет выявить корни определённых проблем, лежащих в основе современных конфликтов.

ON THE ESTIMATION OF THE SOUTH CAUCASUS POLICY OF RUSSIA IN THE XVIII- AND EARLY XIX CENTURIES IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Iskenderova M.

SUMMARY

Keywords: South Caucasus, hegemonic politics, the religious factor, Catherine II.

The topic of studying Russian foreign policy in the South Caucasus in connection with the international conflicts in the late XX-early XXI centuries becomes of particular relevance. The geopolitical and geostrategic importance of the Caucasus, including the South Caucasus for the hegemonic and imperial plans of Russia contributed to the fact that Russia's policy in the region in XVIII - the beginning XIX centuries has always been in the focus of scientific research. It Works by contemporary historians, devoted to the study of these issues reflect the conceptual changes that have taken place in historical science with the collapse of the Soviet Union.

In the article have undertaken attempts to analyze a number of historiographical works of modern researchers, allowing fully reveal the essence of the colonial policy of Russia in the South Caucasus in the mentioned period. The considered works not only convince the foresight of the colonial South Caucasus policy of Russia, but also reasonably show the different methods of implementation and illuminate objectively its line in the region. Thus the presented historiographical survey will help to identify the roots of certain problems underlying the current conflicts.

Исключительная важность для России южнокавказского региона, расположенного на стыке Европы и Азии определяется его геополитической, геостратегической и геоэкономической значимостью. Начиная с XV в. Южный Кавказ вошёл в сферу влияния российской политики, однако именно в XVIII – нач. XIXвв. Россия активно разрабатывала и осуществляла планы по захвату данного региона. Тема Южного Кавказа во внешней политике России и, в первую очередь, её восточной политике всегда вызывала интерес у историков. Однако, если восприятие политики России на Южном Кавказе, как и на Кавказе в целом, историками советского времени было в основном подчинено механизму выживания в существующей идеологизированной системе, то современные историки, убедительно осваивающие огромные неиспользованные архивные пласты благодаря открывающимся с распадом СССР возможностям, при изучении данной проблемы,всесторонне и объективно раскрывают различные аспекты колониальной политики России, включая разнообразие методов её реализации.

Следует отметить, что указанная проблема разрабатывалась исследователями в контексте русско-кавказских, в том числе и азербайджано-российских отношений. Вместе с тем, предпринятая в данной статье попытка анализа основных особенностей восприятия современными историками политики России на Южном Кавказе в XVIII – начале XIX вв. обусловлена отсутствием специального, комплексного, объективного историографического исследования с реальной оценкой политики России на Южном Кавказе в указанный период.

Определённый вклад в разработку изучаемой проблемы внесли азербайджанские исследователи. В специальном выпуске трудов Института истории АН Азербайджана помещён ряд статей, в которых азербайджанские историки уделили особое внимание одному из наиболее результативных методов в политике царизма – использованию религиозного фактора при реализации своих широких захватнических планов в Южном Кавказе. В связи с этим, не раз подчёркивается роль армянского фактора в решении экспансионистских задач, начертанных ещё Петром I. Раскрывая значимость Южного Кавказа, в колониальной политике России начиная с XVIII в. авторы конкретизируют политические и экономические цели Петра I, включившие и стремление «… в западной части Южного Кавказа создать зависимое от России грузино-армянское царство» [5, с. 81][6, с. 96].При этом подчёркивается, что обращения армян являлись незаменимым поводом для вторжения и завуалирования стратегических целей Российского государства на Востоке в целом, и на Южном Кавказе – в частности [6, с. 98].

Авторы объективно и обоснованно связывают начало прикаспийского похода Петра Iс кризисом Сефевидского государства и учитывают роль османо-российского соперничества [5, с. 81][6, с. 96-97].

Более того, исследователь периода правления Надир шахаЭ.Гусейноврассматривает движение во главе с Гаджи Давудом показателем отмеченного кризисного состояния Сефевидского государства в начале XVIII в., выгодно использованного Россией для претворения своих захватнических целей в отношении всего Южного Кавказа. В свою очередь, рассматривая вопрос о методах реализации экспансионистской политики царизма уже начиная с этого восстания, автор акцентирует внимание на завоевательных амбициях России в отношении Южного Кавказа, в том числе Ширвана, и считает, что именно это стало причиной её отказа Гаджи Давуду в помощи [8, с. 40].

Выявление союзнических настроений и действий христиан Южного Кавказа позволило авторам прийти к объективному выводу об использовании Россией христиан исключительно в качестве орудия для осуществления своих планов в регионе [6, с. 99]. Отражением данного положения является и переселенческая политика царизма, нацеленная на создание в регионе своей социальной опоры в лице поселившихся здесь армян, грузин, немцев и русских и вытеснение со своих родных мест неугодного мусульманского – азербайджанского населения.

Рассматривая мероприятия, осуществлённые российским правительством в указанном направлении, особо подчёркивается расселение христиан, и, прежде всего, армян, именно в соответствии с захватнической политикой России, руководствовавшейся вовсе не заботой об армянах и действовавшей исключительно в собственных интересах [6, сс. 100, 106]. Ярким подтверждением вышесказанному служат известный указ Петра I от 10 ноября 1724 г. о предоставлении наиболее пригодных земель в прикаспийских областях для поселения армян, а также выдержки из «Завещания» Петра I, неслучайно вызвавшие особый интерес у исследователей.Содержание «завещания» чётко отражает захватнические планы России в отношении Турции, Ирана и

Южного Кавказа [5, с. 83-84][6, с. 102-106].Это своего рода доктрина восточной политики России, рассчитанная на длительный период

Исходя из гегемонистской политики царизма, в азербайджанской историографии даётся верная интерпретация ещё одной задачи, стоявшей перед российским правительством: факт о роздаче оружия переселившимся в прикаспийские области армянам приводится в подтверждение положения об использовании, их в борьбе против Османской империи [6, с. 107]. В унисон с этим тезисом звучит утверждение уже упоминаемого историка Э.Гусейновао том, что одной из первоочередных, если не главной, задачей прикаспийского похода Петра I является опередить Османскую империю в захвате этого региона [8, с. 42].

Рассмотрев изданный накануне похода царский Манифест, призванныйзавуалировать истинные цели этого военного мероприятия, а также материалы Петербургского договора*, автор анализирует методы изощренной и тонкой политики царизма. Попытки России придать завоеванию территорий в ходе военной кампании 1722-1723 гг. «законное» обоснование в очередной раз справедливо связываются с османским соперничеством [8, с. 43-44].

Констатировав захватнический характер действий как России, так и Османской империи в отношении Южного Кавказа, в том числе Азербайджана, Э.Гусейнов объективно характеризует Стамбульский договор**, как вынужденную взаимную уступку обеих сторон, являвшуюся единственным выходом в обстановке разрешения более насущных проблем в каждом из этих государств [8, с. 44-45].

Объективное изложение причин потери Россией занятых прикаспийских провинций позволило тому же историку придти к выводу о закономерности Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров, зафиксировавших возвращение царизмомСефевидскому государству указанных земель [8, сс. 46, 76-78].

Вместе с тем, автор указывает на подстрекательскую политику царизма в войне Надира с Османской империей. Рассмотрев причины отказа со стороны России в военной помощи Надиру, автор стремится обнажить далеко идущие планы российского правительства, как всегда руководствовавшегося исключительно собственными интересами. Так, Э.Гусейнов подчёркивает, что стремление России убедить Надира в том, что у них общий враг, является шагом, отражавшим её надежду получить некоторые уступки при подписании мирного договора [8, с. 76-77].

Справедливо отмечено, что незавершённость планов Петра I*** этих отнюдь не означала отказ России от утверждения своей власти на Южном Кавказе. Подтверждение чему служит демонстрируемая в работах преемственность политики российского правительства в период правления Екатерины II. Так, представленные факты о стремлениРоссии прибрать к рукам земли мусульманских правителей посредством взятого под российское покровительство Картли-Кахетинского царства, планировании российских политиков создать в Южном Кавказе, в частности – в Азербайджане, христианское государство, – всё это свидетельствует о том, что Россия продолжала придерживаться политики, завещанной Петром I [5, с. 84-85].

Автор подробно анализирует место и роль Южного Кавказа в захватнической политике царизма, и обоснованно утверждает, что Картли-Кахетинское царствоявлялось стратегическим плацдармом, разделявшим территорию мусульманских народов [4, с. 328-329].

Российской политике на Южном Кавказе посвящена также статьяА.Мамедовой,в которой автор рассматривает умелое использование Россией сложившейся ситуации, связанной с нападениями джаробалаканцев на Картли-Кахетинское царство, следствием чему явился известный Георгиевский договор (1783 г.) о российском покровительстве надКартли-Кахетинским царством. За обещанием России защищать целостность Картли-Кахетинского царства автор верно усматривает фактическое заявление царизма о территориальных притязаниях и своих захватнических планах [4,с. 330-331].

Говоря о значимости завоевания Джаро-Балакенскогоджамаатства для Грузии****, А. Мамедоваприходит к выводу об умелой и целенаправленной политике царизма, о чём свидетельствовало своевременное использование Россией общности её интересов с интересами Грузии в данном регионе [4, с. 332].

Изучение методов царизма, направленных на установление полного контроля над Джаро-Балакенскимджамаатством, в частности, организация Россией походов, введение раскола среди местного исламского населения, осуществление политики христианизации, переселенческая политика,– позволили прийти к убеждённому заключению, что, несмотря на упорное сопротивление местного населения, эта колонизаторская политика царских властей привела к плачевным последствиям [4, с. 336-337].

Следует отметить, что проблема кавказской политики занимает определённое место и в работах российских исследователей. В частности, в ряде из нихавторы,рассматривая прикаспийский поход Петра I, не только чётко указывают повод и причины данного похода, аргументированно излагаютего цель, но и раскрывают события,содействовавшие успеху данного мероприятия, среди которых – вышеотмеченный кризис Сефевидского государства, восстания против Сефевидов [3, сс. 420, 421-422][7, с. 38-39]. Говоря об опасениях в России по поводу укрепления какого-либо государства, в частности – Турции в кавказском регионе, авторыверно исходят, прежде всего, из экономической и политической роли Кавказа в далекоидущих планах Петра I[3, с. 421-422].

Попытку обосновать необходимость прикаспийского завоевания предпринял в своей работе Шишов Н., где автор оправдывает захватнические действия России тягой кавказского населения к ней. При этом, автор в подтверждение приводит обращения к российскому правительствулишь представителей христианского населения, в частности – армян и грузин [9, сс. 58-81, 92-94]. Вместе с тем,говоря об оккупации Россией в результате прикаспийского похода восточных земель Южного Кавказа, автор приходит к справедливому выводу, что «покорение прикаспийского Кавказа ещё не означало утверждения здесьроссийской власти» [9, с. 90].

Вместе с тем, наряду с констатацией причины возвращения прикаспийских земель Ирану поРештскому (1732 г.) и Гянджинскому (1735 г.) договорам, в российской историографии доминирует мнение, что этот поход русских войск не был «небезрезультатным предприятием» [9, с. 102-103] [3, с. 429-430][7, с. 40].

Уместно возвращаясь к работе упоминаемого историка Э.Гусейнова, отметить, что раскрывая условия подписания Гянджинского договора и опираясь на высказывания американского историка Бедли, автор делает упор на следующее: «Несмотря на выход России из прикаспийских областей на основе Гянджинского договора она добилась главной цели в политике в отношении Сефевидского государства. Таким образом, водворением Надира на престол Россия преградила приближение османов к Каспию» [8, с. 78].

Вместе с тем, авторы работы «Северный Кавказ …» не раз подчёркивают, что «овладение прикаспийскими землями в Дагестане и Азербайджане рассматривалось правительством Петра I только как шаг к продвижению России в Центральную Азию». Отрицая целенаправленное стремление России к приобретению новых владений на Кавказе, они считают основной целью кавказской политики царизма установление постоянных торговых связей с независимыми от Османской империи странами мусульманского Востока[7, с. 38].

Акцент на планы и расчёты Петра I «о перенесении мировой торговли шелком с константинопольского пути на Астрахань», ставшую к тому времени для Петербурга отправным пунктом различных военных и дипломатических предприятий на Востоке, позволяет объективно увидеть главную цель России – достичь посредничества в международной торговле[7, с. 35].

Следует подчеркнуть, что многие авторы объективно связывают мотивы активизации политики России с политикой российских правящих кругов в период правления Екатерины II. Одним из её аспектов является намерение российского правительства создать в Южном Кавказе буферные христианские государства. Рассматриваемый в работе С.Гаджиевой вопрос о месте Азербайджана в русско-иранских и русско-турецких отношениях позволяет воочию убедиться в гегемонистских стремлениях царизма, в Южном Кавказе. В свою очередь, обстоятельное изложение миссии претендовавшего на шахский трон Али Мурад хана, предложившего России территориальные уступки, и действий российского правительства в этом регионе, направленных на использование их в деле создания буферных христианских государств, свидетельствует о попытке автора не только подчеркнуть значимость южнокавказского вопроса для России [1, с. 65-80], но и разоблачить коварство планов России относительно Южного Кавказа и изощрённуютонкость царской дипломатии.

И хотя миссия Али Мурад хана не была успешной, по мнениюС.Гаджиевой, этот факт свидетельствует о стремлении России «… руками Али Мурад хана ослабить Турцию, окончательно решить южнокавказский вопрос в свою пользу и обеспечить выгодные торговые условия для своего купечества» [1, с. 79].

Рассматривая поход русских войск во главе с В.Зубовым в Южный Кавказ (1796 г.), автор, обрисовав цель этого военного мероприятия, заключающуюся в предотвращении утверждения иранского господства, в Южном Кавказе, расценивает его как итог безрезультатных действий российского правительства и начало поиска Россией новых путей достижения своих целей в данном регионе [1, сс. 81-85, 90].

Однако, ранее упоминаемый Шишов Н., расценивающий российскую агрессию на Южном Кавказе как историческую необходимость, высказывает сомнения по поводу реальности выдвинутых версий о походе В.Зубова, как начале претворения захватнических планов в данном регионе, завершённых Россией в начале XIX века. Он утверждает, что народы Кавказа сами искали защиты в лице России. Впрочем, это не мешает автору прийти к уверенному выводу о том, что «… у великой по размаху внешнеполитических деяний Екатерины II были действительно великие замыслы по расширению пределов Российской державы». Таким образом, перед нами типичная позиция, созвучная взглядам «великодержавных»русских историков [9, сс. 128-132, 143-144, 144].

Налицо политика «двойных стандартов»: с одной стороны, российские власти считают неприемлемой политику лавирования, проводимую азербайджанскими правителями с целью сохранения своей независимости; с другой стороны – они разрабатывали проект создания в Южном Кавказе буферного христианского государства, предполагавшего ликвидациюГарабагского ханства. Именно тайные связи гарабагскихмеликов с российскими властями, как объективно показывает С.Гаджиева, вызвали изменение отношения гарабагского правителя к России в негативную сторону [1, с. 112].

Вместе с тем, успехи российской политики по предотвращению союза Турции с азербайджанскими и дагестанскими правителями справедливо объясняются противопоставлением такому мощному рычагу, как религиозная общность этих народов, прежде всего экономических факторов. Заслуживает внимания утверждение о первоочередной значимости использования русской дипломатией заинтересованности населения Азербайджана и Дагестана, особенно прикаспийских областей в широких торговых связях с Россией. При этом, даётся объективная оценка и таможенным злоупотреблениям со стороны русских чиновников [1, с. 126].

Разбирая отдельные аспекты политики России в Южном Кавказе в указанный период, интересной представляется и позиция современных исследователей в вопросе о начатом Россией аннексионном процессе. Признавая непоследовательность«зачастую противоречивой и путаной» политики Александра I на Кавказе и объективно характеризуя действия царских наместников региона, исходивших «из собственных представлений о благе державы и целесообразности применения тех или иных методов колониальной политики»,авторы коллективной монографии «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века» справедливо утверждают, что установление российского господства на Кавказе является общимстремлением и императора, и его кавказских наместников [2, с. 78-79].

Естественно, пророссийская позиция ряда авторов наглядно демонстрируется и при изложении всех перипетий подписания Гюлистанского (1813 г.) и Туркменчайского (1828 г.) мирных договоров, явившихся итогом этих войн и всего завоевательного процесса России [3,сс. 467, 487-491][9, с. 291-294].

В свою очередь, в работе «История Дагестана…»Гюлистанский и Туркменчайский договоры расцениваются как закономерное завершение давно начатого процесса присоединения южнокавказских и дагестанских владений к России, а указанные войны искаженно даны как объективно освободительные для Кавказа[3, сс. 467, 470, 487-491].

Если авторы упоминаемой коллективной монографии «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в.» повторяют ошибку предшествующих историков советской эпохи, представляя территорию Иреванского и Нахчыванского ханств Восточной Арменией, оставшейся не завоёванной и не присоединённой к России в результате русско-иранской войны (1804-1813 гг.), то А.Шишовобращает внимание на вопрос об образовании Армянской области вместо упразднённых Иреванского и Нахчыванского ханств[2, с. 116][9, с. 291-294].

В отличие от вышеназванных авторов, в упоминаемой коллективной монографии «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в.», раскрывая все перипетии, связанные с осложнением международной обстановки в ходе русско-иранской войны (1804-1813 гг.) и подписанием завершившего её Гюлистанского договора, акцентируется недовольство России условиями этого договора [2, сс. 102-103, 116].

В целом, подлинная суть кавказской политики России раскрыта и оценена чётко и объективно. Авторы подчёркивают: «У России в её кавказской, восточной политике наблюдалась какая-то цепь трагических «необходимостей». Геополитические, торгово-экономические, военно-стратегические интересы России требовали выхода к Чёрному и Каспийскому морям, овладения Закавказьем»[2, с. 85].

Показав контраст имперской политики до и

после Гюлистанского договора 1813 г., авторы данной монографии справедливо отмечают, что если в Кабарде и Чечне в 1806-1807 гг. царизм идёт на определённые уступки, то на Южном Кавказе и в Дагестане активизируется деятельность царизма по установлению здесь своего полного господства. Более того, они дают ясную картину колониального режима русского царизма в указанном регионе, первыми признаками которого явились налоги с местного населения и прямое управление метрополии [2, с. 140].

Изменение же политики России в регионе 1813 г. верно объясняется как прочностью утверждения её на Южном Кавказе, так и потерей Дагестаном роли политического буфера между Россией и восточными государствами; он стал как бы «внутренней» территорией империи [2, с. 141].

В заключение важно подчеркнуть, что определив место Южного Кавказа, как и Кавказа в целом, в политике России, современные исследователи не ограничиваются только раскрытием колониальной сути этого политического направления. Не умаляя заслуг советской историографии, следует отметить, что в трудах современных историков новые подходы, безусловно отличавшиеся от идеологических постулатов учёных советского времени, позволяют убедиться в гегемонистской политике российского правительства в данном регионе, обосновать разнообразие форм и способов её претворения.

Хотя некоторые современные российские историки по понятным причинам продолжают исходить из тезиса об исторической предопределённости завоевания Кавказа, в том числе Южного Кавказа, о прогрессивной миссии России для кавказских народов, большинство авторов показывают доминирование собственных интересов России в политике на Южном Кавказе.

Отказ от тенденциозности оценки советского периода позволил современным учёным смело и объективно охарактеризовать основные этапы развития политики России в данном регионе, прослеживая преемственность политики царизма при её реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиева С.М. Азербайджан во внешней политике правительства Екатерины II. Баку, 2004.
2. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик, 2008.
3. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Т. 1. М., 2005.
4. Məmmədova A. Rusiya imperiyasının Cənubi Qafqaz siyasəti və Car-Balakən camaatlığı. – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu Elmi əsərlər "Azərbaycan-Dağıstan qardaşlıq münasibətləri tarixi, müasirlik, perspektivlər" mövzusunda Seyid Qurbanovun xatirəsinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları. Xüsusi buraxılış. – Bakı, 2010, том 33.
5. Mustafazadə T.T. XVIII əsrdə rus çarizminin Azərbaycanda və Dağıstanda demoqrafik vəziyyətin dəyişdirmə cəhdləri. – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu Elmi əsərlər "Azərbaycan-Dağıstan qardaşlıq münasibətləri tarixi, müasirlik, perspektivlər" mövzusunda Seyid Qurbanovun xatirəsinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları.Xüsusi buraxılış. – Bakı, 2010, том 33.
6. Nəcəfli G.C. I Pyotrun ermənіləri Azərbaycanın Xəzəryanı bölqələrinə köçürmək planları. – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu Elmi əsərlər "Azərbaycan-Dağıstan qardaşlıq münasibətləri tarixi, müasirlik, perspektivlər" mövzusunda Seyid Qurbanovun xatirəsinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları. Xüsusi buraxılış. – Bakı, 2010, том 33.
7. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
8. Hüseynov E.İ. Azərbaycan Nadir şah Əfşarin hakimiyyəti dövründə. Bakı, 2003.
9. Шишов Н.В. Схватка за Кавказ (XVI-XX вв.). М., 2005.История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Т. 1. М., 2005.
10. Məmmədova A. Rusiya imperiyasının Cənubi Qafqaz siyasəti və Car-Balakən camaatlığı. – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu Elmi əsərlər "Azərbaycan-Dağıstan qardaşlıq münasibətləri tarixi, müasirlik, perspektivlər" mövzusunda Seyid Qurbanovun xatirəsinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları. Xüsusi buraxılış. – Bakı, 2010, том 33.
11. Mustafazadə T.T. XVIII əsrdə rus çarizminin Azərbaycanda və Dağıstanda demoqrafik vəziyyətin dəyişdirmə cəhdləri. – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu Elmi əsərlər "Azərbaycan-Dağıstan qardaşlıq münasibətləri tarixi, müasirlik, perspektivlər" mövzusunda Seyid

Qurbanovun xatirəsinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları.Xüsusi buraxılış. – Bakı, 2010, том 33.

12. Nəcəfli G.C. I Pyotrun ermənіləri Azərbaycanın Xəzəryanı bölqələrinə köçürmək planları. – Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu Elmi əsərlər "Azərbaycan-Dağıstan qardaşlıq münasibətləri tarixi, müasirlik, perspektivlər" mövzusunda Seyid Qurbanovun xatirəsinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları. Xüsusi buraxılış. – Bakı, 2010, том 33.

13. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

14. Hüseynov E.İ. Azərbaycan Nadir şah Əfşarin hakimiyyəti dövründə. Bakı, 2003.

15. Шишов Н.В. Схватка за Кавказ (XVI-XX вв.). М., 2005.

*Согласно заключённому в 1723 г. Петербургскому договору между Российским правительством и сефевидским посланником Исмаил беем прикаспийские земли от Дербента до Гиляна должны были быть отданы России. Правда, шах не ратифицировал этот договор.

**Согласно условиям Стамбульского договора, подписанного в 1724 г. между Россией и Османской империей Россия передавала османам всю территорию Азербайджана за исключением прикаспийских областей.

***Согласно Рештскому (1732 г.) и Гянджинскому (1735 г.) договорам Россия вынуждена была возвратить прикаспийские области Сефевидскому государству.

****Речь идёт о начале аннексии России Южного Кавказа с захвата Джаро-Балакенскогоджамаатства(1803 г.).

БАШЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-ЗАМОК ИСМАИЛОВО (ИСМЕЙЛА-ЦІЕНЬГЕ)

Кодзоев Н.Д.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ключевые слова: *башенное поселение, Хамхоевы, Исмаилово, Таргим, Гасарово.*

Аннотация. *Башенное поселение Исмаилово расположено на правом берегу р. Ассы. Является родовым гнездом фамилии Исмаиловых из рода Хамхоевых. Согласно записям краеведа XIX в. А.Ц. Тутаева в Исмаилово жили представители рода Таргимхоевых – Гасаровы. Исследователем это поселение названо Гасарово. Рядом с ним отмечено еще одно поселение – подлинное Исмаилово, которое в 1920-х гг. обрушилось в Ассу, а его название перешло на Гасарово.*

Keywords: *tower settlement, Hamhoev, Izmailovo, Targim, Gasarovo.*

Annotatio. *Tower Izmailovo settlement is located on the right Bank of the river Assa. Is still the ancestral seat of the Ismailov surname of the genus Hamhoev. According to the records of the historian of the XIX century A. Tutaev in Ismailovo lived members of the genus Targimhoev – Gasarov. The researcher is a settlement named Gasarovo. Next to him, noted another settlement – genuine Ismailovo, which in the 1920s collapsed in the Assa and its name moved to Gasarovo.*

Родовым гнездом Хамхоевых является башенное поселение Хамхи. Вблизи него располагаются еще несколько башенных поселений, принадлежащих роду Хамхоевых – Хайрах, Нижний Хайрах, Балкой-Ценге, Исмаилово. Также до 20-х гг. XX в. на месте расположения школы-интернета у пос. Хамхи располагалось поселение Каза-Ценге.

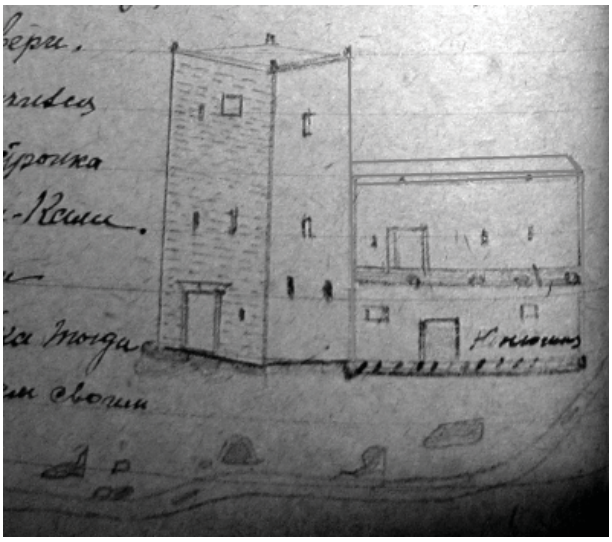
Башенное поселение замкового типа Исмаилово (Исмейла-ЦІеньге, Исмейла къоньгий хьокхаш, Исмйела ков) располагается на оконечности горного кряжа у правого берега р. Ассы. Оно состоит «из уже полуруинированных или сильно поврежденных боевой, полубоевой и 5 жилых башен, которые вместе с оборонительной каменной стеной составляли довольно мощный единый замковый комплекс позднего средневековья» [4, с. 17-18]. Из этого поселения вышли Измайловы, мужчины которых занимались деревообделочным ремеслом, а женщины славились искусством обработки шерсти.

Башенное поселение Исмейла-Ценге (Исмаилово). Фото 2012 г.

На северо-западной окраине Исмаилово, на скальном валуне расположен одиночный двухэтажный надземный склеп, отнесенный Д.Ю. Чахкиевым к XVII-XVIII вв. [4, с. 18].

Ингушский краевед и этнограф Албаст Цехарович Тутаев (1855-1941) называет Исмаилово Верхним или Малым Таргимом. Согласно его записям, произведенным с 1882 г. до 1920-х гг., в этой крепости жили представители рода Горбаковых из Таргима – Гасаровы, Озиевы, Тутаевы [3].

Одиночный двухэтажный надземный склеп у пос. Исмаилово. Фото 2012 г.



Башенное поселение Исмаилово (Малый Таргим). Рисунок А.Ц. Тутаева [3]

На переднем плане – башни Таргима,
на заднем плане видны силуэты башен поселения Исмейла-Ценге. Фото 1980 г.

Исследователь Ингушетии XIX в. Н.Ф. Грабовский в описании Горной Ингушетии в 1865 г. называет это поселение Гасарово и отмечает, что оно необитаемо. Но рядом с ним он называет и Исмаилово, в котором проживало 4 семейства [1, с. 157].

Между этими двумя поселениями находилась каменная заградительная стена, разделяющая территории Таргимхоевых и Хамхоевых, остатки которой в виде линии камней сохранились до наших дней.

В левом углу находятся руины склепа. Между этим склепом и башенным поселением Исмаилово видна линия камней – остатки прежней заградительной стены между владениями Таргима и Хамхи. Фото 2012 г.

Исследователь топонимии А.С. Сулейманов в своей «Топонимии Чечено-Ингушетии» рядом с топонимом «Исмейла-ЦIенге» называет топоним «Гасар-ЦIенге». Он отмечает, что в этих урочищах «сохранились руины бывших поселений» [2, с. 46].

Согласно А.Ц. Тутаеву, в 1861 г. Гасаровы переселились на плоскость в селение Кантышево, а все поселение (движимое и недвижимое имущество), все свои покосные и пахотные участки передали своему зятю Аламурзе Кациеву [3]. (Кациевы – представители рода Хамхоевых).

Поселение Измайловых – подлинное Исмаилово, называемое ингушами «Исмейла къоньгий хьокхаш», в 20-х гг. XX в. обрушилось в р. Ассу. Название «Исмаилово» перешло на поселение Гасарово (Малый Таргим), в котором к тому времени уже жили представители рода Хамхоевых.

Поселение Измайловых, называемое «Исмейла къоньгий хьокхаш» (настоящее Исмаилово). Фото 1912 г.

По родовым преданиям, предок Измайловых Исмаил (Исмейл) выселился из Хамхи из-за кровной мести и поселился в башенном поселении, расположенном ниже по течению Ассы, в XVIII в. Сын Исмаила – Баса жил в конце XVIII – начале XIX. в. Сын Баса – Цогал поселился в долине реки Кен (Лохара Кен) у родника близ сел. Сурхахи. Сыновья сына Цогала – Муссы (пять семей) в 1858 г., когда по указу российского императора уничтожались хутора и ингуши селились в крупные села, были переселены в сел. Сурхахи. За отказ переселиться в Сурхахи в 1858 г. сын Муссы – Мочко был сослан в Прикаспийские степи. В настоящее время Измайловы (из рода Хамхоевых) компактно проживают в сел. Сурхахи Назрановского района РИ.

Литература:

1. Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // Об Ингушетии и ингушах. Терские ведомости. 1868-1878. – Вып. 2. СПб., 2003.
2. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. – Ч. 2. – Грозный, 1978.
3. Тутаев А. Галгаевский календарь // Архив ЧГОМ. – Оп. 3. – Д. 44.
4. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. – Т. 2. – Нальчик, 2009.

К ВОПРОСУ ИНГУШСКОЙ ОНОМАСТИКИ: МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Сагов Р.З.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются ингушские имена в контексте истории и языка ингушей. Проводится аналогия ингушских имен с именами из древних письменных источников и других народов. Делается попытка обозначить место ономастики в науке, о связях ингушей с народами древнего мира через ономастику.*

Ключевые слова. *Имена, антропоним, ономастика, фамилия, язык, культура, традиция, ингуши, Северный Кавказ.*

Summary. T*his article examines the Ingush names in the context of the history and language of the Ingush. It draws an analogy between the Ingush names and names from ancient written sources and other peoples. The article attempts to outline the place of onomastics in science, Ingush relations with the peoples of the ancient world through the onomastic sciences.*

Keywords. *Names, onomastics, language, surnames, culture, literature, traditions, Ingush, North Caucasus.*

Фундаментальные исследования ученых кавказоведов, говорят, что коренные народы Северного Кавказа являются представителями особой кавказской языковой семьи, отличной от всех других языков мира, носителями древнейших традиций языка и культуры. Основываясь на эти научные изыскания, Е.И. Крупнов пишет, что ингуши сохранили все лингвистические особенности, присущие этому древнему этническому массиву Кавказа [1, С. 202.].

Ингушский язык относится к древнему центрально-кавказскому субстратному языку, можно сказать гаргарейской группе кавказской (яфетической, иберийско-кавказской, северокавказской) семьи языков.

Язык выступает основным каналом передачи ценностей духовной культуры от поколения к поколению. Язык – способ мышления, стержень национальной культуры, национального самосознания и национальности (этничности) вообще. Язык – хранитель тайн истории, источник информации и т.д. «Он хранит память не только о духовных ценностях, но и контактах с другими народами: древней Передней Азии, России, Грузии, Армении, народами Северного Кавказа» [2, С. 28.].

Одним из важнейших разделов языкознания является ономастика, раздел, изучающий личные имена, особенности происхождения имен, их этимология. Имена, или по-иному антропонимы, как самостоятельные лексемы языка имеют большое значение при научных, в том числе, и этнографических исследованиях. «Сегодня ученые, занимающиеся ономастикой, то есть наукой о собственных именах, отмечают, что собственные имена людей – это есть часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты с другими народами» [3, С. 9.].

Процесс соприкосновения народов и их языков происходит постоянно, тем самым культуры и языки, дополняя друг друга, обогащаются, хотя и не всегда. Иногда это приводит к двуязычию – билингвизму, что чревато негативными последствиями для одного из языков. «Характер двуязычия неодинаков и проявляется различно в зависимости от условий, его породивших. Различается «естественное» и «искусственное» двуязычие, «чистое двуязычие» и «смешанное двуязычие». В условиях «чистого двуязычия» языки сосуществуют равномерно, обогащая друг друга, а «смешанное двуязычие» рано или поздно приводит к одноязычию [4, С. 18.].

В нашем случае речь идет о контактах, посредством которых происходит взаимопроникновение личных имен как лексем языка, как заимствование элементов культуры, языка. Ингушская ономастика, наверное, не составляет исключение, которая, наверное, тоже испытала влияние со стороны инородной антропонимики, и, в свою очередь, также оказала влияние на ономастику других народов. Задачей данного исследования не является изучение ономастики в полном объеме.

Настоящая статья посвящена ингушским

именам. Здесь предпринята попытка рассмотреть, если не все, то хотя бы основной фонд традиционных личных ингушских имен, показать некоторые особенности образования имен, исходя из словообразовательных закономерностей ингушского языка.

Проблеме ингушской антропонимики посвящен ряд интересных работ различных авторов, Н.Г. Ахриева «Исконные имена чеченцев и ингушей» (Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания) // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1975; А.С. Куркиева, который посвятил раздел «Ингушская этнонимика, ономастика и топонимика» указанной проблеме в своей работе «Основные вопросы лексикологии ингушского языка» (Грозный, 1979.); «Справочник личных имен народов РСФСР» (Москва, 1979.); С.А. Хамчиева «Ингушские личные имена» (Магас, 2003.) и т.д. В данной работе использованы имеющиеся в нашем распоряжении сведения, в том числе из генеалогических древ различных ингушских фамилий, мужские личные имена из монографического издания «Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года» в 3-х томах [5.].

Исконные ингушские имена, возникшие в глубокой древности, которые по своей морфологической и семантической структуре могут быть сложными и простыми. Из существующего ономастического материала ингушские личные имена по принципу словообразовательного форманта можно подразделить на несколько групп, некоторые из которых, хоть и редко, но все еще встречающихся в наше время в ингушской ономастике.

Происхождение и мотивы присвоения имени человеку связаны с восприятием ингушами с древнейших времен окружающей среды обитания, действительности, мироощущения и т.п. Древние антропонимы отражают представления ингушей, основанные на культово-исторических факторах, особенно связанные с определенными тотемами, происходящие от названий животных, птиц или растений [3, С. 15.].

До настоящего времени у ингушей сохраняются национальные имена, унаследованные от древней субстратной культуры Центрального Кавказа. Это и отмечают специалисты языковеды. Профессор А.С. Куркиев пишет, что «в ингушском языке представлено определенное число личных имен, возникших на базе исконного лексического фонда данного языка. Эти имена очень конкретны и связаны с фауной, флорой, атрибутивными именами и т.д., например: Буордз «волк», ГІа «лист дерева», Майра «храбрый» и др. В отличие от заимствованных, исконные личные имена являются, как правило, достоянием данного языка и редко проникают в другие языки. Исконные имена представляют собой наиболее древний слой в ингушской антропонимике» [5, С. 192.]. Данный перечень имен намного шире. Это характерные в ингушской ономастической традиции имена, происхождение которых связано не только с фауной, флорой, но и с другими социальными, культурными, природными и иными явлениями.

Обычай давать имена названиями животных, растений и других явлений уходит вглубь веков. Эта традиция – одна из древнейших, которая наблюдается почти у всех народов мира, в том числе и у ингушей. Вероятно, это было связано с желанием родителей видеть своих детей, прежде всего, здоровыми, красивыми и т.п. Особенно они желали, чтобы их потомки были способными, сильными, смелыми, ловкими, быстрыми, такими, какими были животные, названиями которых они нарекали своих детей.

Этих имен много, а в прошлом, вероятно, было больше. И из этих имен можно составить несколько групп. Например, первую группу составят, так сказать, «статусные» имена: «Аьшк» (железо, сталь, крепкий), «Аза» // «Малха Аза» (Солнцева Аза, Аза – «дочь» Солнца, в значении божественная или сакральная), «Берд» (берег, склон, крепость, что значит надежный), «Дошув» (золото, драгоценный), «Дотув» (серебро, добрый, целительный), «Чона» (чугун, твердый), «Лихькорта» (буквально, змеиная голова, мудрый), «Малх» (букв., солнце, высший, величавый), «Марх» (солнце, и т.д.), «Малхсаг // Малсаг» (буквально, солнечный человек, небожитель), «Хьунсаг» (лесной человек), «МаІас» или «МаІис» (верховный, главный, почтенный), «Нарт» (герой, богатырь, сильный), «СийнабІарг» (синий глаз, говорят светлый глаз, зоркий глаз или всевидящее око, острый взор) и т.д.

Во вторую группу имен, образованных от названий животных, можно включить следующие имена: «Бора» (старое название медведя) или «Ча» (медведь, табуированное название, буквально волосатый, лохматый), «Бордз» (волк, олицетворение верности, стойкости, смелости и мужества), «Борцакх» (барсук, символизировал здоровье), «Цхьогал // Цогал» (лиса, хитрый, изворотливый), «Сей» (олень, быстрый, олицетворение благородства и красоты), «Ка» (овен,

удача, благодать), «БугI» или «Уст // Устарх» (бык, символ силы и благополучия), «Кхокха» (голубь, верность, надежность) и т.д.

В третью группу, войдут имена, образованные от названий растений: «ГIа» (лист, символ жизни и плодовитости.), «Хьокха» (кол, опорный столб, опора семьи, рода, народа), «Турс» (крепкий, вид дерева, из которого делались щиты. Этому дереву придается сакральное значение. Она символизировало защиту), «КIарцхал» (акация, жизнестойкое, почитаемое ингушами дерево, которое имело большое значение в жизни ингушей, и не только в хозяйственных нуждах). Все эти имена встречаются в ингушских родословиях, этногенетических преданиях, некоторые из них сохранились до нашего времени.

Одним из самых распространенных у ингушей в прошлом являлся обычай (в определенной степени сохраняется до сих пор) давать имена, связанные с пожеланиями сохранить жизнь ребенка, сохранить ребенка от нечистых сил, сглаза и т.п. Например, такие имена как «Висха», «Ваха», если ребенок мужского пола, или «Яха» – если женского пола, означающее буквально «Живи» (в значении живучий) и т.п. Нередко детей называли нарицательными именами, в целях введения «нечистых сил» в заблуждение. Поэтому некоторые дети имели по два имени.

Традиция давать вторые имена, сохранялась очень долго, можно сказать, сохраняется по настоящее время. Кроме вышесказанного, это связано с другой традицией – с традицией наложения табу для невесток на имена старших, или вообще почтительных лиц семьи или фамилии мужа, также как свекра или свекрови. Эта древнейшая, имеющая связь с антропонимикой, традиция, вероятно, общая для всех кавказцев. Так, у ингушей принято, чтобы невеста называла свекра «дада» (папа), свекрови «нана» (мама), старшего деверя «зIамсаг» (молодой человек), младшего деверя «кIаьнк» (мальчик), или как-то подругому, но обязательно нарицательным именем, но не по собственному имени, так же, как и золовку «йоI» (девушка), «йIиг» (девочка), соответственно по возрастному порядку.

Наречение имени, особенно ребенку мужского пола, являлось важным событием в ингушской семье. По этому случаю резался баран и устраивался «той» (пир), т.е. готовился праздничный стол, посвященный наречению имени, устраивалось угощение в честь продолжателя рода, фамилии. Имена давались детям, как правило, в ингушском случае, дедушками и бабушками – внукам, с пожеланием новорожденным счастья, здоровья, благополучия и т.д.

Вопроса наречения имени ингушами касались многие исследователи, в том числе и известный в кавказоведении русский исследователь Н.Ф. Грабовский, «писавший, что у ингушей нет раз навсегда установленных имен для наречения новорожденных. Чаще всего в этих случаях даются магометанские имена, но иногда ингуш любит назвать своего ребенка каким-нибудь предметом, как например: Берц (волк), Алхазырь (птица), Ножчь (дуб), Топчи (пистолет) и т.д. Затем ингуши охотно дают имена в честь каких-нибудь уважаемых людей, не исключая русских» [3, С. 11.].

В настоящее время чаще встречаются мусульманские имена, которые проникли в ингушскую среду с распространением ислама, а традиционные – реже, т.е. наибольшее число из иноязычных личных имен составляют арабские имена, вернее, мусульманские имена. Встречаются и тюркские, преимущественно крымско-татарские имена и реже – имена других народов. Например, такие имена, вероятно, крымско-татарского происхождения, как: Алсан-Гири, Арс-Гири, Азамат-Гири, Бамат-Гири, Довт-Гири, ГIаз-Гири, Мат-Гири, Махьмад-Гири, Саьлен-Гири, Умат-Гири и др.

Вместе с тем, наряду с мусульманскими именами достаточно сохраняются и традиционные ингушские имена. Небезынтересно отметить, что пребывание мусульманских имен среди ингушей в длительное время, на начальном этапе принятия ислама, привело к определенной, даже можно сказать значительной, трансформации отдельных имен, которая произошла надо думать в соответствии с нормами ингушского языка. Например, такие имена, как: Джабр (Джабраил), Сулам (Сулейман), Исмейл (ИсмаIал), Мус (Муса). Ко второму этапу, надо думать, относятся имена Iадлоп (Абдул-Вахьап), Iадрахьман (Абдуррахман), Iаддалмажит (Абдул-Мажит), Шукурби, или женские имена, такие как: Хадчат (Хадиджа), Iашат (Айша) и т.д., имена, которые впоследствии стали восприниматься как собственно ингушские.

Примечательно, что некоторые из названных имен, например, «Исмейл», «Сулам», «Мус» и другие, встречаются в родословиях до семи, десяти колен назад, что говорит о проникновении ислама в Ингушетию задолго до «общепринятой» версии принятия ислама ингушами. Если основываться на общепринятых в кавказской этнографии хронологических нормах между по-

колениями, то это приблизительно лет триста назад, что перекликается, например, и со свидетельством В. Багратиони относительно верований ингушей рубежа XVII-XVIII вв.

Сегодня мусульманские имена составляют большой процент. Вероятно, это связано не только с требованиями мусульманской религии, как и других религий вообще, а скорее личным предпочтением родителей давать своим детям имена из священного писания.

Небезынтересно отметить, в связи с этим, что заимствование мусульманских имен почему-то у разных народов происходит по-разному. Например, перечень мусульманских имен у ингушей и чеченцев существенно разнится. Среди ингушей не встречаются такие мусульманские имена, как: Абали, Аднан, Имран, Махьма, Малик, Сейт-Эмиль, Шадид, ШаIарани, Эмин, Язид и др., которые часто встречаются среди чеченцев и дагестанцев. Менее чем у чеченцев встречаются и также имена как Махьмуд, Резван, Ширвани и т.д. У ингушей чаще, чем у чеченцев, встречаются имена Адам, Осман, Къурейш, Закре, Абдул-Вахьаб, Абдул-Мажит, Мустафа, Ибрахьим, Назир, Насреддин, Бадруддин, Зявудин, Юсуп, Юназ и другие.

«Другой пример из этого же порядка. Вайнахи активно участвовали во всех русских революциях и последующих коммунистических преобразованиях в СССР и как следствие этого рвения – нахская ономастика зафиксировала такие личные имена как, Октябрь, Январ, Райком, Обком, Партсъезд и др.» [4, С. 14.]. Среди ингушей перечисленные имена не зафиксированы. Вероятно, это отличительная черта чеченской ономастики.

В связи с вопросом заимствований имен посредством влияния религии, следует обратить внимание, на высказывания некоторых исследователей, которые утверждают, что в Ингушетии в XII веке распространилась христианская религия под влиянием грузинских миссионеров. Утверждается, что строились христианские храмы, церкви и т.п. Если это соответствует действительности, то в Ингушетии должны были сохраниться следы этого явления, в том числе, и в ингушской антропонимике. Имеющийся антропонимический материал не позволяет согласиться с данными утверждениями, так как в ингушской ономастике не встречаются имена, относящиеся к христианской религии. По крайней мере, это не наблюдается в ингушских генеалогических древах и иных источниках, хотя сохранились имена более древних времен.

Вместе с тем, надо отметить, что профессор А.С. Куркиев, как и некоторые другие авторы, пишет, что «в ингушском именинник встречаются (и бытовали в прошлом)» грузинские имена. Например: Анзор, БаIдал, ШитIа, Зураб, Кете, Элбазар и др. [5, С. 212.]. Конечно, «в ингушском именинник встречаются» имена инородного происхождения, но согласиться с тем, что названные имена, как и некоторые другие, являются инородного происхождения, трудно. Скорее всего, эти имена издревле распространялись среди народов Северного Кавказа, в том числе и среди ингушей. Поэтому, вряд ли эти имена являются грузинскими.

Наличие огромного числа аналогичных имен, которых можно группировать по определенному принципу, не позволяет согласиться с высказываниями, что эти имена грузинского или вообще инородного происхождения. Например, имя «Анзор», можно включить в группу аналогичных имен, таких, как: Анзовр, Зовр, ГIандовр, Довр, Изновр, Товр и др. Или имя «БаIдал», которое тоже можно включить группу имен, с окончанием «дал»: СаIдал, Сардал, Сейдал, «Мурдал», «IаддIал» и т.д. К этим именам можно отнести и ряд других имен, только с окончанием «бал»: IамбIал, ГIарбал, Чурбал, Эйбал и др. Перечень мужских имен со схожими окончаниями можно продолжить, хотя окончаниями несколько отличаются, т.е. с частицей «IаI»: IаI // IаIа, МурцIаI, СафраIаI // СапраIаI, СарIаI, БейIаI, МутаIаI, СонтаIаI, ХьажIаI; к этому ряду можно отнести и имена: жБатIаI, Дзейтал, МитIаI и т.д. Существуют и другие имена, со схожими по звучанию окончаниями, как: Маккхал, Саккхал, Шовхал, Инал, ГIазал, ГIажал Муртазал, Апсал, Мурсал, Таргал, IамарIал, Арал // Рурал и др. Соответственно и фамилии: Алиев (Аленаькъан), Муталиев (МутаIалнаькъан), Иналов (Иналнаькъан), Саралиев (СарIалнаькъан), Сапралиев (СапраIалнаькъан) и т.д.

Имя «ШитIа», можно отнести к именам с характерным окончанием которые вероятно относятся к числу старинных ингушских имен, например, МитIа, ЧинтIа, ТIаьртIа, ТутIа, Довта, ГIовтIа и т.д. Имя «Кете» тоже является частью группы аналогичных имен, существовавших у ингушей издревле, и имеющих характерные окончания «те // ти»: Кубате // Кубати, Джанте // Джанти, Довт // Довте, Товт // Товте, Тонт, Султе, ГIейте, Кете, Кута // Куте, Махьте, Мехьте, Хуте, Хьата // Хьате, Чонта, ЧIанте и т.д.

Относительно имени Зураб, надо сказать, что ингушский вариант звучит немножко иначе,

как «Зурап // Зурпа», и здесь тоже можно привести ряд созвучных имен с характерными окончаниями на «па // пи», таких как: Баппа, Дзапа, ГІазалпа, Зурпа, Опа // Упа, Гаспа, ТІейпа, ТІапа, Цепа, Саипа, Саьмпи, Аьспи, Акхпи, Хаьмпи и др.

От названных имен ведут свое происхождение многочисленные старинные ингушские фамилии: Аспиев (Аьспинаькъан), Сампиев (Саьмпинаькъан), Опиев (Опинаькъан), Котиев (Кетенаькъан), Котиев (Кутанаькъан), Хаутиев (Ховтенаькъан), Хутиев (Хутинаькъан) и т.д. Также фамилии: Добриев (Дабрнаькъан), Зауров (Зоврнаькъан), Зурабов (Зурабнаькъан) и др. Возможно, что фамилия Таутиев, которое сегодня считается осетинского происхождения, происходит от личного имени, может быть из этого же ряда. По крайней мере, здесь наблюдается аналогия, т.е. на ингушском языке фамилия звучит как Тоутинаькъан, что может быть от личного имени «Тоути».

Далее у А.С. Куркиева следует имя «Элбазар». Это имя можно отнести к ряду ингушских имен с окончанием на «зар»: Албозар, Бекбозар; Бозар; ГІазар, Мазар // Мацар, Новзар, Оалхазар и т.д. К этим именам можно добавить множество других имен с окончанием на «сар»: Бейсар; Бувойсар, Гасар, Мовсар; Наьсар; Сосар; Тепсар и др. Также существуют и другие группы имен со схожими окончаниями, например, с окончаниями на «мар», «тар», «бар», «пар», «дар». Это первая группа: Астмар, Акхмар, ГІойтмар, ГІастмар, ГІантмар, Чантмар, Джантмар, Таьштмар. Вторая группа: Шутар, Шамтар, Бейбаьтар, Джовбаьтар, Къубаьтар, Итар, Латар, Устар, Матар, Маштар, Баштар, Таьштар, Хьаштар, Ковтар. Третья группа: Дабар, Джабар, Хабор и т.д. Четвертая группа: Іандар, ГІандар, ГІардар, Джандар, Дудар, Мудар, Илдар, Чоалдар, Яндар, Ампал, Сейпал и многие другие имена. Вероятно, эти относятся к наиболее старинным, т.к. некоторые из них являются именами – эпонимами ингушских фамилий. Например: Астамиров (Аьстмарнаькъан), Гасаров (Гасарнаькъан), Дабриев (Дабрнаькъан), Дударов (Дударнаькъан), Гантемиров (ГІантмарнаькъан), Латыров (Латарнаькъан), Шутуров (Шутарнаькъан), Хаштыров (Хьаштарнаькъан) и др.

Таким образом, приведенные имена, перечень которых можно продолжить, позволяют не согласиться, что эти имена заимствованы. Их следует отнести, отчасти к собственно ингушской традиционной ономастике, отчасти к общей Северокавказской антропонимике. По крайней мере, без веских на то оснований неправомерно утверждать, что те или иные лексемы или имена, заимствованы ингушами у других народов. Хотя мы и не исключаем такую возможность.

Само собой разумеется, что среди ингушей до недавнего времени встречались имена и грузинского происхождения, наверное, как и у грузин, ингушские имена. Например, вполне возможно, что имена Андро, Соандро, Петро и др., грузинского происхождения. Существуют и имена общие как для ингушей и грузин, так и для всех коренных народов Кавказа, унаследованные от древнейшего кавказского субстрата.

А.С. Куркиев пишет, что в «Грузии (Сиони, Багеби, Каркучи и др.) встречаются ингушские фамильные имена с грузинскими элементами (компонентами), например: Кортошвили, (инг. Кхоартой из с. Кхарт, т.е. Кортоевы), Мальсагошвили (инг. Малсаганаькъан, т.е. Мальсаговы, выделившиеся из рода ТІаргамхой), Куштошвили (инг. Куштанаькъан, т.е. Куштовы из селения Духьаргишт)» [5, С. 212.]. Здесь как мы видим, приведены две фамилии, образованные от антропонимов, и одна – от топонима, и все эти фамилии до сих пор существуют в Ингушетии, следовательно, отдельные представители этих фамилий переселились в Грузию после того, как фамилии уже были образованы, т.е. недавно.

Подтверждением тому факту, что ингушские имена заимствовались соседними народами и даже ложились в основу некоторых фамилий, служит, например, осетинская фамилия Цаголовых. Дз.Г. Тменова пишет: «По полевым записям профессора А.Дз. Цагаевой, некто Кудзоев нашел в кустах ребенка. Ребенок был дикий, кидался. И к тому же был рыжий. Этот Кудзоев окрестил его Цогол, что по-вайнахски значит лиса. От этого Цогола и пошли Цаголтае. Только почему назвал по-вайнахски непонятно» [6, С. 24.]. Вероятно потому, что Кудзоев (инг. Кодзой) в то время еще был носителем ингушского языка, и поэтому он назвал его «Цогал», т.е. рыжая лиса.

«В Северной Осетии наблюдается большое число заимствований из русского, а также из языков соседних Северо-Кавказских народов – чеченского, ингушского, кабардинского, балкарского. Нередко через эти языки в осетинский проникали общемусульманские имена» [7, С. 27.].

Говоря о заимствованиях, прежде всего, необходимо отметить, что среди ингушей, как мы сказали, бытуют арабоязычные мусульманские имена. Это естественно, так как через всевоз-

можные контакты, в том числе и через религию, проникают, наряду с другими элементами культуры, и личные имена. Вместе с тем, имеющиеся данные позволяют прийти к заключению, что, несмотря на определенное иноязычное влияние, особенно мусульманское, ингушская антропонимика развивается по своим законам. Здесь необходимо отметить, что мусульманские имена ингушами сегодня воспринимаются как собственно национальные. Даже в самосознании ингушей мусульманин и ингуш стали синонимами, а значит и мусульманские имена, воспринимаются как свои наряду с древнеингушскими традиционными именами.

Естественно, у ингушей, как и у других народов, с давних пор существовали культурные, торговые, политические и иные связи с другими народами, о чем говорят нам, кроме всего прочего, и имена. Так, на этнокультурные связи ингушей с древней Русью могут пролить свет некоторые старинные ингушские имена. В качестве примера можно привести ингушское имя «Ольг», эпоним старинной ингушской фамилии «Олигов».

Это имя, в форме «Олег», встречается у русских или вообще у восточных славян, заимствованное у скандинавов. Принято считать, что «к славянским именам прибавилось несколько скандинавских имен, привнесенных в период язычества викингами-завоевателями, как, например, Рюрик (Hrorekr), Олег (Helgi «святой»), Игорь (Ingvar «молодой»), Глеб (Gudleifr, эквивалент нем. Gottleb), Роговолод (Rag(n)valdr)» [8, С. 11.].

Может быть, перечисленные имена действительно заимствованы, но вряд ли можно согласиться с тем, что имя Олег имеет скандинавское происхождение. По крайней мере, у нас возникают сомнения по данному поводу. В связи с этим, необходимо обратить внимание на одну особенность, т.е. Г.В. Вернадский утверждает, что это имя первоначально произносилось, как **Ольг** [9, С. 62.]. В древнерусском песенном эпическом произведении – в былине «Вольга», упоминается имя Волх-Вольга. Исследователи считают, что это имя «восходит к **Ольг**, Олег, Ольга – именам первых русских князей». «В «Именослове» М. Морошкина приведены как равнозначные варианты: **Ольг**, Олег, Олех (Морошкин 1867, 142 (2-я паг.), Ольга, Ольха (Там же, 143 (2-я паг.))» [10, С. 16.]. Таким образом, мы видим, что это имя изначально звучит также как и в ингушском «**Ольг**». Кроме того, термин «ольг» в ингушском языке имеет и другое значение – «лепешка».

У ингушей существует наряду с антропонимом Ольг целый ряд имен с однотипными окончаниями на «ольг» // альг» и «арьг», например: Бийдольг, Багальг, Вадальг, Дальг, Муцольг, Нальг, СиргIальг, Сурульг, Эрсельг, Хьоашальг, ПхьаргIальг, Аьбарьг, Іовларьг, Іахарьг, СийнабIарьг, Фаьрг, Фашкарьг и т.д. Соответственно фамилии: Арсельгов (Эрсельгнаькъан), Ахильгов (Іахаргнаькъан), Олигов (Ольгнаькъан), Вадельгов (Вадальгнаькъан), Муцольгов (Муцольгнаькъан), Нальгиев (Нальгнаькъан), Фаргиев (Фаьргнаькъан), Парагульгов (ПхьаргIальгнаькъан), Хашагульгов (Хьоашалнаькъан) и др. Кстати, имя «Эрсельг» означает «русский» от ингушского «эрсий // оарсий» - «русский», только «эрсельг» имеет уменьшительное значение.

Хоть и редко, но все же, встречаются в ономастике славян и кавказцев одинаковые имена. В ингушской ономастике есть такие имена, как «БагIдан» (Богдан), «Ладимир» (Владимир) и др. Довольно часто среди народов Северного Кавказа, особенно у ингушей, встречается имя «Руслан». Утверждается, что это имя производно от имени фольклорного героя Еруслана Лазаревича, «освободителя Русской земли» [11, С. 19.]. Принято считать, что это имя впервые появилось в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Как известно, термин «рос // рус», лежащий в основе имени Руслан, с незапамятных времен традиционно связывался с этнонимом русские» [11, С. 18.]. «Образ Пушкинского героя Руслана от образа фольклорного героя «Еруслана Лазаревича» («Имя Еруслан (в транскрипции XVIII в. – Ярослан)»), известного в старинной русской сказке, популярного в начале XIX века, действительно может представлять интерес для объяснения происхождение этнонима «русский» [11, С. 16.]. Поэтому, данное имя, вернее его эволюционный путь, может представлять интерес, и в связи с вопросом происхождения этнонима «русы», о чем и говорят ученые.

Относительно проблемы происхождения этнонима «русский», существуют различные версии. Например, «Русин» истолковывается как «рус-сын». Такое истолкование не является научным и не соответствует истине. Нет сведений, чтобы подобным образом и из подобных корней образовывались бы гибридные этнонимы. Расшифровать этноним можно, только проследив его эволюцию» [12, С. 19.]. Конечно проблема происхождения этнонима «русский» – тема для отдельного разговора. Мы же здесь хотим отме-

тить, что его происхождение может быть связано, как предполагают некоторые исследователи, с названием раннесредневекового племени «аорсов» («аланы-аорсы» // «орс-аланы // «рос-аланы» // роксоланы), и что, скорее всего здесь имеется связь с этнокультурным миром древнего Кавказа, чем со Скандинавией.

Как уже было сказано среди народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, часто встречается имя Руслан. Данное имя разбивается на две части – корень «рус» и окончание «лан». Здесь следует отметить, что в ингушской ономастике встречаются имена с аналогичным окончанием, т.е. на «лан», например: Аслан // Арслан, Беслан, Билан, Далан, Курлан, Улан и т.д., в ряд с которыми становится и имя Руслан, и здесь наблюдается обычная традиционная для ингушской ономастики закономерность. Кроме того, в конце XVIII – начале XIX вв. в документальных источниках значится имя Расланбек (Росланбик) у горцев Северного Кавказа, т.е. до появления в свет поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Очевидно, имя «Арслан, Еруслан (Ярослан)» – изначальная форма имени, которое трансформировалось в «Руслан». Если это так, то вполне могло быть, что этнонимом «аорсы» // «орос» в итоге преобразовался в «рос // рус». Предположим, что носители этого этнонима, часть которого с Предкавказских степей переселилась на север, за Дон, перенесли свое название и распространили, на некоторые группы славянского населения Восточной Европы. Вернее, слог «орс // рус», в качестве корня лег в основу словообразования и с добавлением окончания суффикса принадлежности «ский», привел образованию современного этнонима «русский». Этноним «русский» на ингушском языке будет «эрсий // аьрсий».

Это не единичный случай подобного примера с этнонимом. Аналогичный случай мы наблюдаем в горном Таджикистане, где одна из этнических групп, ранее известная под названием «орошорцы», впоследствии стала называться «рошорцы». Возможно, что эволюция произошла со сменой языка, т.е. предположим, что они изначально небыли носителями иранской речи, но потом при переходе населения – носителей данного этнонима на индоевропейский язык, название претерпело изменение.

Существуют и другие аналогичные примеры, только связанные с топонимами. «Многие топонимы утратили первоначальную фонетику. Известно из летописей, что Ржев называли раньше Оржева. Руза должна была называться Оруса» [12, С.48.]. Аналогичное явление наблюдается даже в родственных языках, когда один и тот же термин меняет свою форму. К примеру, ингушское слово «аргI» (холмистый хребет) в чеченском языке превратился в «ргI». В ингушском языке практически нет слов, чтобы вначале стоял звук «р», за исключением слов – «раьза», «ралс», «рема», а если есть, то обычно вставляется обязательно гласный звук, например, «эрсий»-«русский», «урс»-«нож» и т.д. Лингвисты отмечают эту особенность в ингушском языке.

Возможно, наша версия преобразования имен, этнонимов, топонимов, эволюционным путем, верна. По крайней мере, это версия тоже имеет право на существования, и можно предположить, что это поможет при рассмотрении данной проблемы.

О связях ингушей с другими народами с давних пор говорят этнонимические имена, например: Аьрсе // Аьрселг (русский от аьрсий // эрсий), ГIазкхе // ГIазакх (казак), Немце (немец), Герман (германец), Абазо (старинная форма Iабаз; абазин // адыг, абхаз), Черсе // Чергсе от изначального Чиргаз (черкес), ГIабарте (кабардинец), ГIажаре // ГIажар (хазар), Гуржйе (грузин), Дугаруо (дигорец), ГIазагIумке (лакец), ГIумке (кумык), Сели (дагестанец // аварец), Iанде (андиец), Iарпе // Iарбе (араб), Турке (турок), ГIалмакх (калмык), Балкхаро (балкарец), Къаршйе // Къаршуо «карачаевец», хIирий (осетин), Татре (татарин), Японц (японец) и т.д.

Имена действительно могут рассказывать о событиях давно минувших дней, о возможных контактах с древнейших времен. Именно об этом и свидетельствуют нам сведения древних письменных источников.

У античного автора Лукиана Самосатского (I тыс. до н.э.) упоминается имя «Адирмах» – предводитель «махлиев // махелонов» или «страны Малх» на Центральном Кавказе, и скифский посол «Арсаком» [13, С. 99.]. Он упоминает эти имена, описывая исторические события рубежа I тыс. до н.э. и I тыс. н.э., связанные с войной между скифами и Босфорским царством. В этой войне на стороне Босфорского царя, единым фронтом в союзе против скифов выступили махлийцы и аланы, так как Босфорский царь приходился тестем Адирмаху. Босфорский царь отдал предпочтение Адирмаху во время сватовства, а не скифскому послу Арсакому, что и явилось причиной для начала войны. Но мы в данном случае говорим об именах, а не о событиях.

Так, имя скифского посла «Арсаком» напо-

минает нам ингушское мужское имя «Арсмак // Арсамак», а имя «Адирмах» становится в ряд ингушских имен с окончанием на «мах» и «лах», т.е. с характерной частицей. Вероятно, это антропонимы, относящиеся к древнейшему пласту ингушских имен. Например: Амах, ГІармах, Заьлмах, Мах // Мух, Махь, Іамах // ІамагІ, Іалах, Тамах, Умах, Пшемах, Шимах // Шимох и др. В свою очередь, от этих имен производны ингушские фамилии Амаханов, Алиханов, Мухиев, Умаханов и другие.

Здесь следует отметить, что ученые отождествляют древний народ «махлий» или «махелоны» с современными ингушами. Как известно, этноним «макхалон» сохранился у осетин в обозначении ингушей.

Имя «Заьлмах» до сих пор встречается у ингушей и чеченцев. Вместе с тем, надо отметить, что в чеченском варианте окончание несколько отличается от ингушского варианта. Например, если на ингушском языке имя звучит как Заьлмах, с окончанием «**мах**», то в чеченском Зелимхха // Зелимхан, соответственно с окончанием «**мха**» или «**мхан**».

Чеченский исследователь Н.С. Бейбулатов в своей работе описывает чеченский вариант имени «Зелимхан». «Зелимхан (м). Варианты: Зела**мха** (м), Зеламхан (м), Заламхан (м), Залимхан (м)» [14, С. 72.]. Есть аналогичный пример и с другими именами с подобными окончаниями: «Ислам (м). Исламхан (м). Варианты: Исламха» [14, С. 78.]. Другой пример, где женское имя Зумарт в чеченском языке имеет также и вариант Зумрат [14, С. 74.].

Очевидно, ингушские окончания «мах», «мар», «март» в чеченском языке приобретают звучание «мха», «мра» и т.д. Следовательно, имя Адирмах соответствует собственно ингушской антропонимической традиции вместе с именами ГІармах, Заьлмах, Умах и т.д.

«В.А.Тураев считал собственные имена, особенно иностранные для Финикии, элементом, наиболее подверженным искажениям, тем не менее, мы видим, что многие дошедшие до нас по письменным источникам имена финикийцев созвучны ингушской речи и могут быть этимологизированы с помощью ингушского языка, который якобы не имел своей письменности.

Для большей убедительности назовем здесь имя полководца древнего Карфагена Малх и напомним читателю не только ингушское имя собственное Малх и название солнца – малх, но и массу аналогичных понятий, до сих пор звучащих как имена собственные, название племен, местностей, рек, долин и т.д.: Малка, маьлхий, Малхаз, Малсаг, МаІас, Малхисте, МалартІе, Малгобек и т.д.» [15, С. 222.].

Далее предлагаем вашему вниманию ингушские личные мужские имена (маІачнаьха цІераш), которые являются наиболее характерными с точки зрения словообразовательных частиц, и которых можно группировать по признаку окончания. Эти имена могут представлять большой интерес не только с точки зрения языкознания, но и многих актуальных проблем культуры и истории народов Кавказа.

К числу наиболее старых ингушских национальных имен, дошедших из древнейшего слоя, или унаследованных от древнего центральнокавказского субстрата, можно отнести целый ряд имен: Арсмак, Акхасаг, Ахк, Бердакъ, Ботакъ, Бора, Бирссаг, Борасаг // Бурсаг, Балхар, Вахар, ГетагІаз, Гиназ, Диксаг, Дукъ, Орзми, Охар, Іахарг, Инаркъ, Ита, Ижи, Кхери, КІинда, Куркъ, Малсаг, Мате, Матакъ, Наьсар, Ольг, Патарз, ПхьаргІаз, Сосар, Сосаркъ, Солс, Саг, Тепсар, ТІонг, Фатхинг, Хинг, Хьунсаг, Хамч, Хамарби, Хьокх, Устби, Ча, Чатонг, Чабордз, Чоанкар // Чонкур, Ширткъ, Ша // Шоа, Эжи и др. Некоторые из этих имен встречаются в нартском эпосе ингушей, в древнейшем памятнике устного народного творчества Кавказа. До сих пор многие имена из их числа сохранились у ингушей как личные мужские имена и производные от этих имен ингушские фамилии. Например, Арсамаков, Аксагов, Ахриев, Ботакиев, Боров, Борзов, Вахаров, Гетагазов, Бурсагов, Мальсагов, Матиев, Хамчиев и многие другие.

Независимо от морфологии, семантики, этимологии, ингушские традиционные имена можно группировать по характерным признакам, по определенным словообразовательным формантам. Например, имена, в образовании которых участвуют элементы словообразования, имеющие смысловое значение родства, атрибутивности и т.п., как например частицы: «да», «къ // къо», «са // сий» и т.д. Следует указать, что частица «къ // къо», только во множественном числе – «къоньгий» // «наькъан» – «сыновья // потомки» участвует в образовании патронимических (фамильных) названий. Таким образом, с помощью данных терминов происходит образование фамилий Гадаборшкъоньгий, Мускъонгий, Пхьалаькъоньгий, Сагкъоньгий, Хьокхкъонгий, Яндкъоньгий и др.

Наиболее распространенными признаками в ингушской традиционной ономастике, являются частицы, которые в основном встречаются

в качестве окончаний. Наиболее старые имена, встречаются с различными окончаниями, такими как, например: «арх», «арс», «Іал», «бал», «берд», «дар», «къо», «кха», «маз», «мах», «мат», «мар», «ольг», «тар» и т.д.

Сохранилось огромное число личных мужских имен, образованных с участием частицы «къо» - «сын», имена, скорее всего, дошедшие до наших дней от древнейшего субстрата: Ампакъ, Апсалкъ, Бердакъ, Берснакъ, Бозаркъ, БотІакъ, Дударкъ, Іамаркъ, Іабдарзакъ, Іандаркъ, Гошлакъ, ГІошлакъ, ГІубажкъ, Долаткъ, Дошалкъ, Зондкъо, Иналкъ, Инаркъ, Ковнакъ, Орснакъ, Пхьадакъ, Сосаркъ, Солтакъ, Тепсаркъ, Темаркъ, Тотакъ // Тутакъ, Товкъ, Матакъ, Марзакъ, Мардукъ, Мартазкъ, Хьадажкъ, Шапшаркъ, ШиртІкъ, ШотІкъа // Шиткъа, Чаркъ, Элбазкъ // Элбаздкъ и др. Есть и другие имена со схожим по звучанию окончанием «кх»: Албакх; ГІайтакх, ГІармакх, Долакх, Іарчакх, Патаркх и т.д., а также имена, с окончанием на «ка»: Арсмак, Аска, Белеска, Бока // Буока, Боска, Бронка, Гака, Доска, Зака, Манка // Монка, ЧІонка, Чхьанка, Оска, Ока, Чока, Эка, Эски и т.д.

От этих имен происходит множество современных ингушских фамилий: Батакиев (Ботакънаькъан), Бузуркиев (Бозаркънаькъан), Инаркиев (Инаркъхьажнаькъан), Сосуркиев (Сосаркънаькъан), Солтукиевы, Дошлакиев (Дошалкънаькъан), Эльджеркиев (Элджеркънаькъан) и др. Соответственно и фамилии: Албаков (Албакхнаькъан), Арчаков (Іарчакхнаькъан); Гайтукиев (ГІайтакхнаькъан), Долаков (Долакхнаькъан), Боков (Буоканаькъан), Доскиев (Даскнаькъан), Осканов (Осканаькъан) и т.д.

Существует огромное число имен, относящихся тоже к древнейшему пласту, личные мужские имена с окончанием на «берд»: Акхберд, Аьлберд, Берд, Бийберд, Бораберд, ГІаберд, ГІойберд, ГІудаберд // ГІудберд; ДжІовберд; Хамберд; Элберд и др. Также и имена: Бекбот; Бийбот, Гелабот, Джанбот; Товбот, Тембот, Хамбот, Хосбот // Хоасбот, Шахьбот и др.

К числу древнейших можно отнести и перечень следующих имен: Ампал, Гарпал // Горпал, Воакхал // Воакхапол, Турпал, Зейпал, Эйпал и т.д. Также имена со схижими окончаниями: ГІарбал, Хьанбал, Анбал, Бал, Байбал, Эйбал, Габрал и т.д., так же как и имена с окончанием на «маз»: Ачамаз, Бамаз, ГІамаз, Маз, Ормаз, Оалмаз и т.д. Здесь можно назвать и имена: Артаж, Бураж, Мураж, Ботаж, Гамаж, Малаж, Мааж, Буруж, Муруж, МуІаж и другие.

Вероятно, старинными являются имена, которые также можно группировать по принципу окончаний, например, с окончанием на «би», «ди» // «да»: Атаби; Аькхби; Баби; Бекби; Довтби; Даби; ГІуби; Іаби; Индерби; Мейрби; Мустби; Наьртби; Новрби (Наурби); Саварби; Саттаби; Тамби; Темерби; Урусби; Улуби; Уцаби; Хамби; Хамарби; Хазби; Эдалби; Яголби // ЙогІалби и т.д., с окончанием на «ди»: Бади; ГІуди; Къуди; Іовди; Іади; Къовди; ТІуди; Хьовди; ЙогІалди // Яголди; Эсади и др. К этому ряду можно отнести и репертуар имен, которые оканчиваются на «да»: Абаьда, Гада, ГІада, Даьда, Дуда, Дунда, КІинда, Мада, Іовда, Хьовда, Соада, Чонда, Чада, Эда, Янда и многие другие.

От этих эпонимов ведут свое происхождение следующие ингушские фамилии: Абиев (Іабинаькъан), Акбиев (Аькхбинаькъан), Наурбиев (Новрбинаькъан), Тамбиев (Тоамбинаькъан), Хазбиев (Хазбинаькъан) и другие. Также и фамилии: Бадиев (Баденаькъан), Гудиев (ГІудинаькъан), Дудаев (Дуданаькъан), Талдиев (Талднаькъан) и т.д.

Традиционными являются и личные мужские имена с окончанием на «Іас» // «Іис»: МаІас, МаІис, РаІас; а также имена с окончаниями на «арс»: Гарс, Харс, Янарс, Берс, Лорс, Оарс; имена с окончаниями на «со» и «си»: Бас // Босо, Хьадис, Хасо; Тасо, Гипсо, Каси, Куси, Товси, ГІейси, Маси, Эйси и т.д. К этому ряду можно отнести и следующие имена: КІаци, Муци, Хуци, Маци, Баци, Хьаци, Уци и т.д. Фамилии, образованные от этих имен: Базиев, Бесаев, Гайсанов, Касиев, Кациев, Мазиев, Мациев, Харсиев и др.

К старинным именам, вероятно, относятся и имена, которые представлены в ингушской антропонимике с окончаниями «арх», «мат» и т.д. Они представляют большой интерес не только для науки, но и для всех кто интересуется настоящей тематикой. Это несколько групп имен с характерными окончаниями, как, например, первая группа имен с окончанием на «мат» Азамат; Бахьмат; Зарахмат; Зармат; Зумат; Мат // Мате; Мамат и т.д.; вторая группа имен с окончанием на «арх»: Аспарх; Аппарх, Патарх; Татарх; Устарх; Эскарх и др.; третья группа с окончанием на «аст // ист»: Албаст, Алхаст, Джовхаст, Вист, Пист, Кист, Кушт, Мист // Маьст, Маьргаст // Мургаст, Эст и т.д. Известны производные от этих имен современные ингушские фамилии, такие как: Маматов, Маматиев, Матиев, Зармотов, Дзуматов // Зуматов и др., так и другие фамилии: Алхастов, Куштов, Мургустов, Местоев, Эстоев и др.

Небезынтересно обратить внимание на имя

Кист, в связи с тем, что этноним «кисты» принято считать, грузинского происхождения. Вряд ли это соответствует действительности. По крайней мере, это имя встречается в качестве эпонима в родословной Яндиевых и Мамиловых. Так же следует сказать, что имя «Кист», как мы видим выше, становится в ряд с другими традиционными ингушскими именами. Примечательно отметить и то, что названные фамилии относятся к собственно кистинскому обществу ингушей, как и то, что «кистинами // кистами // киштами» в XVIII – начале XIX века называли вообще ингушей.

Ингуши, как отмечалось, давали имена по названиям народов, флоры, фауны и других атрибутивных формантов. В связи с этим, надо отметить об ингушских именах, образованных с помощью инородных терминов. В данном случае речь идет об именах, так сказать с «атрибутивными» окончаниями, как «мирз // марз»: Бахмарз; Бекмарз; Биймарз; Беймарз; ГІамарз; ГІоймарз; ГІойтмарз; Дотмарз; Долтмарз, Джамарз // Жамарз; Товмарз; Солтмарз; Шахмарз; Халмарз; Хамарз; Марз; Мирз; Саьлмарз; Эсамарз и др.; также и традиционные ингушские имена, образованные с окончанием «солт», т.е. «султан»: Солт, Бийсолт, Бейсолт, Бексолт, Къарамсолт, Товсолт, Іасолт, Темарсолт, Хасолт и т.д. То же самое можно сказать и относительно имен с окончанием на «бек», только на ингушском языке это звучит как «бик». Например: Фуртанбик, Асланбик, Солсбик, Султанбик, Гуржбик, Марзбик, Іабазбик, Батарбик, Зоврбик // Дзоуврбик, Доврбик // Доуврбик, Даламбик, Даналбик, Фатанбик, Росланбик и др.

Эти имена принято считать заимствованными у других народов. Возможно это и так. Но с этим можно и не согласиться. Термин «мирз» действительно является иранизмом, попавший к народам Северного Кавказа, вероятно, через Азербайджан и Дагестан. В Иране данный термин означал сословный титул (как князь), но в данном случае, он служит формантом словообразования, использованным в образовании личного имени. Отсюда имена, в том числе и двусоставные, образованные с использованием ингушских слов с добавлением инородных терминов, символизирующих высокий статус личности, как например, «мирз // марз», «бек» или «султан». Поэтому эти имена можно рассматривать как традиционные ингушские имена, как и других народов Северного Кавказа.

Существует целый ряд ингушских фамилий образованных от этих личных имен, т.е. производных от этих имен: Бекмурзиев (Бекмарзнаькъан), Гамурзиев (ГІамарзнаькъан), Даурбеков (Доврбикнаькъан), Марзиев (Марзнаькъан), Халмурзиев (Халмарзнаькъан), Темурзиев (Товмарзнаькъан // Темарзнаькъан), Эсмурзиев (Эсамарзнаькъан), Товсултанов (Товсолтанаькъан) и др.

Некоторые исследователи считают, что «фонема «ф» не свойственна языкам входящих в так называемую нахскую группу, и, следовательно, в ингушский язык, она попала путем заимствования. Основанием для подобного утверждения, явилось отсутствие данной фонемы в чеченском языке. Это – на наш взгляд, не соответствует действительности, неверное представление, возникшее, не в результате научных изысканий, а скорее из предубеждений. Как бы то ни было, в ингушской ономастике существуют множество традиционных имен с фонемой «ф». Это целый ряд личных мужских и женских имен, которые можно сказать сохранились до нашего времени: Фуртанбик, Фаьрг, Фатхинг, Фаьрах // Фаьрха, Фатабик, Фуртайг, Фарта, Фуртан, Фали, Фаржет, Фаси и др.

Существует и множество женских имен, которых тоже можно группировать по принципу окончаний как, например: Тази, Хази, Дейси, Наси, Фаси, Насифа и т.д. Например, имена с характерными окончаниями на «мат» // «сат» // «нат» // «бат»: Асипат, Аснат, Напсат // Нафсат, Салимат, Маликат, Совдат, Хамсат, Занат, Набист, Забант, Зарбат и др. Интересны, в связи с этим, и имена с окончаниями на «хьант»: Райхьант, Тайхьант и др., имена с окончанием на «ман», «жан»: Фасман, Маржан, Хийжан, Дзовжан и др. Есть сохранившиеся до наших дней, видимо древние женские имена Марет, Тазрет, Фаржет, Басрат, Касрат и т.д., также имена, образованные со схожими окончаниями «сари»: Товсари, Жимсари // Джимсари, Джансари, Байсари, Джовсари и т.д. Перечень ингушских женских имен, можно было бы продолжить, которых в прошлом, вероятно, было больше. Но мы здесь на этом останавливаться не будем. Это большая тема, которую надо рассмотреть отдельно.

Подводя итоги, отметим, что в данной статье мы не ставили цель этимологизировать имена. Мы здесь постарались обобщить некоторое число мужских имен, с характерными словообразовательными формантами, в основном, по принципу окончаний, которые, как нам представляется, не случайны. По крайней мере, здесь наблюдается определенная закономерность. Здесь делается попытка дать самое общее пред-

ставление о тех языковых, культурных и исторических процессах, которые находят отражение в ингушской ономастике. Безусловно, это самостоятельная область знаний, требующее к себе внимания специалистов, лингвистов.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

2. Оздоева Ф.Г. Язык как основа духовной жизни народа // Материалы республиканской научно-практической конференции. Назрань, 1997.

3. Багаев М.Х. Тайна имен. Грозный, 1994.

4. Галич Н.В. Феномен двуязычия и некоторые проблемы методики обучения языкам // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. (Тезисы II Международного конгресса). Пятигорск, 1998.

5. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1979.

6. Тменова Дз.Г. Тотемические воззрения в генеалогических преданиях осетин // Известия СОИГСИ № 3. Владикавказ, 2009.

7. Справочник личных имен народов РСФСР. Изд. Второе. Москва. Издательство «Русский язык», 1979.

8. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. Перевод с английского. Общая редакция Б.А. Успенского. Москва, 1989.

9. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Москва, 2002.

10. Смолицкий В.Г. Вольга и Микула: две эпохи – два мировоззрения // Традиционная культура (Научный альманах) № 1 (17) // 2007.

11. Пушкарев Л.Н. Неоконченные споры вокруг образа Руслана // Этнографическое обозрение, № 3, Москва, 1999.

12. Богданов В.В. Этническая и эволюционная предыстория Руси. Оры, оссы, кимеры, хоры, Русь. Москва, 2000.

13. Лукиан Самосатский. «Токсарис» // Гумба Г.Дж. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII в.). Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1988.

14. Бибулатов Н.С. Чеченские имена. Грозный, 1991.

15. Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. Издание второе. Москва, 2008.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ ОБ ОРФОГРАФИРОВАНИИ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Барахоева Н.М.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация: *В статье рассматривается проблема правописания сложных существительных ингушского языка. Анализируется проблема разграничения словосочетания и сложного существительного. Устанавливаются причины существования разночтений в орфографии и необходимость введения единых норм правописания сложных слов.*

Ключевые слова: с*ложное слово, словосочетание, орфография, правописание, атрибутивное словосочетание.*

ABOUT THE SPELLING OF COMPOUND NOUNS IN THE INGUSH LANGUAGE

Abstract: *This paper considers the problem of spelling compound nouns Ingush language . The problem of distinguishing the phrases and compound noun. The cause of the existence of discrepancies in the spelling and the need to introduce common standards for spelling difficult words .*

Keywords: *compound word , phrase , spelling, spelling, attributive phrase.*

Проблема правописания сложных существительных в ингушском языке является сегодня одной из наиболее острых проблем ингушской орфографии.

Сложность в правописании композитов ингушского языка определяется, по нашему мнению, тем, что до сих пор не существует четких границ между сложным словом и смежными с ним языковым явлениями.

Расхождения в орфографировании того или иного композита наблюдаются не только в текстах художественных произведений, но и в научных работах, лексикографических изданиях, школьных учебниках.

Так, например, в «Ингушско-русском словаре» встречаем следующее написание интересующих нас слов: *наьн-воша / дядя по матери, наьн-йиша / тетя по матери, наьна-мар / отчим, наьн-нана / бабушка по матери* [Ингушско-русский словарь 2009, с. 523].

При этом атрибутивные композиты типа *сагалбуц / полынь, б1аргац1цкъам / ресница* пишутся слитно, хотя модель образования данных сложных существительных одна и та же. То есть, для данных лексем мотивирующими словосочетаниями выступают словосочетания из имени существительного в родительном падеже и имени существительного в именительном падеже: *наьна + воша / матери + брат, сагал + буц / блохи + трава (блошиная трава)*.

Очевидно, что причиной такого разночтения в написании интересующих нас слов (а разночтения имеют место быть не только в слитном или раздельном написании компонентов сложных слов, но и в правописании первого компонента композита, так как в одном случае основа родительного падежа берётся целиком, т. е. вместе с конечной гласной *-а*, в другом случае почему-то данная гласная исчезает) кроется в том, что слова типа *сагалбуц / полынь* воспринимаются, как состоящие из двух компонентов, оформленных именительным падежом, хотя и в этом случае по принятым же правилам правописания ингушского языка данные слова должны были бы писаться через дефис типа *да-нана / отец-мать, йиша-воша / сестра-брат* и т.п.

Кроме того, очень часто в художественных тестах встречается нарушение существующих правил правописания парных слов, когда данные слова либо пишутся слитно без дефиса типа *данана / родители*, либо раздельно как два слова типа *да-нана / родители, наьна-нана / бабушка*.

На наш взгляд, можно представить следующий перечень разночтений орфографирования

сложных слов и причин этих разночтений в ингушском языке:

1) синхронно в ингушском языке имеется двоякое слитное и раздельное оформление одних и тех же лексических единиц без какого-либо обоснования;

2) точно так же двояко пишутся композиты, совершенно схожие с точки зрения способа и модели их образования и их морфологических особенностей, несмотря на то, что в языке уже имеется определенная традиция их орфографирования;

3) также ошибочно орфографируютя (раздельно вместо слитного, слитно вместо раздельного, через дефис вместо слитного или раздельного и т. д.) сложные синтаксические конструкции по аналогии со схожими языковыми единицами русского языка по причине их неверного перевода на ингушский язык;

4) кроме того, встречается ошибочное написание (раздельное вместо слитного, слитное вместо раздельного) сложных слов по аналогии с другими схожими конструкциями ингушского языка, то есть, в данном случае происходит смешивание композитов, которые должны писаться слитно, с синтаксическими конструкциями – словосочетаниями с сочинительными и подчинительными связями.

Следует также отметить, что в ингушском языке нет специальных монографических исследований, посвященных орфографированию сложных слов.

Связано такое расхождение в правописании данных слов с недостаточной разработанностью правил ингушской орфографии и очень часто с их игнорированием. Дело в том, что, как выше уже указывалось, в ингушском языке сложные имена существительные мотивированы словосочетаниями.

Некоторые словосочетания ингушского языка переходят в сложные существительные, некоторые же не проходят эту стадию словообразования, оставаясь на уровне свободного словосочетания. При этом возможно одновременное существование в языке свободного словосочетания и его эквивалента – сложного существительного: *Цхьа барт бе беза вай / К единому мнению должны мы прийти – Цхьабарт болаш нах ба уж / Единство есть у этих людей.*

Орфографирование сложных слов ингушского языка было разработано, и более или менее упорядочено еще в тридцатые года двадцатого столетия, при зарождении кириллической графики ингушского языка.

С тех пор изменениям эти правила практически не подвергались.

Суть данных правил относительно композитных образований сводилась к следующему: было узаконено слитное написание компонентов детерминативных композитов типа *бочаб1ар / грецкий орех, малхбузе / запад, б1аргац1цккъам / ресницы* и т.п.; было также сформулировано и написание через дефис компонентов парных слов типа *ди-бийса / сутки, да-нана / родители*; также было установлено, что редупликаты типа *дика-дикаг1а / хороший-лучше, хоза-хозаг1а / красивый-красивее* должны писаться через дефис; также через дефис пишутся сложные междометия и звукоподражательные слова типа *вавададай, х1айт1-х1айт1* и т.п.

Как известно, одним из основных критериев различения сложного слова от мотивирующего его словосочетания в языке выступает критерий цельнооформленности сложного слова. То есть, компоненты слова, части которого выражают единое понятие, должны писаться слитно.

Кроме того, компоненты композитов должны характеризоваться и грамматической общностью (например, первый компонент сложного существительного не должен склоняться в отличие от второго – им. п. *бочаб1ар*, род. п. – *бочаб1ара* и т.п.).

Однако, по нашему мнению, критерий цельнооформленности не является единичным и основным критерием различения сложного слова и словосочетания в ингушском языке. Дело в том, что в языке параллельно могут существовать как сложное слово, так и его эквивалент – свободное словосочетание (*ийс б1алг / девять кусочков, ийсб1алг / девятка при игре в карты*).

При определении отнесенности композита к таковому необходимо руководствоваться и критерием семантической цельности слова и в то же время учитывать насколько компоненты данного композита тесно сплелись в новом значении. В данном случае критерий неизменяемости первого компонента композита играет немаловажную роль.

Таким образом, получается, что в разграничении словосочетания от сложного слова необходимо учитывать несколько критериев: цельнооформленность компонентов сложного слова, их семантическую цельность, то есть рождение нового лексического значения на базе значений исходных компонентов слова и критерий грамматической общности – неизменяемости первого компонента сложного слова. Все это в совокупности дает нам возможность четко разграничить словосочетание от сложного слова.

Если вопрос о дифференцировании сложных существительных от словосочетаний, компонентами которых выступают имена существительные, более или менее регламентирован в ингушском языке, то правописание сложных существительных, которые мотивированы словосочетаниями, состоящими из существительного и глагола (вспомогательного) или же глагольной формы (типа масдар), требует еще некоторых пояснений.

Дело в том, что в нахских грамматиках часто указывается на наличие таких композитов, как *болхбар / выполнение работы*, *г1улакхдар / услуга*, *иллиалар / песнопение* при том, что в языке существуют параллельно свободные словосочетания, с компонентами, выраженными существительным и служебным или самостоятельным глаголом типа *болх бе / работу выполнять, г1улакх де / услугу оказать*, *илли ала / песню петь* и т. п., в которых компоненты пишутся раздельно [Раздельная оформленность слов в последнем случае регламентируется правилами оформления эргативной конструкции предложения в ингушском языке типа *Аз болх бу / Я (эрг.) работу (ном.) делаю (през.)*].

Что касается правописания сложных слов с атрибутивным отношением компонентов, отметим, что синхронно в ингушском языке композиты, образованные по типу прил. + сущ., оформляются всегда слитно.

При слитном оформлении компонентов данных композитов учитываются следующие критерии: семантическая спаянность, компактность сегментов, атрибутивный характер взаимоотношений компонентов, а атрибутивная связь, как известно, рассматривается как наиболее тесный вид связи. Орфографирование атрибутивных композитов должно отображать эту их специфику.

Сложные слова, образованные по модели «существительное + причастие» по традиции в ингушском языке также пишутся слитно. И все исследователи сходятся во мнении, что именно слитное написание наиболее рационально [2; 4; 3].

Очевидно, по этой причине на практике меньше всего допускается ошибок при оформлении сложных слов такой модели: *кизгашдеттарг / стекольщик, пхьешашдоацарг / безрукавка, аккхухарг / доносчик, з1окъеттарг / дятел* и т.д.

Орфографирование композитов с объективным отношением компонентов, образованные с помощью суффикса *-хуо* (*илилалархуо / певец, 1аламталлархуо / исследователь*), в ингушском языке решается в пользу слитного написания.

Основываясь на предпринятую нами попытку анализа особенностей правописания сложных слов, нами формулируются выводы, определяются следующие закономерности и тенденции в развитии орфографирования сложных слов в ингушском языке. Так, например, оформление сложных слов, как и их орфографирование склонно к постепенному изменению.

Причем все изменения в правописании сложных слов тяготеют от раздельного написания компонентов к слитному. Неизвестно ни одного случая в естественных языках, чтобы части простого слова приобрели самостоятельное значение и стали в дальнейшем писаться раздельно, получив статус самостоятельных слов. Наблюдается как раз обратная тенденция, то есть, простые слова образуют сложные, приобретая, новое единое лексическое значение. Простые слова сливаются в одно сложное, они упрощаются, иногда простые слова превращаются во флексии.

Практически все типы сложных слов с подчинительными связями компонентов в ингушском языке стремятся к слитному написанию.

Ошибочное или двоякое орфографирование сложных слов в ингушском языке происходит, по видимому, из-за сложности установления статуса композита или отсутствия правил правописания в том или ином случае или же из-за несоблюдения уже существующих правил орфографии;

Полагаем, что в качестве основных критериев правописания композитов в ингушском языке выступают те признаки, по которым строится разграничение сложных слов и свободных словосочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тариева Л.У., Илиева Ф.М. и др. Ингушско-русский словарь. – Магас, 2008.
2. Оздоев И.А. Г1алг1ай метта орфографически словарь. – Грозный,196. – 258 с.
3. Сулейбанова М.У. Композитное словообразование в нахских языках. – Дис …. доктора филол. наук. – Грозный, 2009.
4. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. – Ч.1. Словообразование. – Грозный, 2010.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ

Тариева Лилия Увайсовна
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация: *Понятием эмпатии, синхронно функционирующее как философско-психологическое явление, на наш взгляд, имеет отношение к языковедению: процесс эмпатии может быть интерпретирован в вопросах семантического обоснования компонентов парадигмы лиц, экспонируемых в гетерогенных режимах интерпретации речевого акта: рефлексивного и диалогического.*

Ключевые слова: *фокус эмпатии, рефлексивный режим, дистинкция собственного со 'эго', фокус парадигма лиц, аффективные лица, речевые лица, вертикальная страта.*

Термин эмпатия, возникший на основе перевода Э. Титченером немецкого слова «Einfuhlung 'вчувствование, проникновение'», на базе которого Т. Липпс выстроил свою теорию вчувствования, обозначив ее как метод познания другого, как способ объяснения восприятия, как акт сознания [7; 8], экстрадировал в середине XX века в область психологии, где и прижился в транскрипции английского слова «empathy», т.е. эмпатия (греч. empatheia – сопереживание].

Эволюция понятия эмпатия, исследованная в [6] свидетельствует о неоднозначности понимания и интерпретирования термина эмпатии философами и психологами.

В целом представление эмпатии в трудах немецких [7; 21; 22], американских [11; 17] и российских [1; 2; 3; 4; 6] исследователей обусловливает, на наш взгляд, понимание эмпатии как конвенциально организованного процесса.

Эмпатия процессуальна: на ее процессуальность указывает К. Роджерс, отмечавший, что эмпатия понимается им согласно точке зрения Ю . Джендлина [5] и рассматривается как «скорее процесс, чем состояние», в котором происходит реализация чувственности по отношению к другому человеку, когда как будто становишься другим человеком. К. Роджерс связывает процесс эмпатии с чувствами, образами, ощущениями, возникающими у субъекта в процессе «поиска их смысла» [11, с. 429]. Для того, чтобы «как будто» стать другим человеком, необходимо, на наш взгляд, осознание прежде переживания собственных чувств, образов, собственного восприятия, т.е. необходимо пережить механизм поиска смысла собственных ощущений в целях сопереживания.

Понятие эмпатии в философских и психологических трактовках ориентировано на «чужое сознание», т.е. на другого, а между тем эмпатия прежде чем приобрести статус 'сопереживание', как нам представляется, должна быть вначале интерпретирована как 'переживание', начинающееся со вчувствования в собственные ощущения (например, аффективные), что находит отклик в определении эмпатии и ее трактовки в концепциях различных ученых: «Это постоянное, глубокое и точное понимание другого человека, мысленное воссоздание его переживаний, ощущение их как собственных … Для этого надо уметь отречься от своего «Я»…» [9].

Высказывания: «мысленное воссоздание переживаний» и «ощущение их как собственных» указывают на необходимость предварительного процесса переживания механизма собственных ощущений, понятий, естественно, присущих тому, кто воссоздает переживание. Для того, чтобы воссоздать переживание (например, функции аффективных лиц: *хазар 'слышания'* и / или *гар 'видения'*), необходим опыт его предварительной апробации индивидом, вступающим в отношения сопереживания. В противном случае не будет основания для вчувствования и предмета для сопереживания. Опыт предварительного переживания функции собственных аффективных лиц (Созерцающего, Слышащего) в ингушском языке удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом высказывания, как вершинной страты, или основного конституэнта хоалу саг 'homo sensus', контролирующего имманентную и интериоризованную информацию, отвечая за модусную сферу в нахских языках:

1. *Сона (AFF) гу 'Я вижу'* (т.е. обладаю способностью);

2. *Сона (AFF) хов, сона (AFF) гу 'Я знаю, что я вижу'* (т.е. я знаю, что я обладаю способностью видеть)*;*

3. *Сона (AFF) хоз ‘Я слышу’ (т.е. обладаю способностью);*

4. *Сона (AFF) хов, сона (AFF) хоз ‘Я знаю, что я слышу’ (*т.е. я знаю, что я обладаю способностью слышать*).*

Субъект с эпистемическим *хов ‘знаю’* статусом высказывания (первая часть 2 и 4 примеров), контролирующий, наряду с аффективными лицами (первая часть 1 и 3 примеров), наличествующую имманентную модальную сферу ингушского языка, на поверхностном (грамматическом) уровне представляется, в отличие от номинатыивных языков, аффективным падежом имени (примеры: 1-4).

Для нас важно, что М. Дэвис видит эмпатию в едином фокусе, как целостный, но неоднозначный процесс, включая в данное понятие и когницию [19]. Неоднозначность и многоплановость эмпатии, на которые указывает Дэвис, как нам представляется, характеризуют эмпатию как гомогенно-гетерогенный процесс.

В данной статье процесс эмпатии интерпретируется на базе функций компонентов парадигмы лиц ингушского языка (Созерцающее, Говорящее, Слышащее, Произносящее), как области знания, релевантной для эргативных нахских языков [16].

В дистинкции собственного со ‘эго’ функция аффективного лица Созерцающего, как визуального эвиденциала, обусловлена его чувствительностью только на лицо Говорящее (артикулирующее), vs. в ингушском языке лицу Произносящему, распознаваемому лицом Слышащим, как аудитивнным эвиденциалом в рефлексивном режиме интерпретации [12].

Для нас также важно, что синхронно эмпатия интерпретируется исследователями, вслед за Л. Виспе как «способ познания, а симпатия как способ отношения» [20], т.е. в терминах Т. Карягиной мы, «Учитывая терминологическую путаницу, отмечаемую многими исследователями, … предпочитаем говорить …об эмпатии как феномене познания или феномене общения, абстрагируясь для целей данного анализа от их связанности. [6].

Гомогенно-гетерогенная интеракция между лицами парадигмы ингушского языка вскрывает интегральное свойство – эмпатию, как вертикальную страту, обнаруживающую во фрейме интенциональности аффективного лица [13] две части: феномен познания функции аффективных лиц и феномен их непосредственного отношения друг к другу и к речевым лицам.

При рефлексивном режиме познания функции фреймово организованных аффективных лиц, выясняется, что моторика компонентов фрейма интенциональности визуального и аудитивного лиц [13, 14] результирует когницией (т.е. речевыми лицами: Говорящим и Произносящим).

Механизм запуска аффективной первичной части фрейма (а это функции модусных лиц: Созерцающего и / или Слышащего) обнаруживается в момент вчувствования в моторику компонентов фрейма, т.е. связан с экспонацией функции модусных лиц, как отдельной области аффективного знания, сравните:

5. *Сона (AFF) гу ‘Я вижу’* (т.е. обладаю способностью видеть);

6. *Сона (AFF) гу,* ***со (NOM) лув*** *‘Я вижу, что я говорю’* (т. е. я обладаю способностью видеть, что я говорю);

7. *Сона (AFF) хоз ‘Я слышу’ (т.е. обладаю способностью слышать),*

8. *Сона (AFF) хоз,* ***аз (ERG) оал*** *‘Я слышу, что я произношу’* (т.е. обладаю способностью слышать, что я произношу).

Механизм запуска компонентов фрейма аффективного лица, вплоть до страты интендирования, есть, на наш взгляд, чисто аффективное переживание, так как в фокусе эмпатии находится моторика страт фрейма еще не обогащенная пропозитивной информацией (вторая часть 6 и 8 примеров), в дистинкции собственного со ‘эго’ представляющей когницию в виде иконки: «лицо, которое говорит» (вторая диктумная часть шестого примера). Как только «зеркальные нейроны» (термин использован в соответствии с концепцией Дж. Риццолатти, Сенигалья) интендируют лицо говорящее, т.е. снимут видеокадр с лица говорящего, чисто аффективная часть интенциональности обогащается пропозицией, и в этот момент интенция меняет траекторию и транспонируется, на наш взгляд, в экспериенциальность.

Экспериенциальность – это та же интенциональность, только обогащенная пропозитивной информацией (в нашем случае видеокадром о «лице, которое говорит»), в момент интендирования (охвата и проникновения в объект дискретно осваиваемой реальной действительности) поменявшая траекторию и развернувшаяся в исходную точку интенции.

Функция модусных лиц (Созерцающего, Слышащего) результирует когницией – речевыми лицами (Говорящим и Произносящим) на выходе из рефлексивного режима эмпатии (вторая диктумная часть 6 и 8 примеров). На

согласованность аффективного и когнитивного аспектов эмпатии указывается в [18; 1; 6]. На наш взгляд, эмпатия как интегральное свойство, как вертикальная страта фрейма интенциональности аффективного лица, результирующего речевым лицом, или когницией, экспонирует феномен познания и феномен общения синхронно (т.е. одновременно), как интеракцию между аффективными и речевыми лицами, объединенными в едином потоке интенциональности.

В статьях «Фрейм интенциональности лица Созерцающего» и «Фрейм интенциональности лица Слышащего» [13; 14] представлены аффективные компоненты парадигмы лиц эргативного ингушского языка (лицо Созерцающее и лицо Слышащее) авторизующиеся в интенционально-экспериенциальном линейно стратифицированном фрейме, кумулирующем моторику страт: интенции, трансцендентности во вне, достигательности, ограниченности радиуса действия интенции, интендирования (охвата и проникновения в объект), экспериенциальности (т.е. смены траектории интенциональности на экспериенциальность в момент перехода на объект), трансценденции из вне во вне, интериоризации, эвиденциального закрепления пропозитивной информации в континууме перцептивного мышления.

Вчувствование в поток интенциональности одного из лиц парадигмы (Созерцающего и / или Слышащего) обнаруживает чисто аффективный поток интенции, который в момент интендирования (охвата и проникновения в цель) обогащается пропозицией (в нашем случае, информацией о лице, которое говорит). Это значит, что при запуске механизма компонентов фрейма в фокусе эмпатии находится аффективная интенция, которая в момент достижения объекта реальной действительности насыщается пропозитивной информацией: «лицо говорит», на который перемещается фокус эмпатии.

В потоке аффективно-пропозитивной интенциональности посредством эмпатии, как вертикальной страты фрейма, обнаруживается и феномен специфического отношения, возникающего между лицами парадигмы, организованными во фреймы визуальной и/или аудитивной интенциональности, включающими фокусы аффективного и когнитивного свойств лица.

Таким образом: в эргативных языках, как нам представляется, возникновение у субъекта аффективных ощущений (онтологического свойства *гар ‘видения’* и / или *хазар ‘слышания*’) в процессе «поиска их смысла» организуется во фрейм интенциональности [13, 14], результирующий авторизацией лица Созерцающего и/или Лица Слышащего, выступающих как аффективные конституэнты хоалу саг ‘ homo sensus’ или субъекта восприятия. Субъект восприятия, кумулирующий модальные отношения, включая и аффективные, отвечает в эргативном ингушском языке за чувственную сферу языка и на поверхностном (грамматическом) уровне, в отличие от русского, представлен аффективной формой имени с претензией на статус первого лица (примеры: 1 и 3) и субъектную позицию в предложении.

Поиск смысла аффективных чувств в нахских языках не просто экспонируется во фреймах интенциональности лица Созерцающего, лица Слышащего [13; 14], моторика компонентов которых представлена, на наш взгляд, как линейно организованный комплекс страт, перечисленных выше.

Запуск механизма конвенциально организованного комплекса страт, составляющих фрейм, обнаруживается (познается) в процессе вчувствования, переходящего в переживание (эмпатию) моторики компонентов аффективного фрейма, результирующего в нашем случае когницией в форме речевых лиц: Произносящим и / или Говорящим (вторая диктумная часть шестого и восьмого примеров), вскрывая интеракцию между аффективными (Лицо Созерцающее и лицо Слышащее) и когнитивными лицами (лицо Говорящее и лицо Произносящее).

Мультифакторный процесс интенциональности аффективного лица в совокупности своих компонентов представляет собой линейно стратифицированный фрейм, конвенциально организованная моторика компонентов которого сопровождается интегральным свойством - эмпатией, понимаемой нами как вертикальная страта.

Если линейная стратификация фрейма организована моторикой представленных выше компонентов, то вертикальная страта эмпатия, как переживание, сопровождающее моторику компонентов линейных страт интенциональности, интерпретируется категориями: ‘вчувствование’ и ‘переживание’, ‘сопереживание’.

Вчувствование в моторику компонентов фрейма, как завязка эмпатии, вскрывает феномен познания функции аффективных лиц в дистинкции собственно со ‘эго’, результирующих эвиденциальным закреплением в континууме мышления личности когниции в форме одного

из речевых лиц (Говорящего и/или Произносящего) [16], подключая, таким образом, когнитивный фокус эмпатии к аффективному (примеры: 6, 8).

Функция эмпатии заключается, таким образом, во вчувствовании в моторику компонентов фрейма в целях познания функций аффективных лиц (Созерцающего и Слышащего), результирующих когницией (речевыми лицами: Говорящим, Произносящим).

Функция аффективного лица остается чисто чувственным аффективным переживанием вплоть до моторики линейной страты интендирования, указывающего на транзитивность, т.е. на достижение, переход интенции аффективного лица на объект, в который проникает интенция в виде зеркальных нейронов, охватывая его и снимая с него «картинку», если следовать логике концепции нейрофизиологов [10].

Визуальная картинка, снимаемая лицом Созерцающим с речевого артикулирующего лица, т. е. с лица, говорящего: «Со ‘Я’» противопоставляемая в ингушском языке лицу Произносящему [15, с. 197-198], представляет собой, на наш взгляд, скорее не картинку, а видеокадр, как результат работы зеркальных нейронов [10]. Аудитивная картинка, снимаемая лицом Слышащим, как аудитивным эвиденциалом с Произносящего лица, т.е. лица, произносящего: «Со ‘Я’», противопоставляемая в ингушском языке лицу Говорящему [16], представляет собой, на наш взгляд, скорее не картинку, а аудиокадр, как результат работы аудитивных нейронов (*Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал ‘Я слышу, что я произношу*’).

Аффективные лица, таксономически организованные по отношению друг к другу и к речевым лицам, обнаруживают специфику феномена отношений между собой и по отношению к речевым лицам: лицо Созерцающее vs . лицу Слышащему как визуальный эвиденциал аудитивному и наоборот. Лицо Созерцающее vs. лицу Говорящему как аффективное лицо когнитивному (т.е. речевому). Лицо Созерцающее обладает чувствительностью на лицо Говорящее (артикулирующее) и индифферентно лицу Произносящему (акустически наполняющему речение). Лицо Слышащее vs. лицу Произносящему как аудитивное аффективное лицо когнитивному (речевому). Лицо Слышащее валентно лицу Произносящему и индифферентно лицу Говорящему [12; 16]:

9. *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув ‘Я вижу, что я говорю*’ (т.е. Я вижу, что я обладаю способностью артикулировать);

10. *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал ‘ Я слышу, что я произношу*’ (т.е. Я слышу, что я обладаю способностью акустически заполнять артикуляцию).

Два компонента парадигмы лиц, два модусных лица (Созерцающее, Слышащее), как два гетерогенных аффективных эвиденциала, выступают в ингушском языке в качестве контитуэнтов хоалу саг ‘homo sensus’, т.е. субъекта восприятия, как указано выше, представляя собой его аффективную сущность, в то время как два других компонента парадигмы: два речевых лица выступают конституэнтами кхета саг ‘homo sapiens’, т.е. человека разумного, представляя его речемыслительную сущность.

Таким образом: эмпатия как переживание – это интегральное свойство фрейма интенциональности, квалифицируемое нами как вертикальная страта, вскрывающая квант познания функции аффективных компонентов парадигмы лиц, результирующих когнитивными (речевыми) лицами.

Моторика компонентов фрейма, обнаруживается посредством вчувствования (эмпатии) в аффективно-когнитивный процесс, вскрывающий квант отношений между фреймово организованными лицами парадигмы в рефлексивном режиме, непосредственно связанными с вербальной стороной языка (примеры: 5-8).

Таким образом, в ингушском языке (и других нахских также) воссоздание переживания не просто связано с интенциональной функцией одного из компонентов парадигмы лиц (Созерцающего, Слышащего), вступающих по отношению друг к другу в привативно-эквиполентные интеракциональные отношения, эмпатия как интегральное свойство фрейма интенциональности, как его вертикальная страта, отличается конвенциальной процессуальностью, включающей:

1) вчувствование в механизм интенциональности собственного аффективного свойства познающего и познаваемого речедеятеля (*гар ‘видение’, хазар ‘слышание*’), посредством которого обнаруживается моторика линейно стратифицированных, обозначенных выше компонентов мультифакторного аффективного фрейма интенциональности;

2) переживание, как отслеживание, или сопровождение моторики страт, включая и моторику страты интендирования, как кульминационной линейной страты фрейма, (когда осу-

ществляется охват и проникновение в объект реальной действительности, в нашем случае в артикуляцию лица, говорящего: «Со ‘Я’»), на которой заканчивается интенциональность, квалифицируемая как чисто аффективное явление, транспонируемое в момент интендирования объекта реальной действительности (лица Говорящего) в экспериенциальность;

3) переживание экспериенциальной части фрейма, отличающейся от чисто аффективной части интенции наличием пропозитивной информации, т.е. видеокадра: «лицо, которое говорит» (или аудиокадра: «лицо, которое произносит»), доставляемой в дистинкции собственного со ‘эго’ в исходную точку интенции в области перцептивного мышления, что в целом квалифицируется нами как переживание аффективного чувства (*гар ‘видения’ и / или хазар ‘слышания*’), результирующего когницией (лицом Говорящим и / или Произносящим) в рефлексивном режиме.

Эмпатия, как интегральное свойство, сопутствующее линейно организованному фрейму рефлексивного переживания аффективных чувств, трансцендентно проецируется в опыт рефлексивного переживания «другого», обусловливая сопереживание в целях подтверждения рефлексивного опыта переживания (феномен познания) и в целях взаимопонимания (феномен отношения).

Сфера обнаружения функции различных компонентов парадигмы лиц ингушского языка связана с разницей в интеракциональности между аффективностью и когницией. М. Хоффман детерминирует эмпатию в качестве аффективного отклика на то, что ощущает, чувствует другой [18], что означает для нас: аффективный фокус эмпатии иллокутивен, интеракционален, т.е. аффективные лица (Созерцающее и Слышащее) одновременно взаимодействуют друг с другом, совмещаются, когда речедеятель производит озвученную артикуляцию (не немую речь).

Интеракциональность между аффективным и когнитивным фокусами эмпатии обнаруживается в эвиденциальной закрепленности в области перцептивного мышления двух речевых лиц (видеокадр: «лицо Говорящее» и аудиокадр: «лицо Произносящее»), доставленных из объективной действительности в дистинкции собственного со ‘эго’ двумя функционально гетерогенными, но аффективно гомогенными модусными лицами (первая часть примеров: 6 и 8) в перцептивную область мышления речедеятеля, как синхронно взаимодействующие.

Эмпатия (переживание) фрейма интенциональности лица Созерцающего совмещается с переживанием фрейма интенциональности лица Слышащего. Соответственно: совмещаются и речевые лица (когнитивные: Говорящее и Произносящее) в одном акте речи. Процесс совпадения моторики компонентов фрейма двух аффективных лиц, результирующих совмещением двух речевых лиц, может быть назван сопереживанием, так как одновременно (синхронно) «переживаются» два онтологически аффективных свойства индивида: *гар ‘видения’* и *хазар ‘слышания*’, указывающих на не глухое и не немое лицо в рефлексивном режиме.

Совмещение эмпатии рефлексивного режима отдельного индивида с эмпатией «другого» - есть, на наш взгляд, трансцендентное сопереживание в диалогическом (речевом) режиме, вызывающее симпатию, так как вчувствоваться возможно в различные объекты реальной действительности, но не найти в них отклика на собственный процесс эмпатии.

Таково, на наш взгляд, онтогенетическое развитие эмпатии, как интегрального свойства, категорированного как вертикальная страта, сопровождающая моторику многофакторного фрейма интенциональности аффективных лиц, вскрывая феномен познания аффективных чувств (лицо Созерающее и лицо Слышащее) и результата их интенции: речевых лиц (Говорящего и Произносящего).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И. Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2007. – № 5. – С. 57–65.

2. Василюк, Ф. Е. Методологический анализ в психологии / Ф. Е. Василюк. – М.: МГППУ ; Смысл, 2003. – 240 с.

3. Василюк, Ф. Е. Семиотика и техника эмпатии / Ф. Е. Василюк // Вопросы психологии. – М., 2007. – № 2. – С. 3–14.

4. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии / Т.П. Гаврилова // Вопросы психологии. – М, 1975. -№2. –С. 147-158.

5. Джендлин, Ю. Фокусирование: Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями / Ю. Джендлин ; пер. с англ. А. С. Ригина. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 488 с.

6. Карягина Т.Д. Эволюция понятия эмпатия в психологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М.: 2013. – С. 175.

7. Липпс, Т. Руководство к психологии / Т. Липпс ; пер. с нем. М. А. Лихарева. – СПб.: Изд-во О. Н. Попова, 1907. – 394 с.

8. Липпс, Т. Самосознание, ощущение и чувство/ Т. Липпс ; пер. с нем. с предисл. и примеч. М. А. Лихарева. – СПб.: Слово, 1910. – 84 с.

9. Мегедь В.В. Типы и эмпатия // Соционика, психология и межличностные отношения. - 2005. - № 5. – С. 18-20.

10. Риццолатти Дж. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / Дж. Риццолатти, К. Синигалья ; пер. О. Куликовой, М. Фаликман. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 222 с.

11. Роджерс, К. Эмпатия / К. Роджерс // Психология мотивации и эмоций ; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 428-430.

12. Тариева Л.У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013, №4. Изд-во: РУДН.– М., 2013. – С. 84-89.

13. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. Астрахань. 2014. № 4 (52). – С. 24-27.

14. Тариева Л.У.Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal - «Европейский журнал социальных наук» (международный научный журнал). – М., 2014. № 8. Том 3. – С. 197-202.

15. Тариева Л.У. Функция лица произносящего, разводящая языки различных стратегий. //Вестник Орловского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. 2014, №5 (40). – С. 197-200.

16. *Тариева Л.У.* Языковая экспликация взаимоотношений между лицами парадигмы (на материале ингушского языка) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – Рязань. Изд-во: АНО «РИЭПСИ». 2014. № 7. Том 3. – С.311-316.

17. Титченер, Э. Учебник психологии. Ч. 1–2 / Э. Титченер ; пер. с англ. и предисл. прив.-доц. А. П. Болтунова. – М.: Изд-во товарищества «Миръ», 1914. – 250 с.

18. Hoffman M/L/ The contribution of empathy to justice and moral judgment / M.L. Hoffman // Empathy and its development / ed / dy N. Eiseberg, J. Strayer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 47-80.

19. Davis, M. H. Empathy: A social psychological approach / M. H. Davis. – Boulder, CO : Westview Press, 1996. – 260 p.

20. Wispe, L. The psychology of sympathy / L. Wispe. –, New York ; London : Plenum Press, 1991. – 213 p.

21. Scheler M/ The nature of sympathy / M. Scheler. – Neu Brunswisk. NJ: Transaktion publisbers. 2011. -274 p.

22. Stein E. On the problem of empathy / E. Stein. – Washington, DC ICS Publications, 1989. -135 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ОБРАЗОВ СОЦИАЛЬНО-ОБЕЗДОЛЕННЫХ ГЕРОЕВ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ ИНГУШЕЙ

Танкиева Л.Х.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация: *сюжеты ингушских сказок о невинно гонимых женах, падчерицах и пасынках связаны с мировым фольклором. По ним можно проследить то, что социально-обездоленными этих героев исторически делает не полигамия, а эндогамия. Мотивы падчерицы, пасынка являются одной из форм идеализации этих образов народом.*

Ключевые слова: *патриархат, полигамная семья, экзогамия, тотемное животное, классификаторская система родства, чудесные силы, магические слова, брак вне племени.*

THE HISTORICAL ROOTS OF SOCIALLY DEPRIVED HEROES IN INGUSH FAIRY TALES

Tankieva L.Kh.

Annotation: *Ingush fairy tales plots about innocently persecuted wives and stepchildren have connection with the world folklore. One can watch that socially deprived heroes become so not because of the polygamy, but endogamy. The reasons for actions of stepchildren are the folks' idealization of their characters.*

Key words: *patriarchy, polygamous family, totemic animal, relatives' classification system, miracle powers, magical words, marriage out of the tribe*

Среди героев волшебных сказок ингушей особое место принадлежит невинно гонимым женам, падчерицам и пасынкам. Сюжеты с такими героями часто встречаются в мировом фольклоре и им посвящено много исследований. [3, с.55; 4, с.1] и др.

На стадии развитого патриархата в полигамной семье обычным явлением становится вражда жен. Особенно часто стычки происходят из-за детей. Отсюда обычная коллизия сказки; у одной из жен, чаще младшей, рождаются дети, другие жены клевещут на нее, но справедливость торжествует.

В сюжет сказки «Дошо кортош дола к1аьнки йи1иги» («Девочка и мальчик с золотыми волосами») [11] отображает подобную ситуацию. Царь женится на трех сестрах, старшая из которых обещала накормить войско, средняя - одеть его, а младшая - родить сына и дочь с золотыми волосами. Младшая выполнила свое обещание. Сестры от зависти подложили ей щенка и котенка, а детей посадили в бочку и бросили в море. Разгневанный царь одевает жену в ослиную шкуру, бросает в яму и приказывает всем, проходящим плевать в нее. Бочку же выбросило волной на берег, и дети спаслись. Однажды царь, обходя свои владения, увидел домик на берегу реки и в нем чудесных ребят с золотыми волосами. Он рассказал женам об этом чуде. Те догадываются, чьи это дети и разными путями стремятся извести их: посылают колдунью, которая уговаривает сестру заставить брата привести ей от ведьмы золотого козла, затем от нарта - золотые яблоки и, наконец, заставляет сестру послать брата за воинственной девой Малха-Азни, от которой еще никто не возвращался живым. Но брат отовсюду возвращается благополучно с чудесными предметами и даже женится на Малха-Азни. Она помогает царю распознать своих детей и обличает в коварстве старших жен.

Мотив этой сказки в разных вариантах существует у многих народов мира. Г.Н.Потанин в исследовании «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» [10] приводит схожий с приведенным сюжетом из славянского сказанного эпоса по архиву Ягича: «Королевские дети заблудились в лесу, где охотился некий принц. Принц разгневан, девушка обещает ему родить

золотых детей. Он женится на ней. Но рожденные золотые дети были брошены в море, а матери подложили котят. Принц замуровал свою жену в зубец городской башни. Дети спаслись, выросли и пришли к отцу. Замурованная мать была освобождена и заняла должное место при дворе».

В указателе сказочных сюжетов Аарне-Андреева этот сюжет - «Чудесные дети» [2, с.50] записан под №707. Отличие от потанинского варианта в том, что вместе с чудесным ребенком в море брошена мать. Вариантов русских сказок на этот сюжет очень много. Они рассмотрены Г.Н.Потаниным в другом исследовании - «Восточные параллели к некоторым русским сказкам» [9]. Отражен этот сюжет и в известной сказке А.С.Пушкина.

В ингушских сказках, хотя и есть некоторые различия в содержании, основной мотив трактуется одинаково и сочувствие всегда на стороне обездоленного.

В ингушских сказках, как и в сказках многих других народов, в этом сюжете есть и соперничество детей, враждебное отношение старших жен к детям младших.

Примером подобного типа является сказка «Мишта котдаьлар бакъдар» («Как победила правда») [5, с.247]. Это схожий сюжет с приведенными выше. Но он интересен тем, что падчерице помогает тотемное животное - корова ее умершей матери. Мачеха определяет помощника и решает зарезать корову. Падчерица, плача, предупреждает корову. Она успокаивает девочку, наказав лишь не есть ее мяса, а все кости собрать и закопать в саду. На этом месте выросла яблоня с золотыми плодами, которых никто не мог достать кроме падчерицы. В девушку влюбляется князь. Он велит привести ее к нему на свадебный пир. По дороге коварная мачеха, убив девушку, сбросила ее в овраг, а князю подослала свою дочь. У оврага, где была убита девушка, вырастает красивое дерево. Князь срезав веточку с этого дерева, смастерил дудочку. Она всегда пела одно и то же: «Мишта яха дог-уйла дар са, фу т!акхаьчар сона» («Как я мечтала жить, и до чего дожила»). Мачехина дочь догадалась, чей это голос и сожгла дудочку. От ее золы вырос цветок. Его сорвала и принесла одна вдова. Однажды она увидела, что цветок превратился в красивую девушку. Когда князь узнал обо всем, что произошло с девушкой, он прогнал мачехину дочку и зажил счастливо со своей настоящей невестой.

Как видим, этот ингушский вариант повторяет широко известный мотив Золушки. В сказке, которую мы пересказали, ингушской Золушке помогает корова ее покойной матери. По существу это то - темное животное, которое помогает сироте. В мировом фольклоре существует много мотивов кормления, умерщвления и захоронения какого-то темного животного.

Для того, чтобы определить, на какой бытовой почве смог возникнуть подобный сюжет, необходимо отметить что у ингушей была полигамная семья и старшая жена имела огромную власть над другими. Она обычно ненавидела младших жен и, естественно, не любила их детей.

Известно, что классическая первобытная семья не знала мачехи. «При классификаторской системе родства, - говорит Е.М.Мелетинский, - матерью называется не только настоящая мать, но и все ее сестры, родные, двоюродные и более далеких степеней. Но так как в первобытном обществе эти лица являются женами отца и его братьев, то все жены отца также называются матерями: матери - это группа лиц, принадлежащих к одному с матерью брачному классу» [8, с.180].

В патриархальном же обществе, когда невеста берется из другого рода, т.е. господствует экзогамия, мачеха уже не является членом рода матери падчерицы. А если вспомнить, что первобытный человек людям из другого рода приписывал самые страшные черты, то станет ясно, почему столь злой рисуется в сказках, отражающих эту эпоху, каждая мачеха. Елубоко прав Е.М.Метелинский говоря, что не «полигамия создает мачеху, а нарушение эндогамии, при которой мачеха и падчерица оказываются принадлежащими к разным родам». И дальше: «Мачеха и падчерица появляются, когда род отступает перед семьей, в которой дети являются детьми только своих родителей, а не рода в целом, возникают одновременно с выделением малой семьи, независимой от рода. Таким образом, падчерица - одновременно и результат и жертва распада рода, жертва в семье - ячейки классового общества, выросшей на развалинах рода» [8, с.181].

Не случайно в сказке «Даь-сесаги маьрк1аьнки» («Мачеха и пасынок»)[12]. Жена, умирая, просит мужа не брать женщину, живущую за Тереком. А в сказке «31амаг1вола найц» («Младший зять») [5, с.167] она завещает мужу не брать женщину с синими глазами и рыжей головой, так как она будет плохо обращаться с ее сыном. Несомненно, что в данном случае уми-

рающая жена имеет ввиду женщину из другого рода.

Падчерица, как и младший сын, существо обездоленное. Поэтому она и идеализируется народом. Ей помогают всевозможные чудесные силы, она наделяется всеми положительными чертами, которые выдвигает в жизни народ. Мачехе, наоборот, присущи качества злой ведьмы. Чтобы извести падчерицу, она ищет совета и помощи, обычно, у колдуньи, ведьмы. Они по представлению древнего человека являются ее родичами. Падчерица же ищет помощи у рода матери, которая помогает ей и после смерти, иногда превратившись в татемное животное. Часто мачеха догадывается об этом и упорно добивается смерти татемного животного.

В приведенной выше сказке «Как победила правда» умерщвленная падчерица не пропадает бесследно. На могиле вырастает дерево, князь из его прутика делает дудочку, а зола её после того, как дудочку сожгли, превращается в цветок, а последний - опять в девушку.

На этом примере интересно проследить представления древнего человека о смерти.

Если для современного человека смерть является простым и понятным актом, то для древнего человека она - явление очень сложное. Здесь полезно вспомнить рассуждения М.Н.Комарова, что смерть влияла на образование представления о дыхании - духе, как жизненном начале. Дух же выходил с выливающейся кровью. Наши предки считали, что кровь есть источник жизни и даже сама жизнь. Она сама есть организм живой и чувствующий. «Кровь, - говорит М.Н.Комаров, - в эпических преданиях представляется жизненным началом и источником жизни не только в царстве животных, но и в царстве растений. Причем душа того организма, в котором текла пролившаяся кровь, как бы переходит в растения» [6, с.113]. По древним представлениям кровь как нечто заключающее в себе жизнь, может даже возвращать к жизни преждевременно умерший организм.

Во многих ингушских сказках мы сталкиваемся с подобными взглядами. В сказке «Фаьлг ца бийцачоа хиннар» («Наказание тому, кто не расскажет сказку») [5,с.163] сестра, нарушив табу, окаменевает. Брат проливает кровь сына на этом камне и оживляет сестру.

По древним воззрениям ингушей кровь действует и на расстоянии. В некоторых сказках побратимы, состарившись, не могут уже навещать друг друга и поэтому меняются стрелами: если кто-нибудь очутится в беде, с кончика стрелы закапает кровь. Или такой вариант: г е р о й уходит

странствовать, а дома его одежда обагряется кровью, - это значит, что с ним случилось несчастье. Таких примеров можно привести множество.

В ингушском фольклоре, в группе сказок о сиротах и падчерицах распространены варианты типа «Морозко». В качестве примера можно назвать сказку «Маьр-йи1иг» («Падчерица»)[13].

Мачеха всячески издевается над падчерицей, заставляет ее выполнять всю тяжелую работу в доме, кормит лепешками из отрубей, начиненными углем. Но падчерица растет красивой, полной, а мачехина дочь - худой уродиной. Оказывается не родная дочь мачехи ходила на могилу матери и сосала ее грудь. Мачеха не знает этого и, разозлившись, произносит заклятие: «Пусть то, чем она питается и идет ей на пользу, превратится у нее внутри в колючки». Только она произнесла эти слова, как у падчерицы внутри появились колючки. Но по законам сказки волшебные силы помогает девушке. Она выходит замуж за князя и стала жить счастливо.

Характер многих волшебных действий в сказках совпадает с известными в этнографии типами народной первобытной магии. В нашей сказке заклятье мачехи превращает материнское молоко в желудке падчерицы в колючки. По слову сказочника перед сказочным героем раздвигаются горы, в непроходимых местах образуются дороги, появляются быстрые реки.

К магии прибегает и падчерица, и мачеха, но как бы не ухищрялась мачеха, всегда побеждает падчерица.

Если мотив падчерицы является одной из форм идеализации социально - обездоленного, то в таком же плане идеализируется народом и пасынок. Сказки о нем возникают на той же социальной почве, что и сказки о падчерицах.

В ингушском фольклоре этот мотив распространен в нескольких вариантах.

Все эти варианты можно проследить в сказках типа «Т1уро» («Собственное имя») [5, с.212], «Маьр-к1аьню> («Пасынок») [5, с.173], «31амаг1авола найц» («Младший зять») [5, с.167], «Аьлан во1» («Сын князя») [5, с.76], «Странствия Ахмада» [15, с.111], «Мачеха и ее три пасынка» [14, с..20] и других.

Заключая анализ волшебных сказок о пасынках и падчерицах, следует еще раз подчеркнуть, что социально - обездоленными главных героев этих сказок исторически делает период распада родового порядка, точнее - не полигамия, а эндо-

гамия, при которой мачеха и дети мужа являются представителями разных родов.

До этого этапа родового общества ни падчериц, ни мачех не было. «Они появляются при нарушении традиционного брачного обмена между родами внутри племени, при нарушении эндогамии браком вне племени» [8, с.212].

Но это только исторические истоки образа героев социально - обездоленных в волшебной сказке. Главная же сила эстетического воздействия этого образа связана с его идеализацией, с той индивидуальной нравственной оценкой сказочных героев и с теми прекрасными чертами характера, которые складываются в сознании народа уже на следующих этапах его исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.М. (Среднеазиатская версия «Золушки»). Сб. «По Таджикистану», Ташкент, 1921.
2. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л(1829.
3. Елеонская Е.Н. Сказка о Василисе Премудрой и группа однородных сказок с нею. / «Этнографическое обозрение», 1908.
4. Елеонская Е.Н. Некоторые замечания о русских народных сказках (о Косоручке)/ «Этнографическое обозрение», 1908.
5. Ингушский фольклор. Т. II. Чеч-Инг кн. изд. Грозный, 1967.
6. Комаров М.Н. Экскурсы в сказочный мир. Типография Е.К.Гербек, И.К.Петрова, Д.Рудакова. N1(1886.
7. Linke W. Das Stikfmutterproblem in Marchen der germanischen Uolker.Berlin,1833.
8. Мелетинский Е.М. Герои волшебной сказки. ИВЛ, М., 1858.
9. Потанин Н.Г. Восточные параллели к некоторым русским сказкам. /«Этнографическое обозрение» № 8.
10. Потанин Н.Г. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.,1899.
11. Сказка записана нами от Зугу Оздоевой в июле 1963г.
12. Сказка записана нами от Зугу Оздоевой в августе 1963г.
13. Сказка записана нами от Кабрат Оскановой в августе 1964 г.
14. Суханвердов А. Перечень и краткое изложение материалов по фольклору народов Азербайджана и прилегающих стран из наследия Лопатинского, Баку, 1927.
15. Чеченские и Ингушские сказки. Изд. «Детская литература», М., 1965.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА В ПРОНОМИНАТИВНОМ ЯЗЫКЕ

Тариева Л.У.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация. *В данной статье представлена специфика функционирования субъекта модуса. Личная синтаксическая позиция модального субъекта обусловливается функцией лица Созерцающего в аффективной форме имени, представляющем сферу влияниях хоалу саг/homosensus, т.е. человека чувствующего vs. рациональному субъекту (кхета саг/homosapiens), грамматически экспонированному номинативной формой имени.*

Ключевые слова: *аффективная форма имени, лицо Созерцающее, модальный субъект, эпистемический статус высказывания, хоалу саг/homosensus, перцептивное мышление.*

Синтаксическая особенность функционирования субъекта модуса в ингушском языке (и др. нахских языках) заключается в том, что он имеет собственную внутрисинтаксическую представленность: в составе предложения он обязательно экспонирован в синтаксической позиции модуса (*Сонадовз/Я узнаю*) отдельным лицом, противопоставленным лицу Говорящему.

Модусная рамка может представлять личную позицию вершинного субъекта модуса в аффективной форме имени (*сона/я*) с эпистемическим статусом высказывания: с семантикой«*хов/знаю», «довз/узнаю*», а также позицию невершинного субъекта восприятия *(сона/я)* с эпистемическим статусом с семантикой видения, слышания.

Аффективная форма имени и глагол-предикат *«хоалу / воспринимаю»,* и др. предикативы, представляющие имманентные чувственные функции, образуют с аффективным (модальным) лицомцельнооформленный фрейм, к которому подключается диктумная часть высказывания (*сона (AFF) гу/я вижу, сона (AFF) хоз / я слышу, сона (AFF) мог/я могу, сонавеза (еза)/я люблю*), представляя сущность хоалу саг/homosensus, т.е. субъекта восприятия.

Аффективные конструкции, выделенные в кавказских языках еще А.М. Дирром и ставшие объектом специального исследования в работах М.Е Алексеева [13; 2], в нахских языках отличаются тем, что в семантику данных глаголов встроено аффективное лицо, как одно из модальных лиц парадигмы [10]. Специфика модусного актанта в аффективной форме имени и аффективного глагола, образующихвербализованную модальную рамку, состоит в том, что данный фрейм представляющий отдельную синтаксическую конструкцию, автономную от диктумной части, каузативен: интенция лица Созерцающего в дистинкции собственного со/эго прагматически вызывает речение, отражающееся в языке в диктальной части высказывания:

1. *Сона (AFF)гу, со (NOM) ийстхул/Я вижу, что я сказал (единожды);*
2. *Сона(AFF) гу, со (NOM) лув/Я вижу, что я говорю (речевой поток).*

За субъектной (аффектив) позицией при аффективных глаголах-предикатах стоит прототипический наблюдатель, обусловленный интенцией лица Созерцающего [9].

Структура диктальных предикатов второй части приведенных высказываний включает строго закрепленный в глаголах с семантикой «говорение» актант в номинативной форме имени, представляющий на глубинном уровне лицо Говорящее.

Личная синтаксическая позиция модального субъекта в ингушском эргативно-номинативном языке обусловливается функцией лица Созерцающего (наряду с лицом Слышащим) морфологически экспонируемой аффективной формой имени (*сонна / я*), представляющем сферу влияния *хоалу саг / homo sensus*, т.е. человека чувствующего vs. рациональному субъекту (*кхета саг / homo sapiens*), грамматически представленному в ингушском языке номинативной формой имени [8; 12].

Субъект, обусловленный функцией лица Созерцающего, семантически изоморфный категории «Наблюдателя» [3] номинативных языков, внутрисинтаксически по-разному экспонирован в разноструктурных языках. В русском языке он имеет ранг «За кадром» [6, с. 404], а в ингушском (и других нахских языках) экспонирован на синтаксическом уровне**субъектом** в аффективной форме имени, закодированным в одноименном

глаголе-предикате, образуя аффективную диатезу.

Функционирующее в пределах компетенции *хоалу саг / homo sensus*, аффективное лицо, квалифицированное как лицо Созерцающее [9; 10] (инг. (*х1ама) б1аргагу юхьмараж* далее: *б1аргагу юхьмараж*), может менять ранг: из субъекта восприятия с эпистемическим статусом (***сона (AFF)гу, со лув/я вижу, что я говорю***), удостоверяющим наличие интенционально полученной объективной информации, закрепленной в перцептивном мышлении индивида в форме визуальной эвиденциальности, содержание которойэкспонировано в диктумной части высказывания, он может трансформироваться в аффективный субъект второй демодализованной части высказывания, контролируемый субъектом с эпистемическим статусом знания. Сравните первый и второй примеры с:

3. *Сона (AFF) хов, сона (AFF) гу/Я знаю, что я вижу (т.е. обладаю способностью видеть)*.

Распознавание ненаблюдаемой аффективной информации (видение), механизм которой зафиксирован в континууме перцептивного мышления, экспонированной аффективным субъектом второй части высказывания (третий пример), принадлежит субъекту с эпистемическим статусом знания, вершинным в пределах компетенции *хоалу саг / homo sensus*. Данное высказывание-утверждение возможно в силу наличия функции авторизации лица Созерцающего (т.е. если индивид не слепой), откладывающейся в ячейке перцептивного мышления носителя языка, которая и удостоверяется аффективными субъектом и предикатом со статусом знания. Ранг субъекта с эпистемическим статусом «знания», грамматически оформленного аффективным субъектом предикатом, т.е. аффективной диатезой (***Сона (AFF) хов***), представляющего высшую мыслительную категорию в пределах компетенции хоалу саг / homo sensus, т.е. человека чувствующего, контролирующего интенционально-экспериенциальную функцию модальных лиц (Созерцающего и Слышащего) в континууме перцептивного мышления, выше, чем ранг субъекта со статусом «видения».Оба аффективных субъекта: один, экспонированный в диатезе со статусом восприятия (*сонна гу / я вижу*) и другой, представленный в вершинной диатезе со статусом знания(*сонна хов / я знаю*) представляют внешне ненаблюдаемую информацию, и принадлежат компетенции *хоалу саг / homo sensus*, т.е. субъекта восприятия, отвечающего за чувственную область мышления.

Модальность лица Созерцающего заключается в интенциональности, запускающей механизм онтологического свойства «видение» и результирующей визуальной эвиденциальностью в рефлексивном режиме интерпретации [11], что и удостоверяется данным лицом в ипостаси субъекта модальной рамки (примеры 1,2).

Синтаксическая особенность функционирования аффективных конструкций заключается в представленности позиции субъекта модуса и субъекта диктума аффективным именем. Оба субъекта (знания и видения) семантически аффективны, т.е. представляют сферу ощущений, чувств индивида,так как функционируют в плоскости имманентного континуума перцептивного мышления, не выходя за границыконтроля и компетенции *хоалу саг / homo sensus* (пример 3) и мыслятся первым аффективным лицом, онтологически гетерогенными. (Х1ама) *хоалу саг/ homo sensus,* морфологически экспонированный аффективной формой имени первого лица, осознается ингушским речевым сознанием в качестве имманентного homo, встроенного в *кхета саг / homo sapiens*, т.е. человека разумного, грамматически представленного в форме первого лица номинативного падежа имени (со / я).

Два гетерогенных homo (sensus и sapiens) одного индивида обусловливают соответственно два первых лица в эргативно-номинативном ингушском языке (и других нахских также): перцептивного, эспонируемого в языке аффективом *сона / я* ирационального, представленного на поверхностном уровне номинативом *со/я:*

4. ***Сона****(AFF)гу:* ***со*** *(NOM) лув/Я вижу, что я говорю* (немая речь):

Модусная часть экспонирует замещенную субъектную позицию синтаксемой *Сона*/Я, обусловленную лицом Созерцающим, представляющим *хоалу саг/ субъекта восприятия*. Местоимение 1-го лица в аффективной форме *сона/я*, строго закрепленное в аффективных глаголах действия, указывает на то, что субъектом модусной части является лицо, выполняющее аффективную функцию субъекта деятеля:

5. ***Сона(AFF)****дика гу/Я хорошо вижу;*
6. ***Сона(AFF)****д1ара хоз/Я слышу оттуда;*
7. ***Сона(AFF)*** *дерригахов /Я знаю все.*

Лицо Созерцающее и Лицо Слышащее – имманентные лица парадигмы прежде всего интенциональны. Интеницональность модальных лиц, переходящая в экспериенциальность в процессе их авторизации [9], обусловливает способность аффективной формы *сонна / я* в ингушском языке выступать в качестве субъекта – имманент-

ного деятеля (*Сона хов / Я знаю, Сона довз / Я узнаю, Сона мог/Я могу*) и в качестве объекта-экспериенцера (например, деонтическая модальность: *сонамег/мне можно, сона могадаьд / мне разрешено;* дезидеративная модальность:*сона деза /мне нужно,* а также: *сона лу / мне дают, лично*, сравните с: *согалу/мне дают ненадолго, в руки*и др.).

Личное местоимение первого лица (модального) при соответствующем глаголе -предикате в рамочной части, как правило, внешнепредставлено:

8. ***Сона (AFF)*** *хоз: аз (ERG) оал/Я слышу, что я произношу* (озвученная речь).

Самостоятельные конструкции с субъектом восприятия:

9. ***Дуккаг1чарна (AFF)*** *язде мог/Многие умеют писать*,

10. **С*она(AFF)****дика мог деррига / Я прекрасно все могу*);

Синтаксически не экспонированные позиции субъекта модуса обусловливают функционирование односоставных предложений в ингушском языке (и др. нахских языках): модальное лицо,позиция которого не замещена, тем не менее, не теряет своего места, или ниши в семантике модального глагола:

11. *Хетаргахьа, хьаькъале саг вахьо / Представляется, ты умный человек*.

Сравните с:

12. ***Сона*** *(AFF) хетаргахьа, хаькъале саг вахьо/Как я представляю, вы умный человек*.

В модальных глаголах различной семантики ингушского языка закодирован строго последовательно только актант в аффективном падеже имени, указывая на гомогенность сферы действия модальных субъектов, функционирующих в пределах компетенции *хоалу саг/homosensus,* т.е. человека чувствующего:

13. *Укхазара дика* ***гу*** */ Отсюда хорошо видно* **(**незамещенная позиция);

14. ***Сона****укхазарадика* ***гу*** */ Я отсюда хорошо вижу*(замещенная позиция, или экспонированный актант).

15. *Сагота я* ***сона,*** *из эшандаь /* ***Мне грустно есть,*** *потому что нуждаюсь в нем* (незамещенная позиция во второй части высказывания*)*. Сравните с замещенной: *Сона(AFF) сагот я,* ***сайна*** *(AFF) из эшандаь/мне грустно потому, что сам нуждаюсь в ней.*

16. ***Цунна*** *таханарча денна хьо мара вац/У него (ему) на сегодняшний день есть только ты* (модусный субъект в аффективной форме имени в функции детерминанта, т.е. позиция модусного субъектаотносится ко всему высказыванию.

Актант синтаксически не представлен в первом примере, однако в семантике глагола восприятия сохраняется ниша, или, если следовать терминологии С.Д. Кацнельсона, «гнездо» [5, с. 88] для данного актанта. Поэтому мы можем утверждать, что аффективные синтаксические структуры даны в ингушском языке в форме абстрактных моделей, релевантных для генерации отдельных классов высказываний (модальных), характер которых зависит от предикатных модусов.

Если лицо Говорящее, которое, согласно терминологии Г.А.Золотовой, синхронно квалифицируется как «главное действующее лицо в мире и в языке» [4, с. 108], в эргативных и номинативных языках представлено номинативной формой имени, то Лицо Созерцающее (и лицо Слышащее) как компоненты парадигмы лиц ингушского языка, введенные в обиход лингвистического исследования в [10; 11], представляются в эргативных языках первым лицом в аффективной форме имени (*сона/я*).

Таким образом, в компетенции хоалу саг/ homosensus, т.е. человека чувствующего, контролирующего континуум перцептивного мышления, обнаруживается:

1) семантическая функция лица Созерцающего, на грамматическом уровне представленного аффективной формой имени (*сона/я*), имеющего выход в объективную действительность (*сонагу, со лув/я вижу, что я говорю*);

2) выход в объективную действительность лица Созерцающего (интенциональность), результирующий визуальной эвиденциальностью, закрепленной в соответствующей ячейке перцептивного мышления (*со лув/я говорю*) как живая картинка, обусловливает лицу Созерцающему функцию удостоверения (*сонагу/я вижу*) пропозитивного процесса говорения (диктумная часть примеров 1,2);

3) вершинная семантическая функция субъекта с эпистемическим статусом «знания» (модальная часть третьего примера), представленная на морфологическом уровне аффективным падежом имени (*сона (AFF) хов/я знаю*);

4) вершинная функция с эпистемическим статусом знания удостоверяет ненаблюдаемую извне информацию: авторизацию лица Созерцающего, механизм запуска которого подконтролен только субъекту хов/знания (и/или довз/ узнавания);

5) модус со статусом восприятия (*сонагу/я вижу*) vs. модусу со статусом знания (*сонахов/я*

знаю) тем, что имеет выход (интенция) в объективную действительность за дискретно осваиваемой пропозитивной информацией, экспериенциально доставляемой в соответствующую ячейку чувственного мышления (*сонна гу, со лув / я вижу, что я говорю,* т.е. *обладаю способностью изрекать*);

6) модус со статусом знания, контролирующий ненаблюдаемую извне информацию в области чувственного мышления: удостоверяет механизм запуска функции визуальной (или аудитивной) интенциональности (*сонахов, сонагу/я знаю что я вижу*), результирующей визуальной эвиденциальностью, т.е. картированием свойства говорения в ячейке перцептивного мышления (*со лув/я говорю*).

Расстановка аффективных и других субъектных предикативов в ингушском языке зависит, как нам представляется, от семантической категории постулированности / приобретенности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев М.Е. К типологической характеристике нахско-дагестанских языков. // Лингвистическая типология. – М., 1985. С. 144-151.
2. Алексеев М.Е. Проблема аффективной конструкции предложения. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М ., 1975.
3. Апресян Ю**.** Д**.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира. СиИ, № 28, 1986 г, с. 5-33.
4. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – М. 2001. – №1. – С. 105-114.
5. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: “Наука”, 1972. – 216 с.
6. Падучева Е.В. Имплицитность в лексике: позиция за кадром, инкорпорированные участники, дейксис, наблюдатель // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. – Калининград, 2006.
7. Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции ДИАЛОГ. – М., 2006.
8. Тариева Л.У. Междометия в ингушском языке (онтологическое и референциальныое измерения). – Назрань. ООО «Кеп». 2012. – С.74.
9. Тариева Л.У. Модальная функция лица Слышащего на материале русского и ингушского языков. Российский научный журнал 3 (41)· 2014. Russian 3 (41)· 2014 scintificjournal/ Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург. Отпечатано в ООО «Полиграфия». 2014. – С. 257-262.
10. Тариева Л.У. Парадигма лиц в ингушском языке. Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве**:** материалы III Международной научной конференции. – Нальчик: Каб.-Балк.ун-т, 2013. – 463 с. С. 354-365.
11. Тариева Л.У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013, № 4. – С. 84-89.
12. Тариева Л.У. Слышащий в качестве субъекта восприятия // Астраханский государственный университет. Издательский дом «Астраханский университет». Гуманитарные исследования. 2013. № 4 (48). – С. 30-34.
13. Dirr A. M. Einfuhrung in das Studium der kaukasischenSprachen, Leipzig, 1928. - S. 75-76. Рус. пер.: Дирр А. М. Глагол в кавказских языках// Эргативная конструкция предложения. М., 1950. - С. 32.

УДК821(091)
ББК83.3(2Рос=Русс)
У 34

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ РАХМЕТОВА В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА В РОМАНЕ «ОТБЛЕСКИ СИЯНИЯ» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Уздеева Т.М.
Чеченский государственный университет

Аннотация: *В статье сопоставляются образы «новых людей» в двух романах Чернышевского. Выявляются отличия и их типологическая соотнесенность. Автор статьи приходит к выводу об исторической обусловленности образов, порожденных эпохальным контекстом.*
Ключевые слова: *тип, типология, образ, свобода, революционер, контекст*.

DETAILS RAKHMETOVA IMAGES IN THE NOVEL «WHAT TO DO?» AND VLADIMIR VASILYEVICH IN THE NOVEL «REFLECTIONS OF LIGHTS» BY N.G. CHERNYSHEVSKY

Uzdeyeva T.M.
Chechen state university

Abstract: *The article compares the images of the "new people" in two Chernyshevsky's novels. Differences are identified and their typological relatedness. The author comes to a conclusion about the historical implications of images generated by the epochal context.*
Key words: *type, typology, character, freedom, revolutionary, context.*

Роман «Отблески сияния» отделен от романа «Что делать?» двумя десятилетиями. Образованные мещане в позднем романе Чернышевского, как и их предшественники «новые люди» в «Что делать?» полны решимости идти на все во имя своих высших целей. Четко цели эти не определены, но по обмолвкам, репликам, отдельным загадочным фразам, намекам на причастность Владимира Васильевича к Парижской Коммуне исследователи романа приходили к выводу, что этим произведением Чернышевский из Вилюйска хотел «звать к революции», ставил «вопрос о необходимости насильственного изменения общественного порядка». Послушаем разговор подобного рода с ним: «Здравствуйте, Владимир Васильевич, – обратилась к нему встретившаяся Надежда Григорьевна. – Мы с Поленькою рады, что можем вас по-прежнему. – Она пожала ему руку… Ее глаза сверкнули… – Владимир Васильевич… – Она вспыхнула. – Владимир Васильевич, Миша давно ваш, теперь и я ваша. Я удерживала его. Теперь сказала я и за себя, и за него. Где, в чем нужны мы вам? Мы бросим детей, все, всех детей… – Говорите. Мы знаем: это идти на смерть. Говорите. Мамаша, сестра заменит меня детям. Миша давно готов. Готова и я».

После таких слов, действительно, можно делать самые крайние заключения. Но вот что ответил на ее решимость идти на смерть Владимир Васильевич:

– «Этого не нужно, Надежда Григорьевна. Это было бы более чем напрасно; было бы вредно...

Затянувшийся разговор с Надеждой Григорьевной затем продолжился с Полиной Павловной, которая намеревалась склонить его рассказать ей свои мысли. Чернышевский придумал вычурный прием, с помощью которого ей удалось заставить его откровенно высказаться перед ней.

– «... Мне кажется, что, если б я бросилась вам на шею и расцеловала вас, это не было бы

для вас огорчением... – А прежде было бы. Отчего такая перемена?..

Что ж... прежде я... – Он остановился, вздохнул и покачал головою; чуть было не сказал: – Прежде я думал, что женюсь, и должен был заботиться о том, чтобы моя невеста, моя жена, узнавая мое прошлое, не находила в нем поводов к опасениям за будущее. – Прежде я … как вам сказать… имел мысль, которой теперь не имею».

Вспомним, – то же самое в 1853 г., еще увлеченные революцией, Чернышевский говорил своей невесте накануне женитьбы.

– «… Ваше желание держать себя так, чтобы прошлое не возбуждало после женитьбы в вашей жене тревоги за ее будущее».

Владимир Васильевич отвечал, что она ни от кого не могла слышать подобное, так как он никому не говорил что-нибудь такое.

– «... И не слышала... Но наши мысли об этом видим по характеру ваших разговоров с Сережею и Мишенькою о тех вопросах, о которых вы не говорите с ними при нас, при мне или Наденьке...»

Он снова отрицал. – «Не говорили, но вы всякий вопрос о женщинах рассматривали всегда с точки зрения равноправности людей, всех людей, без всяких различий...

Полина Павловна, простите меня... обо многом я думаю вовсе не так, как предполагают обо мне Сергей Григорьевич или Михаил Андреевич, например, я полагаю, что люди прогрессивных убеждений вредят делу прогресса, если предпринимают что-нибудь не одобряемое общественным мнением.

Она посмотрела на него пристально. – О чем вы говорите? – Об исторических событиях. Например, о Парижской Коммуне» [6. Т.13. с.753-755]. Туман таинственной загадочности, сначала окутывавший образ Владимира Васильевича, начал рассеиваться, и перед людьми, готовыми идти за ним на все, предстает человек совершенно иного направления мыслей. По его убеждению, Парижская Коммуна – историческое событие, «не одобренное общественным мнением». Значит, она и вызвала уныние духа в нем. Однако это откровение не убедило Полину Павловну, и она продолжает попытку выведать его тайну. По ее мнению, Ксения Юрьевна, по намекам в романе тоже относящаяся к лагерю демократов и будто бы возможная невеста Владимира Васильевича, «предполагает, что вы рисковали за дело добра. Она думает, что вы были в рядах немцев, когда люди добра желали победы им, и стали в ряды французов, когда друзья человечества стали желать, чтобы победа немцев сменилась поражением их» [там же с.763].

Из описания этих бесед с женщинами выясняется, что это *они* думали о нем как о человеке со значительным прошлым, связанным с его участием в Парижской Коммуне. Это *им* представлялось, что он уклонялся от разговоров о своем прошлом в целях конспирации, потому-то и вел себя апатично, вяло, часто вздыхая, тогда как на самом деле, думалось им, все это было искусственно, являло собой особый способ скрытничать, искусственную манеру держать себя, чтобы утаить от наблюдения свои истинные мысли, движения души, тогда как на деле он обладает «сильной волей», железными нервами и является человеком «кипучей душевной силы» [там же с.768, 772].

Между тем Чернышевский вывел его в романе лишь с одной целью – его устами высказаться самому. Владимир Васильевич, прежде всего, ученый. Именно им он представлял себя в письмах из Вилюйска. Мать Владимира Васильевича, обращаясь к сыну, говорила ему: «…специалисты Европы по каждой из тех отраслей знания, которыми занимаешься ты, уж признали тебя одним из первых специалистов – каждый по своей специальности... ты печатал до сих пор только небольшие статьи совершенно технического содержания в иностранных специальных журналах... Лоренька доискалась-таки отзывов о твоих статьях по разным мелким, но важным для понимания и очень трудным вопросам из различных эпох всеобщей истории, из истории философии, из других наук из человеческой и общественной и умственной жизни [там же с.636]. Вспомним, это тот круг общественных наук, по которым Чернышевский выступал со своими статьями и, будучи в Петропавловской крепости, планировал создать фундаментальные исследования. Как и сам Чернышевский, герой романа Владимир Васильевич страстно негодует против идеи Дарвина о плодотворности борьбы за существование и бичует себя за то, что сблизился «с ученым отделом эти пошлых людей» [там же с.636]. А вот дальше пути автора романа и его героя расходятся. У Владимира Васильевича родилась идея отправиться в кругосветное путешествие с целью проведения климатологических исследований, изучения быта народов тропических и экваториальных стран, в результате чего должен был явиться «труд очень большого ученого значения». Был намечен грандиозный план путешествия с остановками в райских уголка юга

Ост-Индии, долины Кашмира, на Филиппинских островах «и вообще, где хочется матери», которая согласилась быть его спутницей? Сообщить Лореньке об этом своем решении и шел Владимир Васильевич. Все его переживания, эти «конспиративные» охи и вздохи, так характерные для его разговоров со встретившимися на пути Надеждой Григорьевной и Полиной Павловной, и были вызваны этим решением.

Итак, Владимир Васильевич, как и Чернышевский, далек от революционных методов борьбы. Мысленно говоря с сестрой, своей учительницей, он цитировал Некрасова:

«Я гибну и ради спасения
Я твою призываю любовь...
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви».
[там же с.636, 637]

Он, как видим, просил ее вывести его на дорогу «тернистую», но не ту, где ликуют, праздно болтают и обагряют руки в крови. Да, Лоренька, размышлял он, ты надеялась, «что я буду честным деятелем, заботящимся о том, чтобы быть полезну людям, а не об удовлетворении своего самолюбия. Желал я быть таким. Но – теперь не то. Мысли о благе людей сменились мыслями о личной славе. Влечение к друзьям, блага людей заменились порицанием ошибок этих энтузиастов, порицанием самого энтузиазма; порицание энтузиазма привело к одобрению рассудительного образа действий пошлых людей; с ученым отделом этих пошлых людей я даже сблизился» [там же с.636].

Что же произошло? Раздвоение личности самого Чернышевского? Неужели сам он решил уйти в мир личных интересов, чтобы добиться личной славы и тем удовлетворить свое личное самолюбие? А оно, как уже известно, всецело владело им с молодых лет и до старости. Нет, разумеется. Сама спешка с написанием романа, забота о его срочном появлении в свет говорят о том, что он по-прежнему идет по тернистой дороге служения «великому делу любви». Все гораздо проще. Чернышевский осуждает как тех, кто ликует, праздно болтает и обагряет руки в крови, так и тех, кто готов покинуть «друзей блага людей» ради удовлетворения личных интересов. Высказав все это устами Владимира Васильевича, он решил, за ненадобностью в дальнейшем, удалить его со сцены романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефременко Э.Л. Роман Н.Г. Чернышевского «Отблески сияния». М., 1953.
2. Володин А.И. Будущее в социологических воззрениях Чернышевского // Социологические исследования. М., №1, 1975.
3. Морозов А.И. Социалистический общественный идеал Чернышевского. // Чернышевский. История, философия, литература. Саратов. 1982.
4. Никифоров Я.А. Социологический дискурс Н.Г. Чернышевского: теоретико-методологическая концептуализация. // Вестник Поволжского института управления. №2, 2011.
5. Чернышевский Н.Г. «Что делать?» – Л., «Наука», 1975. 357 с.
6. Чернышевский, Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. / Н.Г. Чернышевский. – М., 1939-1953

LITERATURE

1. E.L. Efremenko Novel by N.G. Chernyshevsky “Reflections of lights”. M. 1953.
2. A.I. Volodin The future of the sociological views of Chernyshevsky // Sociological studies. M., №1, 1975.
3. Morozov A.I. The socialist ideal of society of Chernyshevsky. // Chernyshevsky. History, philosophy, literature. Saratov. 1982.
4. Nikiforov J.A. Sociological discourse by N.G. Chernyshevsky: theoretical and methodological conceptualization. // Bulletin of the Volga Institute of Management. №2, 2011.
5. N.G. Chernyshevsky “What to do?” - L., “Nauka”, 1975. 357 p.
6. Chernyshevsky N.G. Full. cit. cit .: 15 m. / N.G. Chernyshevsky. - M., 1939-1953

ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИИ

ИЗ ИНГУШСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА

Агиева Л.Т.
Ингушский научно-исследовательский институт
Гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ключевые слова: *этнос, обычное право, традиции, обычаи, поведение, кровная месть, примирение, совет старейшин, присяга.*

Аннотация: *В предлагаемой работе предпринимается попытка раскрыть и выявить особенности и роль исторического развития института кровной мести в ингушском обществе, в деле регуляции общественных отношений и постепенной заменой ее выкупом.*

С целью исследования обычного права народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей сюда постоянно в прошлом направлялись исследовательские экспедиции, но это были в основном русские офицеры и чиновники, а не ученые-исследователи. В советский период проблема обычного права ингушей также не стала объектом должного внимания со стороны исследователей, так как официальная идеология считала, что адаты и в целом обычное право несовместимы с социализмом. Этим объясняется то, что изучение истории и теории обычного права практически в то время отсутствовало, а также и тем, что еще в 20-х годах XX века началась кампания против бытующих среди народов России, в особенности кавказских и степных, норм адатов. К тому же трактовки традиционных отношений искажались по идеологическим причинам. Тем не менее, последовательно эту работу в свое время проводили М.О. Косвен, А.И. Першиц, И.Е. Гарданов, С.П. Синицин и др.

Так что же такое этнос, обычное право которого мы рассматриваем? Согласно позиции академика Ю. Бромлея этническое объединение людей имеет в себе стабильное ядро – «этникос», которое сохраняется на протяжении всей истории данного народа. Этникос включает такие признаки как общность языка, материальной культуры, норм поведения, психологического склада, самосознания и самоназвания [1]. Иногда к этим признакам добавляют также единство территории и единство исторического происхождения. Согласно представлениям Л.Н. Гумилева этнос имеет природные истоки, поскольку рождается от «пассионарного» энергетического толчка, возникшего на конкретной территории. Не солидаризуясь полностью с позицией Гумилева, мы, тем не менее, должны согласиться с идеей о том, что в основе развития этноса есть некие природно-генетические моменты, выражавшиеся в определенном психофизиологическом и антропологическом типе, отличающем представителей данного этноса от других этносов, включая ближайших соседей по территории.

Хронологические рамки исследования составляют временной отрезок с начала XIX и конец XX вв., при этом при освещении многих вопросов на основе ретроспективного метода и историко-сравнительного осмысления факторов, использования архивных материалов и т.д., охвачена и большая хронологическая глубина, генетические корни тех или иных явлений.

Обычное право // инг. **«Г1алг1ай 1аьдал»** - (анг. **«Customary law»**) – система норм (правила поведения), основывающихся на обычае, регулирующая общественные отношения в данном государстве, в определенной местности либо для данной этнической или социальной группы. Обычное право формировалось на основе обычаев, существовавших в догосударственном обществе [2, с. 283].

Так откуда появилось обычное право у ингушей? Что этому способствовало? Дело в том, что земледельческо-скотоводческое хозяйство оседлого образа жизни ингушей способствовало формированию традиционного национального уклада и порядков, которые приучали к этому последние поколения потомков социологической общности, а также определяли и устанавливали их средства и способы существования. Отсюда и возникало обычное право, саморегулировавшее взаимоотношения в традиционных горских обществах, превращая обыденные, бытовые действия в нормальные установления и

затем закрепляясь как национальный обычай. Именно он является исходным пунктом рождения «обычного права».

«Обычное право непосредственно не представляет собой совокупности норм, отключение от которых считается преступлением или проступком. Исходным в обычном праве является понятие ущерба, который члены одной человеческой группы причиняют членам другой. Нанесение ущерба рассматривается потерпевшей стороной как нарушение справедливости. Нормы обычного права диктуют способы прекращения вражды, т.е. методы восстановления нарушенной справедливости. Один способ – причинение виновной стороне точно такого же ущерба, второй – возмещение ущерба»[3, с. 89, 37].

К тому же обычное право ингушей, развивавшееся на базе натурального хозяйства, сохраняло длительное время патриархально-родовые отношения. Эту сохранность можно объяснить условиями жизни и тем, что обычаи, воспринятые в большинстве случаев от предыдущих формаций, существуют в силу общественной привычки и поддерживаются силой традиции. Серьезные данные по обычному праву ингушей не восходят далее 1843 года, когда был составлен сборник адатов плоскостных чеченцев. В сборнике адатов влияние на обычай шариата законов Российской империи констатируется официально со времени учреждения горских словесных судов, т.е. с 1858 года. Таковы, например, «Сборник адатов горцев Владикавказского округа» Норденштрема (1849) или сборник адатов Ингушского общества, составленный в 60-х годах XIX века окружным начальником.

Само слово **«адат»** // привычка – арабского происхождения, означал **«обычай»**, как и у всех кавказских горцев (мусульманских народов). адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т.п. отношениях [4, с. 4-6]. В Ингушетии адат имел троякое значение: обычая, живущего в народном предании, способа разбирательства судебных дел и наконец, закона, действующего в определенной местности [5, с. 15].

Говоря о значении норм обычного права, А. Руновский писал: «Это слово «адат» так часто упоминалось в каждом из сочинений о Кавказе, что едва ли нужно вдаваться в подробные объяснения его смысла, довольно сказать, что «жить по адату», «судиться по адату», - значит жить и судиться по тем неписаным правилам, которыми руководствовались с незапамятных времен [6, с. 328]. За покушение на общественную собственность или невыполнение общественных работ адат строго наказывал виновного. Сельское управление взимало штрафы (овцами, медными котлами, зерном) за распашку, покос, потраву общественных земель и т.д. Ряд адатных норм предусматривал подобные же наказания за загрязнение селения, источника и др. Если адатные нормы не давали ответа на какую-либо конфликтную ситуацию, мог появиться новый адат, то есть по мере надобности адат обогащался новыми положениями.

Таким образом, адат является первым звеном соединения человека и общества. Человек, желая оградить себя от насилия, чувствует необходимость в тех условиях создать правила, на которых бы строилась общественная жизнь. То есть, это целый комплекс правил и норм, которые затрагивали все стороны общественной, хозяйственной и семейной жизни. В первую очередь эти правила направлены на регулирование общественных отношений в определенной местности для данной этнической или социальной группы населения. Важно заметить, что здесь в роли средств воздействия выступает общественное мнение, являющееся принудительной силой по обеспечению норм обычного права при их нарушении. Правовые нормы неписаного житейского кодекса позволяли предать любого нарушителя всеобщему нравственному осуждению и отвержению. В современной же действительности мы сталкиваемся, к сожалению, с иными вещами.

С принятием мусульманской религии, согласно с народными обычаями и догматами Корана, были составлены законы адата для тех случаев, когда народ по своему праву, по своим обычаям не мог судиться, т.к. в Коране сказано: в наследственных делах, духовных завещаниях и опеке определили разбираться по шариату. С тех пор права эти закрепились в народных преданиях и живут постоянно в памяти народной. Таким образом, было создано смешанное законодательство, составленное из двух противоположных элементов – шариата, основанное на общих правилах нравственности, религии и адата – закона, основывающегося на обычаях предков.

А.М. Ладыженский под обычным правом понимал «определенную совокупность правил внешнего поведения», которая включала в себя три компонента. Во-первых, эти правила должны были рассматриваться членами социального объединения, как обязательные. Их обязанность связывалась либо с влиянием условий обще-

ственной жизни, либо с наличием какого-либо значительного общественного авторитета. Во-вторых, эти нормы должны были исполняться всеми членами данного общества. При их нарушении одним из членов коллектив принимал репрессивные меры. И наконец, эти нормы должны были защищать интересы определенной общественной группы, являвшейся или зачатком класса, или уже вполне сложившимся классом [7].

Исследователь обычного права Б. Далгат отмечает, что ингуши «… вообще же судов не любят. Никогда конфликтные ситуации среди ингушей не оставались только в компетенции государственных судов, во все времена споры между собой (участники конфликта) разрешали также через посредников – **«тоама уха нах»** по адатам [8, с. 224]. Что касается мести, то она уцелела у ингушей и после забвения культа предков, и после разложения родов, и также сильно держится и поныне. Очевидно, кроме культа предков и родового строя жизни, она нашла для своего существования и иную почву. Почва эта – тяжелые условия бесправия, малоземелья; это – одна из форм борьбы за существование между отдельными семьями, когда взамен распадающегося старого быта в Ингушетии, никакого нового устойчивого бытового порядка не создалось [9, с. 103-104, 49].

Интересен и тот факт, что каждый ингуш был равен перед адатским судом и не имел каких-либо привилегий. Субъектом обычного права выступал при этом как индивид, так и род **(«тейп»). «Тейп»** в понимании ингуша – это патриархальная группа людей, имеющая единого предка. Внешние условия и отсутствие у ингушей государственности способствовали сплочению родов-тейпов, и эта сплоченность придавала всей общине вид равенства, братства, защиты интересов друг друга. Б.К. Далгат определяет род как «союз кровного, личного, экономического и религиозного союзов самозащиты и круговой поруки», и что все порядки в нем держатся на нравственном начале, а не на власти, на кровном, а не договорном, артельном или соседском. Здесь, - пишет Б.К. Далгат, - все делается по доброй воле родственников» [10].

Следует полагать, правовой обычай, был скреплен силой общественного мнения сородичей и силой рода по отношению к другим родовым союзам. Субъектом притязаний и обязанностей был род. Род судил и наказывал своих членов, он обязывал их нести ряд общественных повинностей. Каждый член рода ни в чем не должен был идти в разрез интересам всего рода. Нарушение внутриродственных адатов каралось внутриродовой или территориально-общинной властью. Однако и сама эта власть была связана адатами [11, с. 16].

Выходит, адат как юридическая наука затрагивает вопросы, непосредственно связанные с бытом (уголовный порядок, семейные, наследственные проблемы). Получается, что ингушский этикет, подчеркнутое гостеприимство, уважительное отношение к старшим, взаимопомощь, военная доблесть, кровная месть – в большей степени базировались на нормах адата. Больше того, нормы о праве имеют прямое отношение к социальным нормам, под которыми принято называть правила, регламентирующие поведение людей.

Примечательно, что в Ингушетии существовали различные судебные институты, которые функционировали в период той или иной политической системы. Верховным органом, как известно, был **«Мехк-кхел»** (дословно Совет страны, или суд страны). По данному поводу В. Багратиони пишет: что «… не знают они смертоубийства и мести за кровь; но если случится (убийство), то мирятся через совет своих старейшин» [12, с. 152]. Для решения и обсуждения общенародных вопросов и разбора частных споров собирались два (2) раза в год. В экстренных случаях созывалось внеочередное собрание **«Мехк-кхела».** Кстати, он являлся также и исполнительной властью. Решение его было обязательным для всех. За нарушение адатов и исполнение их в личных и корыстных целях общее собрание общины имело право освобождать старшину от своих обязанностей. При этом «малейшее нарушение обычаев, предписанных адатом при примирении, вызывает новый взрыв вражды, и примирение становится невозможным, так как это принимается за обиду» [13, с. 130].

При разборе обстоятельств рассматриваемых дел и определении выкупной платы (удовлетворение) и заключение перемирия **(«машар бар»)** старейшины в первую очередь смотрели – преднамеренное это убийство или случайное. Но до этих пор необходимо было разрешение на получение возмещения // выкупной платы за кровь пострадавшей стороной. Для этого в очень сложных случаях старики снимали головные уборы (папахи), а это не может оставить равнодушным никого, поскольку он связывался у ингушских мужчин с честью и он никогда не снимал его. Даже в помещении. Они становились на колени

и заявляли близким родственникам убитого, что не оставят их двор и не встанут с колен, пока не будет получено кровнику прощение и разрешение внести выкупную плату за кровь **(«пхьа»)** убитого.

Из всего этого следует, что традиции и обычаи рождает сама жизнь, сами сложившиеся ситуации, и они возникают на основе практических потребностей общества. На какой бы стадии своего развития оно ни находилось. Ингуши до сих пор сохраняют в большей мере весь целостный комплекс своей самобытной культуры вне зависимости от окружающей культурной и социальной действительности. Как нам представляется, в этом и состояла основная доминирующая преемственность многих поколений в данной этнической области; потомки ушедших в небытие горцев продолжали начатое ими благое дело. Пользовались по выражению профессора из Кабардино-Балкарии А.И. Мусукаева, уже усвоенными навыками, постепенно переходящими в совокупность общепринятых установлений. Земледельческо-скотоводческое хозяйство оседлого образа жизни способствовало формированию традиционного национального уклада и порядков, которые приучали к этому последующие поколения социоэтнической общности, определяли и устанавливали их средства и способы существования.

Отсюда и возникло обычное право, саморегулирующее взаимоотношения в традиционных горских обществах, превращая обыденные, бытовые действия в нормативные установления и впоследствии институализируя во всем проявлении и богатстве национальный обычай [14]. Поэтому в современном хозяйственном и семейном быту ингушей до сих пор сохранилось много традиций и обычаев, в своей основе носящих прогрессивный характер. Дело в том, что конфликт может возникнуть и в результате произвола, когда человек ставит свое **«Я»** выше норм права и морали общества. Общество карает личность за произвол [15, с. 722-723]. Право нуждается в поддержке нравственности: без постоянного взаимодействия с нравственностью правосознание имеет шаткую основу [16, с. 724].

В данном контексте стоит заметить, что сам обычай кровной мести и регулирование правовой ответственности также подчинялось ингушскому кодексу чести – **«эздел»** // **«г1улакх»** (поведение), включающему требования принятия присяги, выполнение данного слова и т.п. Так гость по ингушским обычаям прошлого – лицо неприкосновенное. Как писал Н. Яковлев: «Права хозяина в глазах ингуша настолько святы и нерушимы, что это правило не знает решительно никаких исключений или смягчающих вину обстоятельств» При этом «всякое проявление слабости или уступчивости в этом случае может навсегда уронить робкого хозяина в глазах ингушей, поставить его вне ингушского общества и закона. Словом, ингуш, не сумевший с оружием в руках защитить свое право хозяина «терял» все права свободного человека [17, с. 407]. «Нарушение обычая гостеприимства влекло за собой суровое наказание и даже расценивалось обществом как преступный акт» [18].

Примечательно, что для правового содержания адатов был характерен естественно-правовой рационализм. Естественно-правовые категории преступления в обычном праве ингушей различали покушения: 1) на жизнь, 2) свободу, 3) имущество. В истории ингушского этноса отношения возмездности за понесенный ущерб и способы их регулирования эволюционировали от самораспрaвы к медиаторскому суду. Институт мести **(«пхьа-лехьар»)** и обязательство мщения **(«чир-лех»)** как справедливая привилегия потерпевших приобретали легитимную форму. Альтернативой цепной реакции взаимных убийств, не имеющих срока давности, становилось заключение мира **(«машар»).** Неудовлетворение естественных прав личности рассматривалось как покушение на достоинство и на уничтожение рода [19, с. 13].

Родственные отношения всегда считались священными у ингушей, и они всегда основаны на взаимных обязательствах. В этой связи Ю.С. Семенов писал: «Связывают людей не вовсе родственные отношения сами по себе, а те факторы, которые делают их общественно значимыми для людей»[20, с. 84] .

При исследовании норм обычного права ингушского общества, особого рассмотрения заслуживает институт кровной мести, корнями своими восходящий к родовому быту, но продолжавший существовать и в последующие периоды соответствующим образом в измененном виде. В условиях сельско-общинного быта, это единственный институт, сохранивший наиболее тесные связи с породившей его средой, непосредственно отражающий отношения между родами, а не территориальными группами. Этот институт не одну сотню лет был частью традиций и обычаев народа, занимал важное место в общественной жизни горцев, являясь одним из важных регуляторов человеческих взаимоотношений, регулирующий в горах гражданские отношения и сдерживающий страсти.

Кровная месть среди ингушей институт очень древний. «древний обычай кровной мести, - отмечал Льюис Г. Морган, - который был так широко распространен среди человеческих племен, зародился в недрах рода»[21, с. 46]. По преданию, исторически этот жестокий обычай возник в глубокой древности, как одно из средств самозащиты, регулирующий среди горцев гражданские отношения. У профессора Н. Яковлева об ингушах прошлого сказано: «…тяжелые условия жизни могли только ожесточить ингуша. Напряженная жизненная борьба сделала его до крайности подозрительным, вспыльчивым и обидчивым [22, с. 3]. В таких условиях он становится часто жертвой случая.

Как ни печально, он и поныне сохранился в виде пережитка в измененном виде. Часто также выступал как мощный сдерживающий фактор при различных экстремальных ситуациях, в которых оказывались люди. Сдерживающая сила кровной мести состояла в неотвратимости ее осуществления. Функции данного института во многом были весьма существенными у ингушей, как и для остальных горцев Кавказа, если учесть, что у них не было на протяжении многих столетий государственных правоохранительных органов.

С одной стороны, мы связываем это – с долгим отсутствием государственности в обществе при необходимости защиты рода и членов семьи от нападения со стороны, с другой – с культом предков, и в связи с этим, осознанием необходимости осуществления долга перед убитым родичем. Порою из-за пустяка дело доходило до убийства. Пощечина (в отличие от удара) как одно из тягчайших оскорблений также служит поводом для серьезного конфликта. Одним из самых обидных для горца обстоятельств может служить напоминание в любой форме (в виде колкостей, насмешек, прозвищ и т.д.) о не очень достойном поступке его предка, что может привести к самому серьезному конфликту. В связи с этим в течение многовековой истории данного обычая образовался целый комплекс правил и норм поведения, соблюдение которых делает невозможным возникновение самого состояния кровной мести. В основе этого комплекса лежит ингушский этикет **(«эхь-эздел»)**, включающий в себя сдержанность, хладнокровие (трезвость ума), уважение к личности, благородство, умение тщательно взвешивать слова и жесты, особенно в отношении женщин и предков.

Гражданское самосознание ингушей в целом определялось неприкосновенностью достоинства личности, ее моральной и материальной ответственностью перед семьей, родом, обществом. Вот что писал по этому поводу Е.Марков в изданных в 1904 году «Очерках Кавказа»: «Горец совсем не дорожит жизнью, если эта жизнь чем-нибудь обесчещенная. Получается месть – это не только долг, но и особое дело чести. Неисполнение долга мести покрывалось общественным позором.

Затронутую нами для исследования тему, философ-правовед Герхард Робберс объясняет таким образом: «В архаических обществах, где нет государства и судебных институтов, функцию правосудия берет на себя чувство мести. Оно и санкция, и механизм восстановления справедливости. Такая функция обеспечивает правильное поведение людей в скрепляющих их социальных структурах». Не следует упускать из виду и экономический мотив. В одиноком мире горных селений семейные кланы сильно зависели от рабочей силы каждого из мужчин. Если его убивал кто-то из членов другого клана, всему роду наносился тяжелый ущерб, который необходимо было уравнять. По данному поводу И. Путкарадзе пишет: «…Обычай мести, возникший в родовом обществе, прошел сложный путь развития экономического прогресса и, соответственно, разложения родового строя. Обычай мести постепенно ослабевает и уступает место системе композиции… Основной целью композиции, было удовлетворение пострадавшей стороны путем материального вознаграждения за причиненное зло» [23, с. 53].

Автор правильно отметил основную суть – примирение сторон, враждующих из-за кровной мести, которое предусматривает материальное вознаграждение пострадавших. Этот обычай необходимо было соблюдать, как и другие обычаи, предписанные ингушским этикетом.

Следует полагать, обычай кровной мести, по мере развития общества, меняет свою правду. Появившись как норма, соответствующая принципу «око за око», «зуб за зуб», «кровь за кровь», «жизнь за жизнь», обычай этот постепенно перерастает в систему композиции, которая в процессе развития и изменения экономических социальных условий жизни народа, все более отходит от своего первоначального значения, более приближаясь к «вире», как стоимости крови. К примеру примирение сторон осуществлялось и через уплату штрафа за оскорбление личности, увечье или убийство. Справедливость должна была восстанавливаться, но не больше того. За выбитый зуб – только зуб, а не вся челюсть. И

только глаз, а не вся голова. С совершением ответного убийства – «кровь за кровь», кровная вражда прекращалась. За долгие годы развития обычая кровной мести сформировалась система мер замены кровной мести по обычному праву. Данный процесс перехода кровной мести к иным мерам ответственности происходил постепенно и занял длительный промежуток времени. Вместе с тем, ингушское обычное право дает возможность оскорбленной стороне удовлетворение и без лишения жизни виновного. Между тем, убийство без намерения – нечаянное убийство.… За это не берут кровь. Не лишают человека жизни [24, с. 17].

Необходимо заметить, что историческое развитие ингушского народа обусловило становление всех общественных институтов этноса. Одним из ее главных факторов было обычное право ингушей. Так откуда появилась кровная месть и как она видоизменялась на протяжении веков? С какой целью она появилась? Прощалась ли кровь убийце и как это происходило? Нужна ли она в наше время? Вот перечень немногих вопросов, которые мы постараемся охватить в данной работе.

Прежде всего, отметим для себя, что под убийством, совершенным по мотиву кровной мести, понимается умышленное противоправное лишение жизни лица за причиненную виновному или его родственникам тяжкую кровную обиду, совершаемое с целью отмщения. Р. Вердье отмечал в своей работе, что месть это «двухсторонний обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного. Обида вызывает контробиду, и начальное отношение переворачивается, и теперь оскорбленный… становится оскорбителем, потому что она является ответным актом за содеянное преступление [25]. К кровным делам, прежде всего, относятся: а) убийство, б) нарушение женой супружеской верности, в) увоз жен и невест. Дела эти побуждают у горцев на самые отчаянные и кровавые преступления.

Однако так же как запрещение кровосмешения зиждется на законе экзогамии, которая определяет структуру брачных обменов, точно также месть основывается на законе обмена, который определяет структуру системы возмездия (мщения). Таким образом, месть перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, а становится нормой, которую закрепило общество. Основанием для возникновения кровной мести является смерть, нанесение тяжкой кровной обиды, являющееся, как правило, преступным деянием, как убийство, насилие, причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, оскорбление [26, 35-37].

Однозначно кровная месть в Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, всегда являлась сдерживающим фактором при локальных межродственных конфликтах. Чтобы не допустить кровную месть, многие конфликтующие люди не шли на крайние меры. Не допустить совершение убийства по мотиву кровной мести и в дальнейшем – «цепи» убийств, возможно лишь путем применения примирительных процедур. Тем не менее, общеизвестно, что институт кровной мести присущ не только ингушам, но и другим народностям. В Индии, на Аравийском полуострове, в некоторых горных областях Греции, у южных славян, албанцев на Корсике, в Южной Италии, в некоторых регионах Испании, а также в регионах России – Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Северной Осетии; в рамках СНГ – в Средней Азии, Казахстане и т.д. до сих пор существует вендетта. Здесь до сих пор мстят за смерть близкого человека. Само слово **«вендетта»** в переводе с итальянского означает **«месть».**

Безраздельное господство кровной мести – этого поистине всемирно-исторического института, возникшего вместе с человеком, - продолжалось до той поры, пока единственной платой за жизнь человека могла служить жизнь другого человека [27, с. 49]. Для этого, в первую очередь, необходимо заметить, что опустошительные последствия кровной мести привели к выработке ряда способов прекращения этого бедствия. Поскольку, бесконечная вереница взаимных убийств подрывала общество изнутри, поэтому в целях самосохранения оно и выработало эти способы. К тому же, примирение кровников приобрело характер довольно сложных обрядов, в которых в первую очередь важны были этикетные элементы.

Вахушти Багратиони, видимо хорошо осведомленный относительно этого сектора Центрального Кавказа, пишет, что адаты (право) горцев Ингушетии основывались на принципах родовой организации: взаимоответственности членов рода и верховенства совета старейшин рода. Вот, что у него об этом имеется: «…не знают они смертоубийства и мести за кровь. Но если случится (убийство), то мирятся через совет своих старейшин» [28, с. 152]. С одной стороны указание Вахушти на то, что «мирятся» с помощью своих родовых старейшин, доказывает, что есть, очевидно, возможность и не мириться». А раз так, то это и составляет кровную месть за

убийство родственника [29, с. 49]. С другой стороны эта характеристика обычая кровной мести в Ингушетии категорически указывает на то, что к середине XVIII века он уже давно потерял свой первоначальный характер, и в основном превратился в церемонию примирения, характерную для развитого общества, и основанную на материальной ответственности.

Состояние кровной мести предусматривало установление между двумя семьями, родами самых враждебных отношений. Отомстить за убитого отца, брата, сына был обязан каждый ингуш. Строгость обычая кровной мести, кроме всего прочего, объяснялось и тем обстоятельством, что злонамеренное убийство невинного человека считалось самым страшным из семи величайших грехов по мусульманской религии.

По исламу к семи величайшим грехам относятся: 1).убийство (самоубийство), 2).прелюбодеяние и мужеложство, 3).воровство, 4).недоказанное обвинение в прелюбодеянии (клевета), 5).нападение из засады с целью грабежа, 6).употребление спиртного, 7).несоблюдение без веских причин пятиразовой молитвы. Когда речь идет о кровной мести, ингуш не признает никаких заслуг врага, не считается ни с его имуществом, ни со служебным положением, ни даже со степенью его вины. Всякое деяние от проступков до преступления подлежало удовлетворению соответственно обязательным нормам: местью, поединком, выкупом. Самое сильное наказание – кровная плата. По адату, месть – это справедливая привилегия потерпевших, поэтому никто не вправе помещать мстителю [30].

Как пишет М.А. Агларов, «право уничтожение преступника было предоставлено любому при соблюдении определенных условий, что практически означало, что кровомщение было делом ближайшей родни, прежде всего, по отцу, и затем любого, кто возьмет на себя эту обязанность». По шариату же на такую инициативу имел право только близкий родственник, или, точнее, тот из родственников, кому полагалась доля от наследуемого имущества жертвы преступления [31, с. 150]. Ингуши знают случаи, когда в виду отсутствия сына осуществление кровной мести брала на себя дочь, сестра потерпевшего; если у него не осталось или нет прямых родственников по отцу. Осуществление мести брали на себя в этом случае и его родственники по матери. Отступить от казавшихся единственно приемлемыми и незыблемыми в веках и поколениях правил, порядков, норм поведения, т.е. адатов, означало опозориться перед родственниками, односельчанами, обществом, перед памятью предков и будущих потомков.

Кровная месть распространялась на мужскую часть родственников в возрасте от 16 до 60 лет. В связи с тем, что у горцев понятие вины при кровной мести предполагало коллективную ответственность, формально объектами мести становилась вся мужская половина родственников оскорбителя или убийцы в пределах вышеуказанного возраста. Однако фактически в первую очередь под месть подпадал сам убийца (или оскорбитель), далее сыновья, братья, отец. В случае недосягаемости убийцы (оскорбителя) для мщения выбор падал на самого уважаемого в роде или любимого в семье человека, за исключением женщин, несовершеннолетних детей, стариков и инвалидов. Месть, кроме того, выступала орудием устрашения других родов, средством демонстрации силы и могущества, что являлось, по словам А.М. Ладыженского, краеугольным камнем обычая [32, с. 162].

Естественно, мы допускаем, что меду людьми возникают противоречия, ссоры. Но ингушский этикет требовал, что обе стороны конфликта должны уступить друг другу, пойти навстречу друг другу. Если ссора (конфликт) между сторонами обошлась без нанесения друг другу ранений или телесных повреждений, а предмет спора что-то материальное (скот, земельный участок и т.д.), то такие ситуации стремились решить путем достижения компромисса, учитывая интересы обеих сторон. Фактором сдерживания кровной мести служил и институт примирения с его детально разработанной обрядовой стороной и смысловой символикой. По сути, это «блокировало» и «разводило» жаждущих мести и потенциальных жертв, давало время для водворения спокойствия и принятия мер к примирению, ограждало общину от ответственности за возможные на ее территории случаи кровной мести «по ошибке».

Научное объяснение института кровной мести сводится к тому, что родовая, или семейная община дорожила всеми членами своей хозяйственной единицы как целого. Именно страх перед местью останавливал многих поднимать руку на других, учинять самосуд, то есть существовала своего рода боязнь возмездия. Осознавая, что возмездие настигнет сразу же либо со временем, горец опасался совершить человекоубийство или нанести кому-либо бесчестие. Но дело в том, что не только жизнь убийцы находится в опасности. Часто случается и так, что за деяние одного отвечает ни в чем неповинный

его родственник и непременно близкий. Дальнее родство не дает оснований для возмездия. Если же так произошло убийство, то первые действия по примирению сводились к тому, чтобы добиться прощения для родственников убийцы, не принимавших участие в убийстве и никак не способствовавших ему в этом деянии.

В том случае, если убийство было случайное, неумышленное, то очень часто кровь прощалась в день похорон. В остальных вариантах по истечении определенного выдержанного промежутка времени по настоятельным многократным просьбам посредников, затем только уже речь могла идти о полном примирении. Говорят, что по истечении десяти лет у арабов прощают кровь. У ингушей же временных интервалов нет. Вендетта могла длиться 10, 20, 50, 100 и больше лет, как говорится «кровь в этом деле не старится».

Как отмечал русский исследователь А.В. Комаров, «по адату безнаказанно дозволяется убить:

1) каждому своего кровного врага;

2) насилующего, нападающего из засады, грабителя, объявленного врагом общества;

3) хозяину дома или поля – вора, пойманного на месте преступления;

4) мужу, отцу, сыну и брату – всякого застигнутого в прелюбодеянии с женою, дочерью, матерью или сестрою.

Но при этом безнаказанным остается только убийство обоих виновных, нарушение этого правила по воле означенных лиц, считается как обыкновенное убийство; в мужеложстве, оба виновные могут быть убиты родственниками, и 5) похитители женщины при преследовании родственниками похищенной. Затем всякое убийство влечет за собой кровомщение…» [33, с. 23].

В ингушском обществе практически все спорные моменты и конфликтные ситуации рассматривались судьями общего права – **«кхелахой».** Совет страны - **«мехк-кхел»** уже сотни лет назад мирно регулировал отношения собственности, семейный быт, даже ссоры супругов, возникшие на почве ревности. Старейшины, избираемые по каждому отдельному случаю возникновения взаимоотношений кровной мести, руководствовались нормами дошариатского происхождения, ибо ислам в Ингушетию, как известно, проник сравнительно поздно. Каждое село выбирало группу людей, хорошо знающих традиции и обычаи своего народа. В настоящее время он изжил себя, однако **«юрт-кхел»** - «суд-села» внутри села еще существует.

По словам А. Генко, ингушское **«кхиел»**, в настоящее время имеющее значение «совет», «решение», «постановление», первоначально означало «третейский суд выборных стариков-медиаторов», откуда и «народный судья», «медиатор». Этот термин А. Генко сопоставляет с грузинским **«хели»** в значении рука, власть, правосудие [34, с. 739]. В этом ряду фактов привлекает внимание и сообщение И. Цискарешвили, по свидетельству которого у тушин **«хел»** выражало понятие нормы обычного права [35, с.159]. От этого термина ведет свое происхождение и ингушское **«кхелам»**, обозначающее размер «виры» - стоимость крови». По свидетельству К. Борисевича, которое относится ко второй половине XIX века, термин **«кхелам»** им фиксирован в значении «задаточного калыма», который в данном случае обозначает предварительный взнос просящего примирения для обеспечения начала переговоров [36, с. 261-262].

Перед рассмотрением дела, обе стороны (подозреваемая и потерпевшая) ли, давали клятву, что они поступят по решению медиаторов. Они говорили: «клянемся высшим Богом, что вы сделаете тяжелого, мы возьмем на спину: что вы сделаете легкого, то возьмем в руки, останемся довольны решением вашим, как бы вы ни решили» [37, с. 221]. Вознаграждения судьям не было; было лишь угощение им от выигравшей стороны.

Мы здесь рассматриваем самый сложный вопрос обычного права – «убийство», т.к. от того, как улаживается данный вид преступления, можно узнать о способах урегулирования мелких споров и конфликтов, о принципах разбирательства через уполномоченных представителей судов обычного права. Институт кровной мести в Ингушетии, видимо уже ко времени Вахушти Багратиони принял характер сложных имущественных обязательств между кровниками, так же, как и у многих народов Кавказа. По записям Н. Яковлева полная стоимость – плата крови **(«пхьа»)** в Ингушетии во много раз превосходила весь достаток горца. Она равнялась 120-130 коровам, 3 лошадям, в числе которых одна лошадь должна была быть полностью снаряжена, отрезу шелковой ткани грузинского производства – **«даьрий»,** кусок шелка употреблялся для изготовления священного флага – **«байракх»** в честь убитого, а также одному быку для угощения, который закалывался при примирении [38, с. 72]. За кровь женщины – 90 коров [39, с. 119].

Вместе с тем существовала и другого рода дифференциация, предполагавшая различную ответственность членов родственной группы

убийцы в зависимости от степени родства с ним. По сведениям, записанным Н. Харузиным, брат убийцы должен заплатить 12 коров, ближайший двоюродный брат – 11, двоюродный брат второй степени 10 и т.д.[40, с. 75]. Как мы видим, с развитием производства обычай кровной мести несколько смягчается, возникает возможность, откупится от угрожающей члену рода кровной мести. Об этом свидетельствуют и древнегреческие Гортинские законы и сборник древнерусского феодального права «Русская правда» (они устанавливали штраф за убийство). А.В. Комаров отмечает: «везде убийство наказывается кровомщением или примирением на известных условиях»[41, с. 9] . На это же указывает и С.Н. Рейнеке [42, с. 9]и другие. Ингуши в большинстве своем отвергали примирение посредством выплаты «цены крови», считали большим позором таким образом «продавать или торговать» кровью убитого.

Однако следует заметить и следующий фактор, дело в том, что члены семьи, рода убитого могли уклониться от примирения с убийцей или его родом. Перед началом кровного преследования, потерпевшая сторона посылала представителей нейтральных фамилий официально объявить кровную вражду противной стороне. Сторона ответчиков не во всех случаях принимала на себя вину, а в некоторых могла и оспаривать. В таких случаях полагалось приводить подозреваемого в преступлении к присяге (произнести присягу – клятву) – **«дув».** Это делалось в случае согласия обвиняющей стороны. С принятием мусульманства форма клятвы (присяги) у ингушей изменилась, т.е. стали приносить на Коране. К такой присяге в прошлом привлекались 63 человека из рода преследуемой стороны, клятва каждого мужчины равнялась одной корове. Более позднее время присягу стали приносить 18 человек.

Делается это в исключительных случаях, когда деяние имеет место, а лицо, совершающее его, пытается уйти от ответственности, или при необходимости установить виновное лицо путем принуждения к принесению клятвы о непричастности к данному деянию. Делается это и в таких случаях, когда подозреваемых несколько и при этом нет свидетелей и нет улик. Если подозреваемый приносил присягу о своей невиновности, в этом случае он освобождался от последствий преступления, его перестают преследовать, с него снимают подозрения и оставляют в покое. Но, если он давал ложную клятву, то после этого вступали в силу нормы адата (народное право) и шариата (исламское право). Он терял авторитет в обществе и его не считали человеком, не говоря уже о том, что приводила к бесчестию. Лжеклятва считается у мусульман адским грехом, и поэтому подвергать опасности Божьего гнева такое количество родственников человек обычно не рискует. В таком случае его ждет высший Божий суд. Ингуши уверены, что лжеклятва – великий грех, и он непременно отразится в потомстве.

По сути, клятва была выражением высшей формы правдивости и чистоты человеческих отношений, поэтому и произносить ее слова мог не каждый. И вообще необходимо заметить, что клятва играла большую роль в общественном быту ингушей и в деле регулирования общественных взаимоотношений.

При разборе дел по адату, доказательства всегда представляет истец. Доказательствами считаются: собственное признание и наказание свидетелей. Число свидетелей зависит от важности разбираемого дела. В делах, влекущих за собою кромщение, как, например, по убийствам и прелюбодеяниям, требуется четыре свидетеля. Во всех прочих делах считается достаточным двух свидетелей. При одном свидетеле требуется присяга истца, и тогда для доказательства считается достаточным двух свидетелей. Свидетелем может быть всякий, достигший 15-летнего возраста мусульманин, который в полном разуме и к разбираемому делу неприкосновенен. Не допускаются к свидетельству лица женского пола, родственники (дальнее родство в тяжелых делах не имеет значения), люди, опороченные общественною молвою и питающие к противнику явную вражду.

Если выбранный родственник без уважительной причины не соглашается принять присягу, то этим доказывается неблагонадежность свидетеля, который в таком случае к свидетельству и не допускается. Показание свидетеля принимается за доказательство, если он лично присутствовал при совершении дела, по которому его спрашивают, или узнал обстоятельства дела из уст самого ответчика. Показание же слухом от других людей, ни в каком случае за доказательство не принимается.

Следует отметить, что в давние времена при убийствах и других преступлениях, влекущих за собою кровомщение, требовалось 40 присягателей (число присягателей не может быть более сорока). Такое же число присягателей требовалось при покраже из дома, где находится семейство хозяина, из мельницы, из мечети и при воров-

стве плуга с поля и т.д. При воровстве лошади или буйвола, цена коих редко превышает 100 р., требовалось девять присягателей. При воровстве быка или коровы, оцениваемых обыкновенно от 10 до 30 руб., требовалось пять присягателей. При воровстве барана или другой мелкой скотины, требовалось по одному присягателю на каждую голову.

Следует полагать, что ветхий завет «кровь за кровь» существовал между кавказскими горцами еще до внесения в их среду ислама. Это доказывается и тем, что горцы не мусульмане (осетины, тушины, пшавы, хевсуры) придерживались этого обычая еще суровее мусульман, и тем, что в арабских летописях Дагестана упоминается о существовавших у неверных горцев – правил ответственности за кровь. Однозначно, главным в убийстве была не причина, а последствия. Именно за последствия своих действий и отвечал каждый человек.

Для того чтобы добиться от хозяев крови согласия на примирение, прибегали к разным средствам: подсылали посредников по несколько раз простить кровь во имя Бога. От посредников практически зависит весь исход дела. От их умения убеждать в необходимости заключать перемирие, личного авторитета, прошлых заслуг в решении подобных дел зависело, насколько скоро и полно будет положен конец противостоянию двух (а иногда и нескольких) фамилий. Профессор Н.Ф. Яковлев по этому поводу говорит: «В посредники люди шли по собственному желанию или по просьбе подозреваемого. Идут наиболее влиятельные и уважаемые старики селения, иногда целой округой. Особенно те, мнение которых имеет вес для обвиняющей стороны…» [43, с. 245].

Для поиска компромисса, судьи приводили аналогии, когда более сложные ситуации требовали мирного решения. К тому же, вопросу примирения посредники подходили дифференцировано. При этом необходимо было предметно учитывать историческое многообразие вековых традиций, сам уклад жизни ингушского народа, отношений между ними, самобытного характера их обычаев и т.д. Посредникам приходилось убеждать родственников убитого, что намного лучше взять плату и получить в лице противной стороны не вечных врагов, а названных братьев. Если удавалось добиться разрешения на уплату, то выплачивалась первая часть «хьелам» - «похоронных» 12 коров. Б.К. Далгат об этом пишет: «…Кровную плату 12 коров платят до примирения (это гарантия в том, что примирение будет, если они взяты); затем дают и остальных коров до 130.

Плата за штраф за пролитую кровь у кистов, к примеру, была разной. Так, в селе Джоколо штраф за убийство мужчины выплачивался в сумме 70 коров, в селе Дуиси – 63 коровы. Штраф был трех видов: 1. Выплата коровами. 2.выплата деньгами. 3. Выплата медью. Удар кинжалом штрафовался 10 коровами, выкалывание глаза – 15 коровами, удар по голове с ушибом – 7 коровами, за огнестрельные раны – 10 коровами. За отрубание пальцев плата была следующей: за мизинец – 1 корову, за безымянный палец – 4 коровы, большой палец – 5 коров. Согласно традиции, в селении Дуиси за кровную месть выплачивали стоимость в 63 коровы, так как клятва каждого мужчины равнялась одной корове. В последнее время стоимость крови равна 18 коровам и ее платят 18 человек [44]. Вообще-то прощение являлось огромным облегчением для всех родственников и для всего общества.

Касаясь поставленной проблемы, исследователь обычного права Б. Далгат отмечает: «…виновнику поможет родня его, но не общество…»[45, с. 185]. Вполне понятно, что родственники не мирились с бесконечными преступлениями (убийства, ранения, кражи и т.д.), в этом случае род требовал от него их прекращения, а иногда даже отказывался от него. По этому вопросу Султан Адиль-Гирей писал: «Если какой-нибудь член общества часто вводит общество в расходы по уплате пеней, то общество имеет право изгнать его[46, с. 30] .

Заслуживает внимания и то, что у горцев Северного Кавказа существовал такого рода ритуал, когда один из близких родственников убитого совершал процедуру бритья головы и бороды кровника. Это означало не только окончательное прощение и безопасность, но и начало мира между враждующими фамилиями (в противном случае сесть под нож кровника без доверия, от исхода происходящего, было бы опрометчиво). С этого момента прощеный и его близкие родственники обязаны были с большим уважением относиться к простившим им кровь людям. Проявления неуважения со стороны прощеного или его родственников могло стать поводом для отмены прощения, и тогда вновь могли вступать в действие законы кровной мести.

Развитие феодальных отношений и сопутствующий ему рост социальной дифференциации общинников способствуют перерастанию обычая в развитую систему композиций, в которой отражаются «уровень развития», экономи-

ческая жизнь народа [47, с. 229]. Плата за кровь начинает занимать ведущее место в этой системе и не только у ингушей, но и у других народов Кавказа [48, с. 15] . Во вторую половину XX века преследоваться в качестве кровника стал не только сам убийца, «имеющие» право на месть сужается до отца, брата, сына, запрещалась месть вообще, если убийство произошло нечаянно или, если вопрос шел только о ранении. В каналы удалялся сам убийца и его ближайший родственник (до примирения с родственниками убитого и уплаты…) [49, 148]. Упростился и обряд примирения.

После переговоров доверенные убийцы приходили к соглашению, когда и кем будут вручены деньги и другие средства в счет «цены крови», чем именно будут расплачиваться семья и родственники убийцы: скотом, кустарными изделиями, одеждой и утварью и т.д. Передающие эти (средства) убийца и его родственники приближались к дому убитого уже не на коленях, как того требовал адат. Неторопливая скорбная процессия направлялась к дому убитого, вблизи которого убийца и его ближайшие родственники обнажали головы. Через некоторое время к ним подходил старший по возрасту, родственник убитого и произносил: **«Даьла къинт1ера волалва шоана!»** - «Да простит вас Аллах!» После чего мужчины обеих сторон обменивались рукопожатиями и между двумя семьями устанавливались мирные отношения. В рукопожатие вкладывается глубокий смысл, так как с древних времен этот жест означал примирение между враждующими сторонами.

Продолжая исследуемую тему, следует заметить, что возможность примирения кровников, предусмотренная адатом, использовалась для ослабления обычая кровной мести. Таким образом, процесс разложения патриархальных и развитие феодальных отношений, проведение судебно-административных реформ были теми причинами, которые способствовали некоторому переосмыслению патриархального обычая и все большей замене кровной мести денежным выкупом. Тем не менее, происшедшие перемены были не на – столько глобальными для утверждения, что кровная месть в этот период «не имела ничего общего с кровной родовой местью».

Следует также заметить, что примирение через выкупную плату – явление позднее. В далеком прошлом получение платы за кровь рассматривалось как нечто недостойное, постыдное. Но с дальнейшим развитием социально-экономических отношений плата за кровь начинает занимать ведущее место в системе композиций народа. Значительная роль здесь, видимо, принадлежит влиянию ислама ибо «…Коран советует всякое кровное мщение заменять денежным возмездием, обещая за это место в царстве небесном». Имам Шамиль так же, когда власть его над горцами усилилась, стремился ограничить кровомщение строгим наказанием убийц и заменить кровное мщение выплатой – «дията».

Убийства до 1865 года решались в народных судах по обычаю (адату), с того же времени они подлежат суду и по русским законам. Эта новая мера, удаляющая всегда убийцу из родного края – наказание очень неприятное для горцев, - больше сдерживает их от подобных преступлений, тогда как при обычном решении они отделывались только установленною кровною платою. Таким образом, следует полагать, что существовали действенные меры к прекращению вражды – это адаты, то есть неписаные законы народа, обычно правовые нормы, обязательные для всех. Все уголовные и гражданские дела решались у ингушей судом по обычаю.

В прошлом категорически запрещалось по законам гор убийство из-за угла, внезапно, без всякого предупреждения. Месть всегда должна была свершаться в честном поединке. Нельзя было мстить, если рядом с кровником находилась женщина. Не допускалось участие детей в совершении мести, но и здесь можно привести много примеров, когда мальчики 14-15-16-ти лет возвращали кровь своих близких родственников. При встрече с кровником правом первого удара, выстрела обладала потерпевшая сторона. Большим позором считалось убивать из кровной мести женщину, слабоумного, больного человека, категорически запрещались надругательства над трупом, мародерство. Во всех случаях возмездие осуществлялось не вопреки всему, а в рамках этикета, соблюдение которого считалось делом чести. Необходимо заметить также, что какое бы преступление человек ни совершал, в том числе и убийство, в ингушском обществе никогда не применялся метод телесного наказания.

Обычаи, связанные с ингушской системой композиции, хотя и не содержат социально-кодифицированных различий веры, по ее дифференциации, в зависимости от места ранения и степени повреждения, довольно последовательно повторяют соответствующие данные этнографии народов горного Кавказа. Степень повреждения, в частности, определяется глубиной раны и ее длиной, которая соответствующим образом измеряется. По свидетельству Н. Яковлева в Ин-

гушетии измерение раны производится зерном или пальцами [50, с. 25]. Этот способ измерения раны описан и другими авторами, известен он и другим народам С. Кавказа.

Н. Хизанашвили, описывая обычаи, связанные с кровной местью, подробно излагает порядок измерения раны. По его словам хевсуры, различая ранения, в первом случае имеют заранее разработанную шкалу, а во втором производят измерение раны, посредством зерен, укладываемых попеременно в длину и поперек, по шерстяной нитке, соответствующей длине раны [51, с. 72]. Ранее свидетельство об указанном способе измерения раны в Хевсуретии принадлежат Д. Цискарешвили, по словам которого «Ранение лица определяют ее размером. Вначале измеряют длину раны стеблем растения или чем-либо другим, затем чертят соответствующую линию, а потом раскладывают по ней зерна пшеницы в длину и зерна ржи в ширину, отбрасывают крайние зерна и по количеству зерен определяют количество коров» [52]. Этот способ измерения раны по нему распространяется на ранения лица. В остальных случаях стоимость раны заранее известна и измерения не требует.

То же самое практиковалось и в Пшави. Сообщения о данном способе измерения раны попали и в компилятивный труд Н.Дубровина [53, с. 302]. Коснулся данного вопроса и Н. Худадов, который указывает, что к такому способу измерения прибегают лишь при ранении части лица, находящейся под волосяным покровом. Помимо того Н. Худадов, в отличие от Н. Хизанашвили, указывающего на одну треть отбрасываемых зерен, их количество определяет в две трети [54, с. 76]. Помимо Хевсуретии и Пшави этот способ измерения раны был известен и в Хеви, где, по сообщению В. Итонишвили, пользовались преимущественно рожью. Вышеуказанный способ измерения раны практиковался и в Осетии. По свидетельству в. Пфафа в Осетии для этого пользовались пшеницей [55, с. 272]. Обычай измерения раны посредством пшеницы в Ингушетии описан и опубликован Х.Д. Ошаевым.

Для выявления взаимоотношений между ингушским и хевсурским способом определения степени ранения и, соответственно, штрафа за рану, небезынтересно сопоставить материал из Хевсурети с данными письменных источников Грузии. Еще Вахушти Багратиони указывал, что мельчайшей единицей длины в Грузии является зерно [56, с. 26]. Однако имеется косвенное указание на то, что зерно в Иране также являлось единицей измерения длины. В «Книге назидания» Усама ибн Мункыза сказано: «Этого юношу поразила стрела, но не вошла в кожу и на глубину ячменного зернышка»[57, с. 111]. Упоминание зерна в связи с определением степени ранения, нам думается, не случайно.

Совместное обсуждение норм обычного права в сфере кровной мести хевсурами, ингушами, чеченцами, при наличии многих сходных черт культуры и быта, способствовало формированию стандартов композиции, что без наличия единой системы определения степени нанесенного физического ущерба, было невозможно осуществить. За полученные от раны увечья взыскиваются с виновного в пользу обиженного деньги в половину крови, т.е. 125.; за увечье считаются: потеря рассудка, потеря одного глаза, потеря языка или дара слова, потеря обоняния, невладение одною ногою или одною рукою и т.д. Действительность увечья удостоверяются туземным лекарем по лечениям раны. Если от нанесенных одним и тем же лицом ран произойдет увечье нескольких членов, то плата определяется в 2/3 цены крови и даже несколько больше. Но, ни в каком случае не равняется цене за полную кровь, которая назначается только за мщение жизни [58, с. 23-24].

Таким образом, следует полагать, раны делились на: 1)тяжелые 2) средней тяжести и 3) легкие. К первым относились такие, вследствие которых раненый лишался способности работать и самостоятельно существовать; ко вторым – повреждение черепа, лишение какого-либо члена и повреждение кости; к третьим – такие, при которых кость не тронута. Так, за отсеченную или покалеченную руку платили от 60-100 рублей. За каждый отрубленный палец от 5-10 руб., за рану, дошедшую до кости, брали до 20 руб., за легкую от 1-15 руб. Вот пример удовлетворений за раны: поранитель платит раненому: 6 р. деньгами, 6 мер пшеницы, 2 фунта масла, 1/5 фунта меду, кусок бязи и 2 барана. Он же платит лекарю за первое посещение для осмотра раны 2 руб. и за лечение 30 рублей. Другой случай; раненому 3 руб. деньгами, 3 меры пшеницы, 2 фунта масла, 1/5 фунта меду, кусок бязи и 1 одного барана. Через год рана переосвидетельствуется, и раненый получает еще 5 руб. и 1 барана; лекарю за визит 2 руб. и за лечение 15 руб [59, с. 23-24].

Если последствием раны наступила смерть, то, от какой-либо раны это ни произошло, виновный отвечает как за убийство. Иногда самая ничтожная рана влекла за собой смерть. Рана на лице оценивается дороже, чем рана на теле.

А величина ее измеряется, как уже отмечалось, величиной зерна или шириной пальца; потеря глаза оценивается еще дороже – в 90 коров.

Напрашивается вопрос, почему ингуши с такими усилиями ведут войну против убийц и подвергаются при этом новым опасностям? Ведь от этого приходит в упадок их хозяйство, нарушается спокойная, трудовая жизнь, а ответчики под постоянным страхом смерти бросают все свои полевые и домашние работы и разоряются вконец? Не лучше ли и не проще ли было бы ингушам передать дело преследования убийц властям. Дело в том, что в то время ингуши еще не вполне понимают, что такое государственная власть. Прежняя русская власть всегда была для ингуша чужой, появившейся на Кавказе для того, чтобы отобрать у ингуша землю, свободу и надежду на безбедное существование. Русские власти и русские суды существовали в его глазах для того, чтобы защищать и оправдывать казаков и преследовать ингушей. Поэтому в своих домашних делах ингуш не доверял этой власти и ее судам, а предпочитал разбирать дела в выборных посреднических судах, по всем правилам и обычаям старины [60, с. 95], а мудрые ингушские старики – большие знатоки разных тонкостей этого дела.

Ингушскому обычному праву при осуществлении судебного производства известно два вида доказательств: прямые и косвенные. **Прямые доказательства** состояли их 4-х видов:

а) показания свидетелей, основанные на клятве, либо честью рода (в доисламский период), либо клятвой на Коране;

б) чистосердечное признание обвиняемого;

в) оружие или другие предметы, являющиеся либо орудием преступления, либо предметом посягательства;

г) свидетельские показания очевидцев, раненого или больного, против которого было совершено преступление, основанные также на клятве.

Косвенные доказательства – это доказательства, которые берутся во внимание судом, когда нет возможности представить прямые доказательства для уличения виновного. Все полученные доказательства после тщательного изучения адатным судом позволяли определить, виновен или невиновен обвиняемый.

В прежние времена, каждое селение имело свой храм, посвященный главному богу – **«Деале»** или одному из мелких божков, в честь которых справлялись праздники. Во дворах почитаемых храмов часто творился суд, чтобы придать ему большую обязанность и силу. В одном из таких храмов (храм «Дзерах-ццу» в нагорной Ингушии), огороженном полукруглой каменной оградой, была устроена посередине каменная стенка аршина в 1,5 вышиной, которая отделяла во время суда сторону ответчиков от судей и истцов. Здесь же производилась и торжественная присяга – **«дуу»**, как выражаются ингуши. Чтобы очиститься от подозрения в убийстве, обвиняемый должен был принять присягу вместе с 17 «соприсяжниками». Восемь «соприсяжников» назначались судьями из числа полноправных взрослых мужчин, однофамильцев обвиняемого, девять остальных приглашал сам обвиняемый из лиц, принадлежащих к другим «фамилиям». Присягающие шли без оружия к храму и здесь, в ограде, в присутствии потерпевшего и двух «поручителей», сняв шапки, клялись Богом, святым храмом и пеплом домашнего очага, что не убивали или не совершали того, в чем их обвиняют.

Однако бывали случаи, когда потерпевшего не удовлетворяла присяга в храме: она казалась ему недостаточно сильным действительным средством уличить виновного. Тогда он требовал присяги на могиле. Для такой присяги ответчик взваливал себе на спину «сапетку», те. Корзину, служащую кормушкой для скота. В корзину клались железная лопатка от очага, три камня, топор, гребень для расчесывания шерсти. Корка хлеба и бурдюк с водой. Так он шел на кладбище потерпевшего. Здесь их встречал сам обвинитель с обнаженной шашкой в руках, и, пока несчастный подозреваемый три раза обходил вокруг могильного склепа, обвинитель говорил такие слова: «Если ты пришел чистым, скорее да отпустит тебя бог на свободу. Если ты пришел запятнанным, то пусть твой умерший предок пойдет на дурное дело раньше предка и пусть ему зачтется все дурное, что сделал мой покойник. Если же ты пришел чистым, то иди скорее на свободу!» [61, с. 80-81].

Немаловажным вопросом являлось и становление системы судопроизводства и судоустройства в обычном праве. Исследователь обычного права А.М. Ладыженский проследил превращение суда как мирового посредника (маслагата) в действительно судебный орган. Автор особо выделяет то, что между посредническими функциями и возникшими позже судебными функциями существовали промежуточные формы. В связи с этим он различал адатские и третейские суды, считая их различными стадиями становления системы судопроизводства и судоустройства. До появления русских на С.

Кавказе у горцев были третейские суды (посреднические, медиаторские). В процессе судебной реформы, проводимой российской администрацией на Северном Кавказе, были созданы постоянные адатские суды [62].

Существовало три основных вида доказательства: а) собственное признание ответчика; б) показания двух свидетелей, которые должны быть мужского пола, совершеннолетними, свободного происхождения, иметь здравый рассудок и не быть врагами того лица, против которого они будут свидетельствовать; в) когда истец не может предоставить доказательств, достаточных к обвинению ответчика, тогда ему предоставляется право дать очистительную присягу вместе с семейством и его родственниками в количестве от (1) до (60) человек в зависимости от сложности дела и места, где проходил суд. По соглашению сторон спорное дело могло разбираться не старейшинами, а избранными обеими сторонами посредниками. В таковые выбирались наиболее авторитетные люди селения, известные мудростью и справедливостью. А.В. Комаров называл такой суд «мировой сделкой при пособии посредников, избранных тяжущимися» [63, с. 163]. Задача таких судов сводилась к возмещению убытков потерпевшему за счет виновного, к предупреждению (или прекращению) конфликтов, вражды и кровной мести. Знающие жизнь и умеющие ориентироваться в сравнительно сложных ситуациях старики решали зачастую трудные задачи и с честью выходили из затруднительных положений.

С переселением ингушей на плоскость кровная месть не исчезла и живет среди ингушей и сейчас. Но в новых условиях жизни изменился и этот обычай. Хотя случаи кровной мести на плоскости не стали реже и мягче, как можно было бы ожидать. Дело в том, что род здесь распался на отдельные семьи, которые стали жить вперемежку с другими родами в больших плоскостных аулах. Поэтому сократился и перечень членов рода, которых можно было облагать выкупом в пользу мстителей. Вместо выкупа с каждого из «однофамильцев» до 10 поколений включительно теперь стали брать только одну плату за кровь с самого убийцы и его семьи и некоторые другие выкупы с действительных участников убийства [64, с. 224].

Забывается и обычай нападать целым родом на дом убийцы сейчас же после преступления. Здесь рядом часто живут представители совсем чужих друг другу «фамилий». Следствие этого, нападение, беспорядочная стрельба, поджоги строений и проч., все, что мешает спокойной, мирной жизни соседей исчезло. Естественно, что вместе с нападениями на дом исчезают и те выплаты, которые прежде собирались во время таких нападений – **«хиелым».** С тех пор, как ингуши научились считать не на скот, а на деньги, стала расти и величина выкупа за кровь.

Вышеуказанное дает основание говорить о том, что в Ингушетии мы имеем сравнительно развитую систему композиции, которая давно заменила нормы обычного права, восходящие к родовому быту даже в той сфере, где пережитки этого быта наиболее стойко сохранили свое существование. Становится бесспорным существование некоторых норм обычного права, которые были общими для ряда народов горного Кавказа. Почвой для этой общности являлись сходные условия общественно-экономической жизни, а непосредственным поводом их возникновения близкое общение между этими народами. После того, как народы обретают государственность, обычаи, как регуляторы общественных отношений, вытесняются правом, законами, декретами, указами и постановлениями. Право является гораздо более приспособленным и эффективным регулятором все более усложняющейся со временем общественной жизни. Отдельные обычаи, зародившись в древности, продолжают жить в государственно-организованном обществе очень долгое время, даже, несмотря на то, что государство всей силой стремится их искоренить. Таким образом, соотношение закона и обычая в крестьянском правовом быту до сих пор остается неясным. Необходимо разобраться, насколько законодательство соответствовало народным правовым воззрениям и как этим определялись перспективы создания правового государства в России.

По смыслу понятие «обычай» приравнивалось к нравам, привычкам. Наиболее полное определение дал Д. Дриль: обычай – «не общее, наперед установленное обязательное правило для будущих действий, а лишь решение, хотя вследствие частой повторяемости и обобщенное, но по мере особенностей представляющихся случаев допускающее изменение [65, с. 225]. Правовая система России складывались под влиянием крепостного права, когда три четверти населения были лишены не только гражданских, но и элементарных человеческих прав. Поэтому уклад жизни народа совершенно игнорировал закон и проведение крестьянской 1862 г. и судебной 1864 г. реформ не привело к ликвидации правовой обособленности крестьян. Напротив,

народная юстиция была легализована, а Свод законов не соответствующим условиям крестьянской жизни.

Обычай кровной мести в ингушском обществе прошел долгий исторический путь, напрасно унося людские жизни, большинство из которых мужчины в расцвете лет. Отрадно констатировать, что, несмотря на сохранение по сей день отдельных случаев кровной мести, этот кровавый, в прямом смысле, обычай имеет тенденцию к исчезновению. Однако дальнейший ее ход и направление в значительной мере зависят от способности правоохранительной и судебной систем сделать наказание объективным, адекватным и неотвратимым. Рассматривая в различных аспектах историю права народов Кавказа, в том числе и Ингушетию, исследователи признавали, что по сравнению с другими эти народы выделяются как «общества с высокоразвитым устойчивым правопорядком»[66, с. 242].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бромлей Ю. Очерки теории этноса. М., 1983.

2. Юридическая энциклопедия. с. 283.

3. Семенов Ю.И. Место обычного права среди форм общественной воли в доклассовом обществе // XI Международный конгресс. «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах». Тез. М., 1997. с. 89; Харсиев Б. М-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Диссер. Ростов-на-Дону, 2003. с. 37.

4. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882. с. 4-6.

5. Большой юридический словарь. Под ред. В.Е. Сухарева. 2-е изд. М., 2000. с. 15.

6. Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. Т. 2. 1862. с. 328.

7. Ладыженский А.М. К вопросу об исследовании обычного права народов Северного Кавказа // Бюллетень Северокавказского бюро краеведения. Р/Д. 1926. №3-4.

8. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Многоликая Ингушетия. Сост. Албогачиева М. С-Г. 1999. с. 224.

9. Далгат Б.К. первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. с. 103-104; Яковлев Н.Ф. Ингуши. М.-Л. с. 49.

10. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М., 2008.

11. Ладыженский А.М. Адаты горцев Кавказа. Под ред. А.С. Зайналабидова и В.В. Черноуса. Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов-на-Дону, 2003. с. 16.

12. Багратиони В. География Грузии. Тифлис, 1904. Т. 2. с. 152.

13. Леонтович Ф.И. Указ. раб. с. 130.

14. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис. 1913.

15. Спиркин А.Г. Философия. М., 1999. с. 722-723.

16. Спиркин А.Г. Там же. с. 724.

17. Яковлев Н.Ф. Ингуши. М., С. 251. Цит. По кн. М.А. Яндиева – древние общественно-политические институты народов С. Кавказа. с. 407.

18. Мужухоев М.Б. Ингуши.

19. Харсиев Б.М-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Диссер. Ростов-на-Дону, 2003. с. 13.

20. Семенов Ю.С. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // Сов. Этнография. 1968. №4. с. 84.

21.Льюис Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934. с. 46.

22. Яковлев Н. Ингуши. 1925. с. 3.

23. Путкарадзе Л. Из истории права грузин-горцев. Тбилиси, 1954. с. 53.

24. Базоркин И. Из тьмы веков. Магас, 2001. с. 17.

25. Албогачиева М. С-Г. Из истории борьбы с кровной местью в Ингушетии // Антропологический форум. 2011. №14.

26.Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести. М., 2004. с. 35-37.

27. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 2002. с.49.

28. Вахушти Багратиони. География Грузии. Тбилиси, с. 152.

29. Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. с. 49.

30. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев.

31. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане. с. 150.

32. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. // Вестник московского университета. №12. 1947. с. 162.

33. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство. с. 23.

34. Генко А. Из культурного прошлого ингушей. Ленинград. 1930. с. 739.

35. Цискаров И. Записки о Тушетии. «Кавказ». Тифлис, 1948. с. 159.; ср. Адаты кавказских горцев.

36. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа. Э.О. 1880. №№1-2. с. 261-262.

37. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Многоликая Ингушетия. Сост. М.С-Г. Албогачиева. СПб., 1999. с. 221.

38.Яковлев Н.Ф. Ингуши. М., 1925. с. 72.

39. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1882. с. 119.

40. Яковлев Н.Ф. Указ. раб. с. 75.

41. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. с. 9.

42. Рейнеке С.Н. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1812. с.9.

43. Яковлев Н.Ф. Популярный очерк // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Сост. А.Х. Танкиев. Саратов, 1996. с. 245.

44. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М., 2008.

45. Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельскохозяйственного быта горных ингушей // КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968. с. 185.

46. Султан Адиль-Гирей. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный вестник. СПб., 1860. с. 30.

47. Гарданов В.К. общественный строй адыгских народов. М., 1967. с. 229.

48. Гидатлинские адаты. с. 15.

49. Леонтович Ф.И. «Адаты». Т. 2. с. 148. №2.

50. Яковлев Н.Ф. Указ. раб. с. 75.

51. Хизанашвили Н.Т. Статьи по этнографии. Тбилиси, 1940. С. 50-51. Абадиев И. Эздел (формула вечной жизни). Назрань, 2006. с. 72.

52. Цискарешвили Д. Нравы и обычаи хевсур. Институт рукописей АН Груз. ССР. 2814.

53. Дубровин Н. История войны и аталычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1871. с. 302 и пр. 2.

54. Худадов Н. заметки о Хевсуретии. ЗКОРГО, Вып. 1. Тифлис, 1890. с. 76.

55. Пфаф В.Б. Народное право осетин. ССК. Т. 2. 1872. с. 272.

56. Вахушти Багратиони. География Грузии. с. 26.

57. Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М-Л., 1922. с. 111.

58. Сборник сведений о Кавказских горцах. Издание Кавказского Горского Управления. Вып. 3. Тифлис, 1870. с. 23-24.

59. Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1870. с. 23-24.

60. Далгат Б. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М., 2008. с.95.

61. Яковлев Н.Ф. Ингуши. М-Л., 1925. с. 80-81.

62. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Южно-российское обозрение центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ в ИСПИ РАН. №18.

63.Ладыженский А.М. очерки социальной эмбриологии // записки Северо-Кавказского горского института. Т.1. Ростов-на-Дону. 1929. с. 163.

64.Танкиев А.Х. Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. с.244.

65.Дриль Д. Обычай и закон. – Юридический вестник. 1883. №6-7. с. 225.

66.Косвен М.О. Ковалевский М.М. как этнограф-кавказовед // этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 242.

ПЕДАГОГИКА

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕБЕНКА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Гайтукиев М.А.
Ингушский государственный университет

Федеральный компонент государственного стандарта общего образования направлен на приведение содержания начального общего образования в соответствии с возрастными особенностями младшего школьника [3].

В процессе онтогенеза эмпирически выделяется ряд сменяющих друг друга периодов, качественно различающихся с точки зрения строения, функционирования и соотношения различных психических процессов и характеризующихся особыми личностными образованиями. Поэтому, по мнению Д.И. Фельдштейна, «…поиск научных основ переодизации психического развития ребенка выступает как коренная проблема современной возрастной психологии, от разработки которой во многом зависит стратегия построения целостной системы воспитания растущих людей» [4].

Существенный вклад в построение переодизации психического развития внесли Б.Г. Ананьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Ш. Бюлер, А. Валлон, Гезелл, Р. Заззо, Ж. Пиаже, З. Фрейд, Э. Эриксон и др. Современная физиология определяет период младшего школьного возраста 6 – 9 годами [2].

Мышление – доминирующая функция в младшем школьном возрасте. Развитие других психических функций зависит от развития мышления: «Память становится мыслящей, а восприятие – думающим» [5]. У младшего школьника появляются логически верные рассуждения. Рассуждая, он использует операции, которые Ж. Пиаже назвал конкретными, поскольку они могут применяться только на конкретном, наглядном материале.

Важную роль в учебном процессе играет внимание. У младшего школьника оно обладает рядом особенностей. Преобладает непроизвольное внимание. Формирование произвольного внимания осуществляется в I-III классах. Это связано с общим интеллектуальным развитием ребенка, становлением познавательных интересов и развитием умения работать целенаправленно. Наблюдается слабость умения распределять внимание, легкая отвлекаемость и насыщаемость, быстрая утомляемость. Ребенок способен удерживать внимание в пределах 15- 20 минут. В III классе внимание более устойчиво при выполнении внешних действий и менее устойчиво при выполнении умственных действий.

Важную функцию в этот период детства играет восприятие. У младшего школьника оно тесно связано с действиями: воспринять предмет – значит, прикоснуться к нему, что- то с ним сделать, как- то изменить, преобразовать. В процессе обучения ребенка « восприятие становится думающим» [Там же]. Его параметры дополняются анализом, дифференциацией, организованным наблюдением, изменением роли слова в восприятии предметов и явлений. Нарастает ориентация на сенсорные эталоны формы, цвета, времени. Неизвестные устройства, знаки, растения воспринимаются категориально как предметы и представители определенной группы вещей (какая- то машина, какое- то растение и др.). К третьему классу восприятие становится более управляемым и целенаправленным, нарастает произвольность.

У обучающихся начальной школы развита непроизвольная память, фиксирующая яркие, эмоционально насыщенные сведения и события их жизни. Хорошо развита образная память (зрительная, слуховая), менее развита словесно-логическая память. Успешно осуществляется механическое запоминание. Ребенок начинает усваивать не только конкретные, но и абстрактные понятия. Расширяется объем памяти, увеличивается быстрота усвоения и точность воспроизведения. Основными новообразованиями у младшего школьника являются произвольность психических процессов, внутренний план действия, рефлексия.

На рубеже 6 лет у ребенка формируется определенное понимание и оценка социальных явлений, ориентация на оценочное отношение взрослых через призму конкретной деятельно-

сти. У шестилетнего ребенка появляется ориентация на общественные функции людей, нормы их поведения и смыслы деятельности, что при одновременном развитии воображения и символики обостряет его потребность в познании объектов внешнего мира. На первый план выдвигается позиция « Я в обществе». У шестилетних детей проявляется более широкое понимание социальных связей, чем у пятилетних. В возрасте 6 лет вырабатывается умение оценивать поведение других детей и взрослых. В этом возрасте ребенок осознает свою принадлежность к детскому коллективу, начинает понимать важность общественно полезных дел.

Осваивая в игровой деятельности отношение к вещам, делам, ребенок стремится реализовать свои новые возможности в предметно-практической деятельности. Это актуализирует на данном рубеже значение учебной деятельности. В школе она становится ведущей.

Вместе с тем организация условий жизни шестилетних детей требует учета того факта, что в своей массе шестилетние дети с трудом могут следовать указаниям взрослых, адресованным не им лично. Шестилетки, собранные в классной комнате, с большим трудом и более длительное время становятся классным коллективом, нежели семилетние школьники. Среди шестилетних школьников многие (до половины) оказываются не готовыми к учебному процессу из-за неспособности к сосредоточению, действию по единому правилу, удерживанию условия задачи (учебного действия). Более того, шестилетние дети еще не выделяют в школе ее основной обучающей сути, склонны непосредственно реагировать на любой яркий стимул [1].

В младшем школьном детстве, по мнению М.М. Безруких, К. М. Гуревич, С. П. Ефимовой, Е. И. Игнатьева, Я. Л. Коломинского, А. А. Мельникова, А. М. Пукина, Е. А. Панько, Г. Н. Пивоваровой, Г. Н. Филоновой и др., сохраняется роль семьи в удовлетворении материально- биологических, эмоциональных потребностей ребенка. Становление начальных детских убеждений сопряжено с верой в родительскую любовь, приоритет старшинства. Семья остается для ребенка источником радости, надежды и ожидания любви, доброты, человечности. Радость жизни. повседневная надежда на счастье, ожидание удовольствия остаются основой и смыслом существования ребенка. Его увлекает радость успешного труда, преодоления препятствий, заботы и благородного поступка.

В реализации названных потребностей ребенка участвует также социальное окружение. Сфера социальных отношений ребенка включает следующие позиции: «ребенок – взрослый». «ребенок – родители», «ребенок – дети», «ребенок – учитель».

В соответствии с этим складывается общение ребенка в школе. Его восприятие одноклассниками опосредовано отношением к нему учителя и уровнем кспеваемости. Выбор друга определяется внешними обстоятельствами: оказался рядом за одной партой, живет поблизости. К 9 годам приобретают значимость личностные качества обучающегося: самостоятельность, внимательность, уверенность в себе, честность, организаторские способности.

Младший школьник сохраняет от дошкольного возраста непосредственность восприятия и реагирования на основе стихийного, бессознательного процесса верообразования и психического состояния веры. Параллельно с верообразованием происходит активный процесс развития эмпирического мышления. Ребенок охотно верит в приметы, доверяет сказочным героям, допускает возможность существования добрых и злых невидимых сил. Элементы накопленного опыта отношений в семье, школе, на улице, осмысление безнравственных поступков людей способствуют зарождению в сознании детей первых недоуменных вопросов и сомнений, осознанию безнравственности обмана, переживанию первых разочарований, возникновению ростков неверия и недоверия.

Создание ситуации успеха в основных направлениях деятельности генерирует доминанты воспитания. Успешность определяет нравственное развитие младших школьников в будущем. Следует различать понятия «успех» и «ситуация успеха». Последняя представляет собой сочетание условий, обеспечивающих успех, и может организовываться воспитателем. Переживание успеха меняет психологическое самочувствие ребенка, стиль и ритм его деятельности, взаимоотношения с окружающими. Ситуация успеха становится своего рода «пусковым механизмом» дальнейшего движения личности. Младший школьник не столько осознает, сколько переживает успех. С социально- психологической точки зрения он окружен ожиданиями семьи от его поступков, действий, поведения. Сам ребенок также является носителем ожиданий по отношению к родным, близким, окружающим. В тех случаях, когда ожидания ребенка совпадают с ожиданиями родителей, родственников или превосходят их, можно судить об успехе. С пси-

хологической точки зрения успех – это переживание состояния удовлетворения, радости от достижения цели. На базе этого сосотояния могут сформироваться устойчивые чувства удовлетворения, новые мотивы деятельности, меняется уровень самооценки. С педагогической точки зрения ситуация успеха – это целенаправленное, организованное сочетание условий достижения значительных результатов в деятельности ребенка, подготовленное воспитателем.

Успех бывает предвосхищаемым, констатируемым, обобщающим. Его диалектической противоположностью является неуспех. Последний играет стимулирующую роль в формировании личностных качеств. При этом весьма важна педагогическая позиция родителей, их участие в событийной жизни ребенка. Мудрость их педагогического руководства состоит в том, чтобы радость успеха не порождала чрезмерного благодушия, а страх возможного поражения не парализовал волю.

Формами совместной деятельности семьи и ребенка, направленными на приближение ситуации успеха, являются: продуманный выбор действий. самоопределение, внушение веры в себя, презентация шанса, аванс доверия, переживание (празднование) общей радости, увлечение примером или идеей, выражение горячей веры (эмоционального всплеска) в возможности ребенка, «заражение» позитивной (интеллектуальной, здоровьесберегающей, физической и др.) активностью, педагогически целесообразная состязательность, сопереживание, объединение единомышленников, наделение ребенка функцией вестника радости, создание домашних микрокружков по интересам.

В воспитании младших школьников важно учитывать фактор учебной деятельности. Первоклассник нуждается в постоянной помощи и контроле со стороны старших членов семьи, особенно при выполнении домашних заданий. Такая форма сотрудничества носит название включенного участия. В рамках совместной деятельности у ребенка создается ощущение психологической поддержки, эмоциональной защиты. (Не следует смешивать совместные действия с ребенком и действия вместо него. В последнем случае формируется интеллектуальная пассивность, иждивенчество). Второклассники нуждаются не в участии, а соучастии. В третьем классе помощь в учебе родителей ограничивается наблюдением и контролем.

У ребенка проявляются начала творческого отношения к действительности. Происходит формирование произвольности психических процессов, внутреннего плана действий, рефлексии собственного поведения. Это обеспечивает к 9 годам развитие потребности ребенка в получении признания других людей, требуя развертывания системы взаимоотношений с ними, новой социально значимой деятельности [Там же. С. 145 - 146.]

Подытожим изложенное. Онтологическими особенностями ребенка младшего школьного возраста (6 – 9 лет) являются: большая пластичность нервной системы, усиление контроля над поведением, развитие элементов волевых процессов, эмоциональность, впечатлительность, импульсивность, слабость процесса торможения, склонность к подражанию, психологическая перестройка в деятельности (переход от игры к учению), изменение мотивов поведения, изменение социального статуса (превращение дошкольника в школьника), трудности психологической адаптации (сложность усвоения нового режима дня, специфики взаимоотношений с учителем и одноклассниками), затруднения в учебной деятельности, выполнении домашних заданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дик Н. Ф. Как сохранить и укрепить здоровье младших школьников. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. С.16

2. Дорошкевич М.П., Нашкевич М. А., Муравьева Д. М., Черник В. Ф. Основы валеологии и школьной гигиены. Минск: « Вышэйная школа», 2004.С.39

3. Федеральный государственный образовательный стандарт начаольного общего образования (1-4 классы). Утвержден приказом Минобрнауки России от 6 октября 2009 г. № 373.

4. Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности: Избранные труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2005. Т.1.

5. Д.Б. Эльконин. Избранные психологические труды. М. 1989. С.44

ПЕРСОНАЛИИ

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШУКРИ ДАХКИЛЬГОВА

Акиева П. Х.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация: *В статье проводится анализ научно-исследовательской деятельности Шукри Эльбертовича Дахкильгова.*

Ключевые слова: *тематика исследований, научный труды, авторский подход, жизненные принципы.*

TO THE 100-th ANNIVERSARY OF THE BIRTH CHOUKRI DAKHKILGOV

P.H. Akieva

Abstract: *The article analyzes the research activities Shukri Elbertovicha Dakhkilgov.*

Key words: *research subjects, scientific works, the author's approach, principles of life.*

12 декабря прошлого года исполнилось 100 лет со дня рождения Шукри Эльбертовича Дахкильгова, а также состоялась годовщина - 20 лет со дня смерти этого выдающегося человека, настоящего патриота своей родины.

Автобиографические данные:

Шукри Эльбертович Дахкильгов родился 12 декабря 1915 года в городе Назрань в семье торговца зерном. Первые два класса образования он получил в поселке Назрань, в 1925 году был переведен в третий класс в среднюю школу №12 в г. Владикавказ. В 1936 году окончил политехнический техникум путей сообщения г. Владикавказ. Начал свой трудовой путь с работы инженера в Управлении Орджоникидзевской железной дороги, затем на руководящей должности на заводе «Кавизвесть». В годы Великой Отечественной войны до депортации ингушского народа 1944 года служил в железнодорожных войсках. Был депортирован в Киргизию в г. Фрунзе. В числе первых вернулся в город Владикавказ, где ранее проживал на ул. Маркова. Несмотря на ходатайства известных в республике лиц, Шукри Дахкильгов не получил прописку в родном Орджоникидзе и в 1957 году он вынужден был переехать и обустраиваться в г. Грозном. Здесь Шукри прожил вплоть до первой чеченской войны. По возвращении из депортации Шукри Эльбертович работал на разных должностях: начальником Промысловой железной дороги, директором Чечено-Ингушского карьероуправления, председателем горисполкома.

В 1995 году Шукри Дахкильгова не стало.

Профессиональная работа Шукри Дахкильгова была связана с хозяйственно-технической деятельностью. Победы на этом поприще – военные и трудовые медали, орден «Знак почета» и другие награды, дополняют личностный портрет Шукри Дахкильгова. Будучи человеком разносторонним, он обладал определенной гражданской позицией, имел собственное видение проблем и в своих многочисленных журналистских публикациях в республиканских газетах «Сердало» и «Грозненский рабочий» освещал события, происходившие в стране в так называемые «годы перемен»: время декабристов, героику гражданской войны, политические игры власти с государственностью и территорией ингушей.

Тематика научных исследований Ш.Э. Дахкильгова затрагивает вопросы социально-экономического положения ингушей рубежа XVIII – XIX вв., ономастики ингушских фамилий, кавказской топонимики и этнографии.

Соглашаясь с мнением Д.С. Лихачева, который отмечал, что любовь к родному краю в сочетании со знанием его истории являются

той основой, «на которой только и может осуществляться рост духовной культуры человека и всего общества» [1,с.7], стоит отметить, что деятельность Шукри Дахкильгова является подтверждением этих слов.

Профессор В.Б. Виноградов в свое время так отозвался о Ш.Э. Дахкильгове: «Шукри Дахкильгов – краевед со стажем и очевидными достижениями (напомню о его интересных и содержательных статьях в республиканской прессе, в научных сборниках Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, об открытости и простосердечности в устном удовлетворении краеведческой любознательности окружающих), ни в чем не изменил основным сложившимся взглядам и построениям, не уступил “давлению авторитетов” или лукавому нашептыванию конъюнктуры» [2, с. 3].

Научные труды Шукри Дахкильгова, несмотря на спорность некоторых суждений, отличаются наличием доказательной базы, легкостью изложения, но самое важное - новизной разрабатываемой темы. Так, впервые именно Шукри Эльбертовичем была освещена деятельность первых ингушских альпинистов, покоривших Казбек и оказывавших помощь последующим экспедициям (это династия альпинистов Бузуртановых – первый покоритель Казбека конца XVIII века – Иосиф Бузуртанов и его потомки – Цогол, Яни, Абзи, Муса, Бопхо, Исаак; Цито и Долотоко Озиевы; Галий Котиков; Ханакой Чербижев и др).

Шукри Дакильгов стал в некотором смысле и «первооткрывателем» ономастики ингушских фамилий. Искренне увлеченный историей ингушского народа, Дахкильгов основательно подошел в разработке научной темы «Происхождение ингушских фамилий», которая вылилась в одноименную книгу, вышедшую в 1991 году. Ценные подробности, личные версии и толкования, основанные на широкой источниковой базе (сведения посемейных списков 1864 г., переписи Ингушской Автономной области 1926 года, данные похозяйственных книг сельских советов конца 60-х годов XX века) и полевых этнографических данных, отличают данный труд, который, остается актуальным и по настоящее время. Шукри называл этнографию «наукой нужною и в обиходе» [3, с.498], когда собирал полевой материал о происхождении ингушских фамилий. Принципиальность авторской позиции проявляется и тем обстоятельством, что Шукри Дахкильгов приводит в своей работе без ретуширования этнографические свидетельства о происхождении некоторых ингушских фамилий, порой неблаговидного характера.

Конечно, не со всеми авторскими подходами, не со всеми трактовками событий можно согласиться на современном уровне научной разработки, однако тем и привлекательна наука, что позволяет представить свою логично аргументированную и научно обоснованную точку зрения. Шукри Эльбертович, как сообщают его современники, был всегда открыт для дискуссии. Тем, что вызывало его исследовательский интерес, Дахкильгов щедро делился. Несмотря на то, что в основном в научной среде Ш. Дахкильгова позиционируют как «опытного краеведа», уже давно достигнувшего «зрелости исследовательского уровня» [2; 4], надо отдать должное этому человеку как исследователю. Именно его исследовательские разработки по теме ингушской ономастики и истории ингушского альпинизма были первыми шагами в этой научной области.

В числе краеведческих работ следует назвать книгу Ш. Дахкильгова «Слово о родном крае» вышедшую в г. Грозном в 1989 году. В ее состав вошли публикации автора, посвященные освещению истории научной экспедиции Северного Кавказа и Закавказья под руководством И.А. Гюльденштедта 1770-1774 гг. и русско-ингушских отношений конца XVIII века, хронологические заметки о Назрановской крепости и событий, с ней связанных, в период 1810-1926 гг., публицистические заметки о деятельности декабристов на Северном Кавказе, об общественном деятеле и революционере Адиль-Гирее Олмазовиче Долгиеве, о герое гражданской войны Хакяше Дзаурбековиче Дахкильгове, о происхождении топонима Джейрах и Казбек и т.д.

Краеведение воспитывает уважение к истокам нашим, к родной земле, ее природным особенностям и преданиям, к исконным занятиям предков, развивает интерес к изучению этого …» [5, с. 3]. Главной целью своих трудов Шукри считал их принадлежность народу. В своем письме Идрису Базоркину от 17.06.1986 года он пишет: «Если мои материалы он (имеется в виду И.А. Алироев) использует в своих корыстных целях – черт с ним. Все достанется народу – это главное» [3, с. 500].

В 2005 году по решению Ученого совета Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева был издан сборник научных и публицистических работ, а также эпистолярное наследие Ш. Дахкильгова под названием «Страницы истории Ингушетии». Как пишет составитель сборника

Я. Патиев, «журналист, ученый, исследователь, подвижник, общественный деятель – вот далеко неполный перечень сфер его неутомимой деятельности… его интересовало все, что, так или иначе, имеет отношение к истории и судьбе ингушского народа, к его прошлому, настоящему или будущему» [3, с. 7].

В переписке с другом Идрисом Базоркиным Шукри неоднократно говорит о своей «щепетильности, принципиальности и доверчивости», которые не давали возможность хорошо устроить свою жизнь [3, с. 500]. Называя свои жизненные принципы «современным донкихотством», он до конца своей жизни не изменял им. «Все это теперь не в моде и выглядит как современное донкихотство. Никому не нужное и никем не исповедуемое, - писал Ш. Дахкильгов. – Таких дураков, как я, теперь, наверняка, и в музеях не найти. И все же, если бы мне пришлось начинать жизнь снова – повторил бы все без изменения. Ни о чем не жалею…» [3, с. 500].

С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что «донкихотство» Шукри Дахкильгова не осталось невостребованным. Меркантильность и мещанство общества советского времени в сочетании с цензурой создавали в творческом человеке ощущение одиночества и непонимания. Свое благородное упорство в сражениях на бумаге с изъянами общества Шукри как нельзя более красочно и точно назвал донкихотством. Однако сегодня его мысли и идеи находят отклик в широких кругах читающей и думающей общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лихачев Д.С. Любить родной край //Краеведческий альманах: Отечество. Вып. 1. 1990.
2. Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае (записки краеведа) Предисловие Виноградов В.Б. От научного редактора Грозный. 1989.
3. Дахкильгов Ш.Э. Страницы истории Ингушетии //Сост. Я. Патиев Нальчик. 2005.
4. Патиев Я.С. Краевед, журналист, патриот //Газета «Сердало» от 15 декабря 2015 г. №191 (11526)
5. Шмидт С.О. Без краеведения нет России! //Мир библиографии. 1999. №1.

ТВОРЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПУТЬ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ЛИДИИ ХУСЕЙНОВНЫ ТАНКИЕВОЙ (очерк)

Евлоева А.М.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Лидия Хусейновна Танкиева (Цечоева) родилась 9 июля 1942 года в селе Сунжа Пригородного района. С малых лет она знала тяготы ссыльной жизни, поскольку в период с 1944 г. по 1956 г. жила в Киргизии и Казахстане, как и многие ингуши, попавшие в то время под неумолимые жернова преследования властью. Отца Лидии, Хусейна Албастовича, погубил сталинский режим в 1945 г.

В 1959 году Лидия закончила среднюю школу и выбрала в качестве профессиональной деятельности педагогику по направлению русско-ингушского отделения. Именно при обучении в университете Лидия активно занималась проблемами языка, литературы и фольклора ингушей, а также актуальными вопросами жизни репрессированных народов.

По окончании института Лидия Хусейновна поступила на работу в среднюю школу, где стараниями профессора Дошлуко Доховича Мальсагова проявляет интерес к ингушскому фольклору, который впоследствии станет поводом ее поступления в аспирантуру и дальнейшей научной работы под чутким руководством известнейшего фольклориста А.Ф. Назаревича.

В дальнейшем судьба распорядилась так, что Лидия Танкиева продолжила свою научную деятельность в Москве, где ей повезло быть курируемой дочерью широко известного кавказоведа Башира Далгата – Уздиат.

Одним из главных достижений Танкиевой в период её работы над кандидатской, потом и докторской диссертациями является собрание текстов ингушского фольклора, которые впоследствии были опубликованы в двух сборниках. Следующим её достижением на поприще изучения ингушского народного творчества стали публикации во втором томе Антологии ингушского фольклора и других сборниках, изданных соответственно в 2003 и 2004 гг.

Лидия Хусейновна внесла вклад в создание методической литературы, в частности, разработала учебные пособия по ингушской литературе и фольклору для студентов ВУЗов.

В работах Лидии Хусейновны максимально подробно и корректно представлено рассмотрение вопросов значимых и актуальных проблем не только ингушского народа, но и республики в целом. Большое значение в своих научных изысканиях она уделяет вопросам формирования билингвального словаря ингушского языка.

Крайне интересными в её работах представляются освещенные моменты бытования ингушского фольклора, а также оригинальные практические рекомендации по грамматике и общей структуре языка ингушей.

Благодаря научным исследованиям Лидии Танкиевой, как у студентов, также и у всех интересующихся есть возможность познакомиться с устным народным творчеством ингушей, разнообразием его жанров, средствами выражения, которые были собраны у пожилых ингушей, хранящих традиции и передающих их из поколения в поколение.

Значительное место в работе и творчестве Лидии Хусейновны занимает трансляция традиционных ингушских ценностей, а также непрекращающейся борьбы за справедливость. Это чувство у ингушей обострено издавна, с тех пор, как беспочвенные обвинения и репрессии, бывшие фальсификацией, отравили жизнь целого народа.

Примечательно то, что Лидия Хусейновна в своих трудах поднимает не только общие глобальные вопросы, характерные для всего народа в целом, но и уделяет немало внимания людям, созидающим ежедневно на благо республики.

Великолепным наследием как для ингушей, так и других народов будет служить сборник редких и древних сказок, который так долго и

так любовно формировался стараниями и трудолюбием Л.Х. Танкиевой.

Таким образом, можно трактовать, что весь трудовой и творческий путь Лидии Хусейновны Танкиевой отражает любовь к собственному народу и неподдельный, живой интерес к его традициям и истории. Наверное, именно поэтому её благородные, интересные и полезные работы отмечаются не только множественными наградами, но и положительными рецензиями коллег и благодарными отзывами читателей.

По сегодняшний день Лидия Хусейновна благородно исполняет свои профессиональные обязанности, работая в Ингушском государственном университете и в отделе ингушского фольклора ИнгНИИ им. Ч. Архиева. Подтверждением высокого профессионализма Лидии Хусейновны и её трудолюбия служат многочисленные награды, почетные грамоты, медаль «Ветеран труда» и другие.

Лидия Хусейновна Танкиева – Заслуженный деятель культуры Ингушетии и России.

Продолжая свою трудовую деятельность, Лидия Танкиева большое место уделяет рецензентской работе. Она является членом редакционной коллегии в ИнгНИИ им. Ч. Архиева. Свой колоссальный багаж знаний в области ингушского фольклора Лидия Хусейновна подтверждает и участием в международных и всероссийских, региональных и республиканских конференциях.

Можно трактовать, что весь трудовой путь Лидии Хусейновны Танкиевой отражает любовь к собственному народу и неподдельный интерес к его культуре и жизни.

ЭКОНОМИКА

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Плиева А.М-Б.
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Ключевые слова: *политика приватизации; реформирование собственности; восходящие и нисходящие тренды развития; федеральная собственность; государственная собственность; собственность субъектов федерации; государственная политика в области имущественных отношений.*

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы государственной политики регулирования имущественных отношений в Российской Федерации, как государственно-управленческая, определяемая тем, что в основе данных отношений лежат отношения собственности, обусловленные имущественными правами, связанными с владением, распоряжением, управлением, использованием и присвоением имущества.*

На протяжении уже более двух десятилетий Россия переживает широкомасштабные и глубокие преобразования всей общественной системы. Трансформация распространяется на государство, экономику, политическую культуру, правовое положение граждан.

В ходе политической трансформации происходит качественное и комплексное изменение структуры и механизмов функционирования политической системы общества, которое зависит от способности политических институтов и акторов реагировать на разнообразные импульсы и вызовы, отражая способность политической системы к адаптации в условиях новых социальных требований [2].

Изменение государственного устройства и проводимые в России реформы, в том числе, политика приватизации, привели к преобразованию собственности. Важнейшая роль в этих процессах принадлежит государству, которое устанавливает совокупность «правил игры» на поле приватизации, готовит законодательно-правовую основу, формулирует цели, критерии и направления реформирования собственности [4].

В девяностые годы XX столетия специфика политического процесса определялась переходным состоянием развития РФ, ломкой всей системы сложившихся связей и отношений, динамизмом и неустойчивым характером политических явлений, политической модернизацией в пространстве переплетения и взаимосвязи революционных и реформистских начал; сознательных, упорядоченных и стихийных действий масс; восходящих и нисходящих трендов развития.

Все это происходило в пространстве ведущих трендов социальных перемен в современном мире, нарастания неопределенности, а также проявления хаоса, случайности и альтернативности.

В подобной ситуации в РФ начинает формироваться государственная политика в области имущественных отношений как государственно-управленческая деятельность в координатах избранного политического курса, определяемая тем, что в основе имущественных отношений лежат отношения собственности, представляющие собой воспроизводимые между индивидами разнообразные отношения, обусловленные имущественными правами, связанными с владением, распоряжением, управлением, использованием и присвоением.

Имущественные отношения берут начало в собственности, поскольку в основе своей последняя связана с обменом вещей, имущества, которым владеют.

В России 1990-х гг. в ходе осуществления политики приватизации, изначально определяемой в большей степени политическими соображениями и предпочтениями, чем экономической целесообразностью, вместо ранее существовавшей единой собственности на все государствен-

ное имущество появилась частная собственность, а также федеральная собственность и собственность субъектов федерации.

Одним из результатов реформирования стало закрепление множественности публичных собственников — РФ и входящие в ее состав национальные и административно-территориальные образования были признаны независимыми друг от друга собственниками принадлежащего им имущества.

Взаимосвязь и обусловленность политических процессов и экономических реформ в российском обществе способствовала выявлению основной политической функции приватизации, связанной с изменением социально-политической системы. Приватизация при этом выступала не как самоцель, но в качестве средства политического решения вопросов собственности, без чего не может быть осуществлен переход к новой социально-экономической системе.

Однако поспешные процессы разгосударствления, слабо подкрепленные последовательным решением задач формирования хозяйственных и правовых механизмов государственного регулирования и рыночного саморегулирования, привели к диффузии государственной собственности в интересах узких групп ее новых, не всегда законных обладателей [3].

Государственная политика в области имущественных отношений как государственно-управленческая деятельность тесно связана с политико-государственными механизмами, которые оформляются в политико-властном пространстве и создателем которых выступает государство в качестве субъекта политической власти.

Ключевые функции политико-государственных механизмов связаны с удовлетворением государственных интересов, обеспечением социальной стабильности, устойчивого функционирования политической системы, регулированием и обеспечением динамичного развития общества [6].

Разработке и развитию государственной политики в области имущественных отношений и управления государственной собственностью придавалось большое политическое значение. «Взрывной» переход от одного состояния политической реальности к другому ввел общество в координаты противоречий и смысловой неопределенности, что неизбежно влияло на изменение политического режима, системы и качества политико-государственных механизмов регулирования.

В 1990-е годы в современной России оформляются новые контуры государственного управления, происходит становление правящей и теневых политических элит, устанавливаются формальные и неформальные практики политической жизни, отражающие формирующуюся новую политическую реальность.

Однако сказывалось и немало привходящих обстоятельств. К примеру, как пишет Н.Плицкевич, наиболее деятельные игроки в области перераспределения бывшего «общенародного (государственного)» благосостояния были заинтересованы в поддержании неопределенности в отношениях собственности, а государство, постоянно выступая в качестве организатора новых и новых переделов собственности, не было заинтересовано в выработке и соблюдении четких правил игры в сфере имущественных отношений [9].

Формирование государственной политики в области имущественных отношений как системы политико-экономической деятельности государства в пространстве политико-управленческого воздействия проявляется через формулирование целей, задач, содержания, поиск методов, форм, основных направлений регулирования имущественных отношений в русле политики приватизации.

Государство начинает осуществлять через приватизацию политику преобразования собственности. В России в ходе осуществления политики приватизации, изначально определяемой в большей степени политическими соображениями и предпочтениями, чем экономической целесообразностью, на смену единой собственности на все государственное имущество приходит частная собственность, а также федеральная собственность и собственность субъектов федерации. Одним из результатов реформирования стало закрепление множественности публичных собственников.

Политика в области имущественных отношений как отношений собственности в контексте государственно-управленческой деятельности связана с собственностью как системой правовых и экономических отношений между различными субъектами, которые возникают вследствие использования, владения или распоряжения материальных благ.

Ведущая роль государства в осуществлении приватизационной политики в первую очередь связана с выработкой и реализацией курса на преобразование собственности, который выступает как многоаспектный целенаправленный процесс, затрагивающий экономические, социальные и политические интересы самых широких масс российского населения. Ныне в ус-

ловиях относительной свободы экономической деятельности публичная собственность осуществляет преимущественно государственные и муниципальные функции, в то время как частная собственность все более активно играет присущую ей роль основы рыночной экономики.

Первый этап преобразований (1991 – 1999 годы) отличается, прежде всего, тем, что в ходе их была политически сформулирована и официально озвучена цель приватизации.

Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» установил, что цель приватизации составляет преобразование отношений собственности на средства производства, создание класса частных собственников**,** создание рыночной экономики, отличающейся социально-ориентированным характером.

В постсоветской России на первом («ваучерном») этапе приватизации основной массив документов составили президентские указы, в числе которых «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества», «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации», «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» и другие [6].

На втором этапе, связанном с денежной приватизацией (1994-1999 гг.), базовым документом стал президентский указ «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» (1994 год). Однако важнейшим нормативным правовым актом этого периода является Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» [1; с.10].

Но законотворческий процесс в приватизационной сфере протекал под мощным воздействием политических обстоятельств и сил, прямо заинтересованных в скорейшем достижении приватизационных целей и задач, когда преобладали вторичные законодательные акты (указы Президента и постановления Правительства) над первичными (законы РФ), при особых полномочиях федеральной управленческой структуры — Госкомимущества РФ.

Политика приватизации 1990-х годов и сегодня вызывает весьма неоднозначное отношение.

Так, по оценкам известного политолога В. Б. Пастухова, приватизация выступила в роли демиурга современного российского общества и государства со всеми их проблемами и дисфункциями. При помощи приватизации советская элита сумела превратить свое «право де-факто» в «право де-юре». «Ускоренная» приватизация привела к социальному неравенству и тотальной криминализации всех сфер жизни общества, замедлив все рыночные и демократические реформы [7].

В 1990-е годы формируется политическая система, которая отличалась преобладанием авторитарно-олигархического политического режима, неразвитостью гражданского общества и партийной системы и, следовательно, неспособностью власти результативно отвечать на требования современности. Усиление «вертикали власти» сопровождалось концентрацией полномочий в руках исполнительной ветви и Президента РФ, что усиливало монополизм принятия политических решений.

В последнее десятилетие XX столетия в стране были предприняты меры, связанные с управлением государственным имуществом. Фактически завершилось разграничение государственного имущества на федеральное, имущество субъектов федерации и муниципальное имущество, осуществлена приватизация наибольшего массива имущества, относящегося к государственному и муниципальному.

Тем самым, вопросы имущественных отношений в основном были сформированы и закреплены в политической практике. В идеале государственная политика в области имущественных отношений предполагала достижение главной цели государственного управления имущественными отношениями, заключающейся в организации воспроизводства имущественной собственности, ее умелом использовании, преобразовании соответственно требованиям и условиям развития свободного экономического рынка в России.

Важной составной частью государственного регулирования в сфере, связанной с имущественными отношениями, становятся организационно - правовые вопросы эффективного и рационального управления в новых социально-экономических условиях собственностью вообще, государственной собственностью – в особенности. При этом федеративные начала государственного устройства России придают особую актуальность статусу и системе управления

имуществом, которое принадлежит на правах собственности Российской Федерации.

Закрепление в стране множественности публичных собственников стало одним из самых значимых результатов не только экономического, но и политического характера проводимых в 1990-е годы преобразований.

При этом, как уже не раз отмечено в политологической литературе, создание в ходе осуществления политики приватизации слоя крупных бизнесменов-собственников одновременно привело к тому, что сложилось большое число социально-профессиональных групп, существующих за счет коррупционного механизма распределения богатства. Коррупционными каналами становятся как государство с его аппаратом, так и бизнес, прежде всего, крупный. Распределительные отношения превращаются в важную составную часть большой политики, монополизируемой представителями крупного бизнеса, которые стремятся контролировать не только процессы, происходящие в экономической деятельности, но и в сфере политической жизни [8].

Становление государственной политики в области, связанной с имущественными отношениями, с самого начала было связано с происходящими кардинальными переменами в жизни общества. При этом сохранялось высокое значение государственной собственности, что определялось самой ее природой, связанной с обеспечением существования государства.

Государственная собственность обеспечивала функционирование капиталоемких отраслей и сфер экономики с высоким уровнем обобществления, требующих инвестиций, которые не мог взять на себя частный капитал [3].

Однако по поводу реальных субъектов государственной собственности не было единого мнения. Одни авторы собственниками государственного имущества считают высших государственных чиновников, другие – вертикаль бюрократов – управленцев, третьи – всю совокупность граждан страны.

Целью государственного контроля федерального имущества является обеспечение проведения единой государственной политики в области контроля федерального имущества, координация деятельности субъектов контроля, предупреждение и устранение выявленных нарушений. Ее достижение будет способствовать успешному выполнению стоящих перед государством задач и повышению качества управления федеральной собственностью.

К основным задачам государственного контроля федерального имущества следует отнести:

• контрольную деятельность с целью профилактики возможных нарушений;

• установление (выявление) фактов нарушений и оперативное реагирование на выявленные факты нарушений посредством принятия соответствующих мер;

• анализ состояния федеральной собственности, подготовка предложений по совершенствованию процедуры использования, оптимизации и реструктуризации федерального имущества;

• обеспечение руководства Министерства имущественных отношений России, высших органов государственной власти и общества достоверной информацией о состоянии федерального имущества [5].

В результате проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие выводы.

В ходе социально-экономической и политической трансформации в постсоветской России происходит качественное и комплексное изменение структуры и механизмов функционирования политической системы общества. Изменение государственного устройства и проводимые реформы, в том числе, политика приватизации, привели к преобразованию собственности. Важнейшая роль в этих процессах принадлежит государству, которое устанавливает совокупность «правил игры» на поле приватизации, готовит законодательно-правовую основу, формулирует цели, критерии и направления реформирования собственности.

Начинает формироваться государственная политика в области имущественных отношений как государственно-управленческая деятельность, которая определяется тем, что в основе имущественных отношений лежат отношения собственности, представляющие собой воспроизводимые между индивидами разнообразные отношения, обусловленные имущественными правами, связанными с владением, распоряжением, управлением, использованием и присвоением.

Разработке и совершенствованию государственной политики в области имущественных отношений и управления государственной собственностью придавалось большое политическое значение. Ключевые функции политико-государственных механизмов были связаны с удовлетворением государственных интересов, обеспечением социальной стабильности, устойчивого функционирования политической системы, регулированием и обеспечением динамичного развития общества.

Изменение политического режима привело к изменению системы и качества политико-государственных механизмов регулирования. В 1990-е гг. в современной России оформляются новые контуры государственного управления, происходит становление правящей и теневых политических элит, устанавливаются формальные и неформальные практики политической жизни, отражающие формирующуюся новую политическую реальность.

Формирование государственной политики в области имущественных отношений как системы политико-экономической деятельности государства в пространстве политико-управленческого воздействия проявляется через формулирование целей, задач, содержания, поиск методов, форм, основных направлений регулирования имущественных отношений в русле политики приватизации.

Ведущая роль государства в осуществлении приватизационной политики в первую очередь была связана с выработкой и реализацией курса на преобразование собственности, который выступает как многоаспектный целенаправленный процесс, затрагивающий интересы самых широких масс населения.

Важной частью государственного регулирования в сфере, связанной с имущественными отношениями, становятся организационно - правовые вопросы эффективного и рационального управления в новых социально - экономических условиях собственностью вообще, государственной собственностью - в особенности. При этом федеративные начала государственного устройства России придавали особую актуальность статусу и системе управления имуществом, которое принадлежит на правах собственности Российской Федерации.

Целью государственного контроля федерального имущества становится обеспечение проведения единой государственной политики в области контроля федерального имущества, координация деятельности субъектов контроля, предупреждение и устранение выявленных нарушений. Ее достижение будет способствовать успешному выполнению стоящих перед государством задач и повышению качества управления федеральной собственностью. На местном уровне также постепенно формировалась государственная политика в области имущественных отношений.

Тем самым, государственная политика в области имущественных отношений выступала как государственно-управленческая деятельность, тесно связанная с политико-государственными механизмами, функционирующими в политико-властном пространстве, а творцом ее с самого начала выступало государство в качестве субъекта политической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. – М.: Издательство «Олита», 2004.

2. Бродовская Е.В. Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие. Автореф. дисс. …докт. полит. наук. Тула, 2008.

3. Владимирова А.Ф. Взаимодействие федеральной и региональной политики в сфере регулирования государственной собственности в условиях перехода к рыночным отношениям в России. Автореф. дисс. …канд. полит. наук. Казань, 2005.

4. Долгова Г.Н. Российская приватизация как политический процесс. Автореф. дисс. …докт. полит. наук. Саратов, 2005.

5. Клебанов А. И. Особенности управления собственностью в механизме реализации имущественной политики государства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 58. URL: http://cyberleninka.ru/article/

6. Колобова Г.А. Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России. Автореф. дисс. …докт. полит. наук. – Казань, 2014.

7. Пастухов В. Преданная революция//Новая газета, 2013, 4 января.

8. Петраченко А.Е. Коррупционная составляющая политической системы современной России. Автореф. дисс. …канд. полит. наук. СПб., 2012.

9. Плицкевич Н. Система «власть-собственность» в современной России//http://institutions.com/

РЕЦЕНЗИИ

К ВОПРОСУ О СТАТЬЕ Н.Г. АХРИЕВА «О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА»

Танкиев В-Г.Х.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Аннотация. *В работе анализируется содержание статьи Н.Г. Ахриева, в которой последний подвергает критике ошибки, допущенные в докладах на всесоюзной конференции учеными Н. А. Смирновым, М. В. Покровским и А. В. Фадеевым, касающиеся сущности ислама.*

Ключевые слова: *ислам, идеология мюридизма, социальная борьба, кавказская война, суфизм, Египет, Сирия, Палестина, Дагестан, имамат Шамиля*.

ON THE ISSUE OF ARTICLE N.G. AHRIEVA “ABOUT SOME QUESTIONS OF THE CAUCASIAN HILLMEN MOVEMENT HISTORY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY”

Tankiev V-G.Kh.

Annotation: *It is a survey of Akhriev’s article content where he criticises the mistakes which were done in the reports of such scientists as N.A.Smihrnov, M.V.Pokrovsky and A.V.Fadeev during All-Soviet Union Conference.*

Key words: *islam, muridism ideology, social conflict, Caucasus War, sufism, Egypt, Syria, Palestine, Dagestan, Shamil Imamah.*

Прежде чем говорить о данной статье, хотелось бы сказать несколько слов о самом авторе.

Нуреддин Габертович Ахриев был незаурядной личностью. Крупный исследователь, великолепный знаток арабистики, всемирной и военной истории, кавказоведения. Человек, обладавший энциклопедическими знаниями во многих областях науки, Н.Г. Ахриев родился 17 сентября 1904 года во Владикавказе в семье царского офицера. Получил блестящее образование. В середине XX в. преподавал в четырех вузах Москвы, в том числе более 40 лет преподавал арабский язык в МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1957 г. во втором томе журнала «Ученые записки» в Махачкале, в Дагестанском филиале Академии наук СССР Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы была опубликована интересная статья Н.Г. Ахриева **«О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА».**

На большом совещании, состоявшемся в Москве в Институте истории Академии наук СССР 15—17 ноября 1956 г., доктор исторических наук Н. А. Смирнов сделал доклад «Характерные черты идеологии мюридизма», кандидат исторических наук М. В. Покровский — «Социальная борьба адыгейских племен в I-й половине XIX в. и её отражение в ходе Кавказской войны», доктор исторических наук А. В. Фадеев — «Кавказ в системе международных отношений в 20—50 годах XIX в.»

В своей статье известный ингушский ученый, арабист Нуреддин Габертович Ахриев всесторонне анализирует и подвергает аргументированной критике ошибки и недостатки, содержащиеся в докладах Н. А. Смирнова, М. В. Покровского и А. В. Фадеева по вопросу о характере движения горских народов Северного Кавказа в первой половине XIX века.

Критическая статья Н.Г. Ахриева интересна во всех отношениях. В ней хорошо видна широта кругозора автора, его принципиальная позиция по обсуждаемым учеными проблемам.

Статья является хорошим примером для современных ученых о том, как необходимо вести научную дискуссию, отстаивать свою позицию. Именно поэтому в данной публикации мною предпринята попытка проанализировать данную статью.

В самом начале свой работы Н.Г. Ахриев пишет о том, что в докладе проф. Смирнова, озаглавленном «Характерные черты идеологии мюридизма» (очевидно кавказского, а точнее восточно-кавказского), мы этих характерных черт совершенно не видим. Есть лишь пересказ, и то не очень вразумительный, общеизвестных положений ислама. Докладчик пытается доказать, что ислам, в частности, его мистическая философия («суфизм»), реакционен и отличается «воинственным характером и нетерпимостью к иноверцам», дескать, представляет собой отличительную черту кавказского мюридизма.

Утверждая это, - пишет Н.Г. Ахриев, - Н. А. Смирнов делает несколько ошибок. Прежде всего, он почему-то умалчивает о хорошо известном как ему, так и всем историкам-ориенталистам факте, что завоевания арабов в VII—VIII веках нашей эры объясняются не «воинственными» положениями ислама, а рядом социально-экономических условий.

И далее Ахриев развивает эту мысль. Он, в частности, пишет, что профессору Смирнову, несомненно, известен тот факт, что в первые века ислама арабы в завоеванных ими странах, ранее входивших в состав Византийской империи (Египет, Сирия, Палестина и др.), либо в состав Сасанидского Ирана (Иран, Ирак, Закавказье, Средняя Азия и др.), во внутренние дела не вмешивались и управление ими, а также налоговое обложение населения производилось через византийское и сасанидское чиновничество, перешедшее на службу к арабским завоевателям.
Далее Н.Г. Ахриев поясняет, что налоги, уплачиваемые населением покоренных стран, были двух видов: поземельный налог, взимаемый в зависимости от количества и качества обрабатываемой земли (т. н. «харадж»), и подушные подати (т. н. «джизья»); харадж платили все, обрабатывавшие землю, как мусульмане, так и немусульмане, а уплата джизьи была обязательна только для немусульман.

Н.Г. Ахриев прямо заявляет о том, что он очень далек от идеализации ислама, но все источники этого периода и все серьезные исследования, как западноевропейские, так и отечественные, говорят об отсутствии каких-либо преследований иноверцев, особенно в период халифства Омейядов.

В доказательство своей мысли, - пишет Н.Г.Ахриев - я укажу хотя бы на то обстоятельство, что в Мавераннагре (т. е. на территории Узбекистана и Таджикистана) почти в каждом селении еще в конце X века существовали зороастрийские храмы огня, т. н. «атешкеде», обслуживавшие многочисленное зороастрийское население. Такое же положение было с христианством в Сирии, Египте и т. д., но ничего подобного в этот период не было в христианских государствах Западной Европы.

Далее Н.Г. Ахриев, поясняя свою мысль, пишет, что во избежание сокращения числа плательщиков джизьи в первые времена ислама даже запрещалось переходить в мусульманство. С одной стороны, желание избавиться от уплаты джизьи, а с другой — желание обладать всеми правами, которыми пользовались только мусульмане (вначале состоявшие почти исключительно из арабов), способствовало массовому переходу в мусульманство местного населения Северной Африки, Египта, Ирана и др.

Что касается имамата Шамиля, - пишет Н.Г.Ахриев, - то общеизвестно, что здесь скрывались русские раскольники и беглые солдаты русского и польского происхождения, беспрепятственно исповедовавшие свою религию.

В своем докладе проф. Смирнов, - пишет далее Н.Г. Ахриев, - бичует мюридизм за то, что он не разрешил аграрного вопроса. Но докладчик «забыл» сказать, что для того, чтобы дать крестьянам землю и закрепить последнюю за ними, прежде всего нужна сама земля. А её-то в пределах государства Шамиля не было, так как свободные земли Кумыкской плоскости были отрезаны от него царскими войсками. Пригодная для сельского хозяйства земля в горах, принадлежавшая истребленной в пределах имамата феодальной прослойке, перешла в руки крестьян, но этой земли было крайне недостаточно и ею нельзя было удовлетворить всё нуждающееся крестьянство.

В докладе Н. А. Смирнова, - пишет далее Н.Г. Ахриев, - допущена путаница в рассмотрении вопроса о дагестанских узденях, которых он почему-то считает своеобразной феодальной (или феодализирующейся) прослойкой. Из этого ошибочного положения вытекает другое, также ошибочное, о том, что «муфтии, кадии и муллы были фактически наделены правами узденей, в том числе и правом широко эксплуатировать труд крестьян, превращая их в крепостных».

В общем, все эти духовные лица были, по

Н. А. Смирнову, возведены в некое «узденское» достоинство, что, конечно, по мнению Ахриева, абсолютно неправильно, ибо уздени в Дагестане — это не что иное, как свободные крестьяне (а таких крестьян в имамате было подавляющее большинство).

Неверно также и утверждение Н. А. Смирнова, что «Шамиль учредил наследственный имамат, назначив преемником своего сына Гази-Мухамеда». По свидетельству русских источников, он только пытался это сделать, а дагестанские источники вообще об этом ничего не говорят. И уж совсем неверно утверждение о том, что Шамиль распространил на себя шиитский догмат о непогрешимости имама (кстати, заимствованный шиитами из зороастризма). Что Шамиль пользовался непререкаемым авторитетом в народных массах, это, конечно, верно, но авторитет все же не является «непогрешимостью».

Как крупный арабист, разбирает Н.Г. Ахриев и взгляды, содержащиеся в докладах Н. А. Смирнова, М. В. Покровского и А. В. Фадеева по вопросу о мюридизме, на котором подробно останавливались докладчики. Мусульманский мистицизм (суфизм) - пишет Ахриев - по всей вероятности проник на Северный Кавказ, с одной стороны, из Ирана, а с другой — из Средней Азии. На северо-восточном Кавказе (Дагестан, Чечня) известны, главным образом, ордена «кадрие» и «накшибенди». В центральной же части Северного Кавказа и на северо-западном Кавказе этот мусульманский мистицизм почти совершенно не известен. Главы этих орденов официально именовались в Дагестане и Чечне шейхами (арабское слово, обозначающее старика, а также старца в том смысле, в каком оно употребляется у русских).

При упоминании о шейхах в беседах между собой члены секты называют их «устазами» (на классическом арабском языке слово «устаз» означает «наставник», «учитель», а в современном арабском языке, кроме того, и «профессор»). Их ученики обычно называются «мюридами». Слово мюрид — арабское, означающее сторонник, последователь, ученик вообще, и, в частности, ученик суфия.

Поскольку роль орденов «кадрие» и «накшибенди» в ожесточенной борьбе горцев с русским царизмом еще недостаточно выяснена, - по мнению Н.Г. Ахриева, - закономерно называть мюридами не только членов того или иного духовного ордена, но и всех горцев-воинов. Известно, что каждый взрослый мужчина, начиная с 15-летнего возраста, активно участвовал в упорной борьбе против общего врага. В то же время большинство жителей имамата ни в какой орден или секту не входило. Сам герой и вождь этой борьбы, Шамиль, никакого ордена или же секты не основал и вряд ли входил в какую-либо из них. По крайней мере, достаточных данных для того, чтобы утверждать это, у нас не имеется.

Профессор Смирнов говорил о введении в государстве Шамиля кодекса мусульманского права, т. н. «шариата» (слово арабское, означающее «законоположение», но никак не «прямой путь к аллаху и правила поклонения ему», как указывает докладчик).

В этой связи Н.Г. Ахриев соглашается с некоторыми доводами профессора Смирнова и пишет, что он прав, отмечая, что попытки Шамиля ввести шариат в качестве основного закона в имамате встречали известное противодействие со стороны некоторых отсталых слоев (особенно среди чеченцев) и самое упорное и ожесточенное сопротивление со стороны дагестанских (а в дальнейшем и адыгейских) феодалов. Он прав также и в том, что это противодействие ослабляло борьбу против царизма. Но отсюда вовсе не следует, что адат более прогрессивен, нежели шариат.

При этом Н.Г. Ахриев уточняет, что рассматривать адат и шариат нужно с учётом времени и тогдашней обстановки. Прежде всего, следует отметить, что шариат был единым правовым кодексом с едиными юридическими нормами для всего населения имамата. Шариат всё-таки в большей мере, чем адат, защищал личные и имущественные права женщин, земельную собственность крестьянина, его личность, права т. н. незаконных детей, сокращал калым (т. е. выкуп за невесту при заключении брака) и т. д. И хотя бы только в декларативной форме, но все же провозглашал принцип равенства всех мусульман перед аллахом.

Н. А. Смирнов, – пишет далее – Н.Г. Ахриев, - заявляет, что положение женщины в имамате Шамиля после введения шариата ухудшилось. Это неверно, - утверждает Н.Г. Ахриев. Положение женщины, как в дагестанском, так и в чеченском ауле с введением шариата, наоборот, несколько улучшилось. Женщина обрела, пусть в мизерном размере, но какие-то права на свое личное имущество, право наследовать хотя бы незначительную часть имущества (в том числе и землю) после своих родителей.

Сам Шамиль неоднократно подчеркивал то обстоятельство,- отмечает Н.Г. Ахриев, - что, придя в Чечню, он застал там много седовласых стариков и старух, состарившихся в безбрачии, ко-

торые не могли в свое время вступить в брак из-за высокого калыма. По предложению Шамиля, его «диван-хана» установил единый незначительный выкуп за невесту, будь то дочь первого наиба или же самого бедного косаря.

По мнению Н.Г. Ахриева, Шамиль вовсе не был противником мирных отношений с Россией и при всей ограниченности своего кругозора ценил русскую науку. Об этом говорит хотя бы факт приглашения им русского врача для хирургической операции одному из его наибов, тяжело раненному при обороне селения Салты. Этим врачом оказался уже тогда широко известный хирург Н. И. Пирогов.

Неверно утверждение, как Н. А. Смирнова, так и А. В. Фадеева, о том, - говорит Н.Г. Ахриев, - что мюридизм призывал мусульман к борьбе против русских, грузин, армян и т. д., словом, всех христиан, а также против кавказских народов, исповедовавших ислам, но не пожелавших стать под знамя мюридизма.

Н.Г. Ахриев пишет, что Шамиль вряд ли имел хоть какое-либо представление о международном праве, но он боролся только с русским царизмом и теми, кто поддерживал его. Поэтому, поскольку он встречал в рядах своих врагов отряды грузин, он и боролся с ними.

Далее Н.Г. Ахриев отмечает ошибочность взглядов выше- названных ученых на содержания таких исламских понятий, как «газават» и «джихад». Н. А. Смирнов и другие докладчики смешивали «газават» и «джихад», ставя между ними знак равенства. Н.Г. Ахриев поясняет это на примере Афганистана. Термины «газават» и «джихад», - пишет Н.Г.Ахриев, - известны и здесь: «газават» обозначает защиту мусульманином своей родины от иноверных врагов и от изменников ислама, способствующих этим иноверным врагам; «джихад» же - это наступление на иноверных в случае крайней необходимости и принуждение их (в случае победы мусульман) принять ислам. И первая, и вторая война являются священными и должны начинаться лишь по приказанию совета мулл. После объявления того или другого вида священной войны все мужчины, способные носить оружие, обязаны встать на защиту общего дела. Не исполняющий этого долга объявляется «неверным», т. е. он объявляется вне закона и каждому мусульманину разрешается убить его.

Так было в Афганистане в период англо-афганских войн, в Судане в период махдистского движения и т. д.

При этом в горах Кавказа, - пишет Н.Г.Ахриев, - никогда не объявлялся «джихад», но к «газавату» население призывалось несколько раз.

Например, у лакцев до сих пор, - отмечает автор, - поется песня о борьбе дагестанцев с иранскими полчищами Надир-шаха в XVIII веке, в которой лакское население призывается подняться на «газават» с непрошенными гостями (хотя и мусульманами, но другого толка). Так же было в период кавказской войны; точно так же поднимались трудовые массы дагестанцев, чеченцев и ингушей на беспощадную борьбу с белогвардейцами в годы гражданской войны 1917 — 1921 гг.

В качестве примера Н.Г. Ахриев приводит речь Асланбека Шерипова, погибшего в борьбе с белогвардейцами в августе 1919 года. Эту речь он произнес в октябре 1918 года на V съезде народов Терской Советской Республики, проходившем под председательством чрезвычайного комиссара юга России Серго Орджоникидзе. Асланбек Шерипов сказал: «В нас вы не увидите мюридов Шамиля, но увидите мюридов революции».

И в дни Великой Отечественной войны, – писал Н.Г. Ахриев, - трудовое население Дагестана и Чечено-Ингушетии поднималось на смертный бой с немецко-фашистскими агрессорами, объявляя им «газават».

Еще раз повторяю, - говорит Н.Г. Ахриев, - понятие «газават» у горцев северо-восточного Кавказа вовсе не означает священной войны против иноверцев только в связи с тем, что они исповедуют иную, немусульманскую религию. «Газават» им объявляется лишь тогда, когда они нападают на родину, стремясь к ее порабощению.

Я полностью согласен с теми товарищами, - писал Н.Г. Ахриев, - которые утверждают, что борьба горцев Дагестана, Чечни и некоторых других районов Северного Кавказа против русского царизма, несмотря на свою религиозную оболочку, носила народно-освободительный характер (поэтому-то она и была справедливой). Иное дело, что в силу различных причин борьба эта закончилась не в пользу горцев. Это верно как в отношении горцев Дагестана и Чечни, так и в отношение адыгов западного Кавказа.

Говоря о том, что высказывания названных выше советских ученых о том, что с середины 40-х годов и до 1859 года горское население Дагестана, изверившись в Шамиле, массами отходит от него, нуждается в существенных поправках. Н.Г.Ахриев приводит убедительные факты, свидетельствующие об обратном.

Государство Шамиля, - писал он, - состояло из территорий нагорного Дагестана, населенных аварцами, андо-дидойскими племенами, частично лакцами, горной и небольшой части равнинной Чечни. По подсчету Н.Г.Ахриева, численность всего населения этой территории не превышала 350 — 400 тысяч человек. Если мы отбросим половину (женщин), а в оставшуюся часть внесем

поправочные коэффициенты на детей до 15-летнего возраста и стариков свыше 60 лет, то мы в лучшем случае будем иметь воинские ресурсы в 60 — 65 тысяч человек. Вот они-то и выдерживали на себе всю тяжесть многолетней упорной борьбы с огромной армией царизма. Один только имамат Шамиля приковывал к себе свыше 270 тысяч солдат. При этом необходимо иметь в виду, что жители горной части Дагестана и Чечни своим хлебом обеспечены лишь на 3 — 3,5 месяца в году, а весь остальной, необходимый им хлеб, завозили с плоскости.

Таким образом, упомянутые 60 — 65 тысяч человек должны были в условиях жестокой блокады обеспечивать минимальные потребности своей семьи и нужды государства и одновременно, без всякой помощи извне, вести упорную, кровавую войну с огромной Российской империей с её необъятными человеческими, индустриальными, сырьевыми, финансовыми, и транспортными ресурсами.

Что же тут удивительного, - замечает Н.Г. Ахриев, - если в результате смертельной усталости, неимоверных лишений, голода, холода и эпидемий некоторую часть населения охватило чувство отчаяния и безнадежности. Из этой-то части населения и были люди, выходившие на Кумыкскую плоскость в поисках хлеба, но никак не из любви к захватчикам. Конечно, и лихоимство, и произвол наибов также внесли свою долю в последующую судьбу имамата.

Считаю абсолютно неправильным утверждение Н. А. Смирнова, - пишет Н.Г. Ахриев, - что кабардинские крестьяне, выступавшие в 1837—1838 и в 1857 году против своих феодалов, одновременно выступали против шариата и требовали судов по адату, хотя на последнем и были основаны в Кабарде княжеско-дворянские привилегии. И приводит следующие данные, свидетельствующие о большой популярности шариата.

Осенью 1918 года в составе Северо-Кавказской Красной Армии (получившей в дальнейшем название XI Красной Армии) сражалась целая колонна, состоявшая из нескольких конных полков, укомплектованных кабардинскими и балкарскими крестьянами, среди которых было также и несколько сотен осетин (кермевистов). Колонна эта носила официальное название «шариатской». Командиром колонны был терский казак коммунист Мироненко.

И далее Н.Г. Ахриев пишет, что в 1921 году в Дагестанской и Горских автономных советских социалистических республиках (Кабардино-Балкария входила в состав Горской республики) были по постановлениям съездов Советов этих республик организованы наряду с советскими народными судами также и суды шариатские, поскольку огромная масса горского мусульманского крестьянства видела в шариате некое мерило социальной справедливости. Эти шариатские суды существовали вплоть до 1925 — 1927 гг., когда они были упразднены, ибо сами трудящиеся горцы убедились, что советские народные суды решают дела лучше и справедливее, нежели суды шариатские.

Для этого, даже в условиях Советской власти, - замечает Н.Г. Ахриев, - нужно было выждать, пока повысится политическое сознание и культурный уровень трудовых горских масс. Ну, а что же сказать о том, каковы были и политическая сознательность, и культурный уровень тех же горских масс 100 лет назад, в условиях жесточайшего колониального гнета царизма и зверской эксплуатации их «своими» феодалами.

Важным представляется замечание Н.Г. Ахриева относительно документов, опубликованных в Актах Кавказской археографической комиссии. Он, в частности, говорит, что этой комиссией собран большой материал, но далеко не одинаковой ценности и к тому же подобранный очень тенденциозно, с целью оправдания завоевательной политики царизма. Некоторые из документов составлены на основании показаний, так называемых лазутчиков, завербованных из среды горцев.

Таким документам нельзя слепо доверять. Их необходимо каждый раз сопоставлять с другими источниками. Поэтому я не очень верю, – пишет Н.Г. Ахриев, - в тот документ, из которого взято сообщение о поголовном истреблении Шамилем жителей аула Центарой и Гурдалинских хуторов (все эти населенные пункты — чеченские), тем более, что ни народная память чеченцев, ни их фольклор по данному поводу ничего осуждающего имама Шамиля не говорят. А ведь народ является лучшим судьей своих героев!

В докладах А. В. Фадеев и М. В. Покровского, - пишет Н.Г. Ахриев, - до конца не выяснен вопрос: что же происходило в 20 —60 годах XIX века на западном Кавказе, в Закубанье и на черкесском берегу Черного моря? Была ли тут со стороны русского царизма захватническая, колониальная война, а со стороны адыгов война за независимость своей родины, и потому справедливая война? Или же это был ряд карательных экспедиций, ставивших своей задачей приведение к покорности уступленных Турцией России по Адрианопольскому миру 1829 года адыгейских территорий? Были ли эти адыги подданными Российской империи и насколько законно считать их таковыми?

По мнению Н.Г. Ахриева, А. В. Фадеев и М. В. Покровский ни единым словом не упоминают о той тяжелой трагедии, которой закончилась борьба адыгов против русского царизма.

А. В. Фадеев не сказал ничего и о том, - отмечает Н.Г. Ахриев, - что царизм, игравший в течение всей первой половины XIX века роль европейского жандарма и оплота реакции, в своей внешней политике преследовал одну и ту же вековую цель - захват Константинополя, Босфора и Дарданелл. Достижение этой цели должно было бы еще более усилить царизм и дать ему возможность захватить Балканский полуостров, создать всеславянскую империю, укрепиться в центральной Европе и т. д. Путь к осуществлению этой цели шел через Кавказ в Малую Азию с востока и через Балканы (особенно через страны, населенные главным образом славянами).

Напомнив о том, что в 1801 году Грузия была присоединена к России, Н.Г. Ахриев замечает, что если бы царизм и не воспользовался подвернувшейся ему в этом году ролью «благодетеля», то рано или поздно он все равно захватил бы Грузию, так как она стояла на пути его колониальных аппетитов. Однако, захватив Грузию, царизм никак не мог оставить в стороне находившиеся на разной стадии социального развития горские племена и народности Северного Кавказа, через территорию которых только и могла в тот период Россия сноситься с Грузией.

Даже после присоединения Грузии, - указывает автор статьи,- кавказские горцы, исключая кабардинцев и части осетин и ингушей, обитавших в районе Военно-Грузинской дороги (стратегически важной для сообщения с Закавказьем), ни в какой мере не являлись подданными ни России, ни Турции. Поэтому Турция, обладавшая на черкесском берегу Черного моря только несколькими опорными пунктами, в частности, крепостями Анапой и Суджук-Кале, не имела права и не могла уступить России по Адрианопольскому мирному договору 1829 года то, что ей не только фактически, но даже и юридически не принадлежало.

Об этом надо было А. В. Фадееву и М. В. Покровскому сказать четко и ясно, со всей принципиальностью советских учёных, замечает Н.Г. Ахриев.

А. В. Фадеев и М. В. Покровский не сказали и о том, - пишет Н.Г. Ахриев, - в каких условиях происходило выселение кавказских горцев в Турцию. В связи с этим он приводит достаточно большую по объему, но глубокую по содержанию выдержку из статьи «Кавказские горцы» либерального журналиста 80 — 90 годов XIX века Якова Абрамова, помещенной в первом номере журнала «Дело» за 1884 г. Приведем ее и мы: «Лишь только кончилась Крымская война, и Россия могла направить все усилия на окончательное покорение Кавказа, как начались переселения кавказских горцев в Турцию. Сначала это движение началось на западной части Кавказских гор, прилегающей к Черному морю, жители которой издавна имели непосредственные торговые и иные сношения с Турцией. Шли почти исключительно богачи и члены туземной аристократии со своими присными.

В таком виде переселение не имело особенного значения ни для Кавказа, ни для Турции. Но в таком скромном виде переселение горцев оставалось недолго и скоро перешло в выселение целых народностей. Выселились — джигеты, убыхи, шапсуги, натухайцы, абадзехи, абазинцы, башильбаевцы, тамовцы, кизыльбековцы, шахгиреевцы, баговцы, егерукаевцы и темиргоевцы, бесленеевцы, махошевцы, бжедуки и закубанские ногайцы. Всего выселилось с 1858 по 1865 год только по официальному подсчёту 493 194 души, причем много горцев выселялось без ведома русского правительства и, стало быть, в официальный счет не попало.

Такие громадные размеры переселенческое движение горцев приняло благодаря некоторым приемам русской политики. Из официальных документов, содержание которых опубликовано председателем Кавказской археографической комиссии г. Берже, видно, что в это время кавказские деятели решились радикально изменить прежнюю систему борьбы с горцами, и поставили себе две цели: с одной стороны, ослабить численный состав горского населения, всячески содействуя переселению горцев в Турцию ..., а с другой — выселить всех остающихся горцев из гор на плоскость, а места, занятые прежде горским населением, заселить казачьими станицами. Для достижения указанных целей, всякий раз, когда какое-либо горское племя западного Кавказа покорялось русскому оружию, пред ним категорически ставилась диллема: или переселиться к Кубани и безусловно подчиниться русскому управлению, или выселиться в Турцию. Прикубанские болота, отводимые горцам, могли всего менее прельстить их; представления о русском управлении, по которому горцев приглашали, безусловно, подчиниться, слагались у них на основании действий, получивших историческую известность, чиновников; неудивительно поэтому, что горцы предпочитали бегство в Турцию выселению на плоскость. К тому же их прямо подстрекали к переселению в Турцию: обещали казенную помощь, допускали к ним турецких эмиссаров, приглашавших переселяться, принимали и другие меры.

... Пережив массу лишений в пределах Турции, которая раньше рисовалась им, по словам агитатора, каким-то обетованным раем, переселенцы западного Кавказа были мало по-малу, однако, размещены по разным частям Турции, преимущественно на Балканском полуострове, но в то

же время были поставлены в самые ненормальные условия; они не получили ни определенных участков для жительства, ни каких-либо ресурсов для поддержания своего существования. Озлившиеся от целого ряда бедствий, одичавшие, изголодавшиеся, они волей-неволей должны были вести постоянную войну с местными жителями, сделаться отчаянными разбойниками, чтобы как-нибудь существовать. К тому же всю накопившуюся у них злобу против русских, гяуров, выгнавших их из родных гор, они перенесли на таких же гяуров, сопленменных русским — балканских славян. Таким-то образом создался тот ужасный тип башибузука, который причинил столько ужасных страданий болгарскому народу и так памятен и нам, русским. Филиппольская резня и другие, подобные ей события подготовлялись именно еще в первой половине 60-х годов».

Не дают ответа А. В. Фадеев и М. В. Покровский, – по мнению Н.Г. Ахриева, - и на вопрос о том, кто же вел на западном Кавказе войну с русским царизмом, если основная масса жителей этого региона желала прекратить эту войну.

Все это требует, заключает автор, серьезных исследований, быть может, даже специальных монографий.

В заключение я хотел бы сказать, подводит итог своим рассуждениям о докладах Н. А. Смирнова, В. Фадеева и М. В. Покровского Н.Г. Ахриев, что идеализировать мюридизм нет никакой надобности, и никто к этому не призывает, но изучать его, тщательно отбирать и анализировать фактический материал это прямой долг нашей исторической науки.

Именно так и поступает Н.Г. Ахриев в своей статье. Его статья может служить образцом научной полемики. В ней автор подвергает аргументированной критике концепции и содержание докладов именитых ученых Н. Смирнова, М. Покровского и А Фадеева, пытавшихся доказать реакционность ислама и в искаженном свете представить движение кавказских горцев в первой половине Х1Х века.

Вызывает глубокое уважение не только скрупулезность и дотошность анализа Н.Г. Ахриевым оппонируемого материала, но и не в меньшей мере его смелость.

Когда задаешь себе вопрос, многие ли в те годы советской власти посмели бы поднять свой голос в защиту религии и, в частности, ислама, ответ напрашивается сам собой – немногие. А Нуреддин Габертович Ахриев посмел.

Для него не было научных авторитетов. Всесторонне образованный, энциклопедического ума человек, глубокий знаток истории, языков и культуры народов Кавказа и Востока, сам свидетель и участник многих событий в новой и новейшей истории России он напрочь был лишен чувства священного трепета перед научными званиями и титулами авторов книг, исследований.

Всякий печатный материал любого известного или малоизвестного автора, попавший к нему в руки, подвергался им «беспощадной» научной критике и разбору так, как если бы он проверял курсовую или дипломную работу своего студента.

Человек без ученой степени и ученого звания Н.Г. Ахриев мог дать фору любому маститому ученому по части глубокого знания многих дисциплин: арабистики, военной истории, кавказоведения. Его научные интересы широко простирались на смежные научные дисциплины. Он являлся и авторитетным знатоком всемирной истории, этнографии, культуры, религии стран арабского востока, истории ингушского народа.

О незаурядных способностях и широте кругозора Н.Г. Ахриева свидетельствует тот факт, что он в разное время преподавал различные дисциплины в таких вузах Москвы, как Коммунистический университет трудящихся Востока, Высшая дипломатическая школа МИД, Военная академия имени М.В. Фрунзе.

Н.Г. Ахриев - единственный ингуш, который более сорока лет преподавал арабский язык на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова за более чем 250 летнюю историю данного прославленного вуза.

К глубокому сожалению, теоретическое наследие Н.Г. Ахриева, его фундаментальные работы не собраны и не опубликованы отдельным изданием. Они разбросаны по различным научным сборникам, периодическим изданиям, выходившим в Москве, Тбилиси, Харькове, Орджоникидзе, Грозном и других городах.

Будущим ученым, исследователям предстоит большая работа по их поиску, систематизации и публикации. Тем самым мы отдадим дань нашего глубокого уважения этому удивительному человеку, о котором наш народ так мало знает.

Жизнь и деятельность Н.Г. Ахриева этого заслуживают.

О КНИГЕ Т.М. КАТА «ГОД ЖЕСТОКИЙ, ВОСЕМНАДЦАТЫЙ….»

Танкиев В-Г.Х.
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

ABOUT THE BOOK T.M. KATA «THE YEAR OF THE CRUEL, THE EIGHTEENTH ....»

Tankiev V-G.Kh.

Вначале хотелось бы сказать несколько слов о самом авторе. Кат Теучеж Мадинович в 1969 году с отличием окончил художественно-графический факультет Кубанского государственного университета. В 1974 году также с отличием окончил факультет станковой графики Тбилисской государственной академии художеств.

Творчество Т.М. Ката удостоено государственных наград и почетных званий. Он почетный гражданин Теучежского района Республики Адыгея, народный художник Российской Федерации, лауреат премии Кубанского комсомола им. Н. Островского, лауреат Государственной премии Республики Адыгея в области искусства, лауреат премии им. Миклоша Каплара (Венгрия).

За высокие художественные достоинства и содействие развитию изобразительного искусства России его произведения неоднократно отмечались дипломами Союза художников РФ.

Творчеству Т.М. Ката посвящено несколько художественных альбомов.

Кроме того, Т.М. Кат пишет рассказы, повести и романы на адыгейском и русском языках, которые с 2000 года издаются в Майкопе, Краснодаре и Тбилиси.

Кат Теучеж Мадинович человек разносторонних дарований. Он является членом Союза художников Российской Федерации и членом Союза художников Грузии, членом Союза писателей Российской Федерации, членом Союза журналистов РФ.

Роман «Год жестокий, восемнадцатый...» седьмая книга автора. Она посвящена событиям времен гражданской войны в Адыгее и на Кубани.

Если сказать коротко это реквием по безвинно убиенным землякам автора. О стариках, женщинах, детях, которых большевики и белогвардейцы лишали самого дорогого – жизни, лишь за, что они «посмели» не согласиться с их политикой.

Кату Теучежу Мадиновичу удалось создать крупное историко-художественное произведение, которое рассказывает об одном из самых трагических периодов российского юга.

Почти на трехстах страницах автор рассказывает горькую правду о судьбе одного из древних народов Кавказа – адыгах, в после- революционные годы XX века, в период гражданской войны.

Свою книгу автор назвал «Год жестокий, восемнадцатый…» и представил ее как исторический роман. В книге действительно много истории. Книга, по праву, может быть названа и историко-документальным романом, так как в ней много документального материала из ряда архивов Адыгеи, Черкесии, из фондов архивов Краснодара и Ростова-на-Дону. В некоторых местах она напоминает научную работу.

Книгу, на мой взгляд, можно назвать и документально-художественным романом, поскольку в ней значительна и доля художественного вымысла.

Книга Ката Т.М., как отмечалось выше, посвящена событиям гражданской войны на юге России, конкретно в Адыгее, а если говорить еще конкретнее – событиям в родном ауле автора Габукае и в соседних 53 аулах и станицах Адыгеи.

В романе упоминаются сотни имен и фамилий, безвинно убитых и живых соотечественников автора: земледельцы, рабочие, интеллигенты, офицеры, руководители и рядовые граждане, на долю которых выпало испытать нечеловеческие страдания и жестокость тех, кто стоял на

страже системы. Не поддается объяснению, в чем была вина сотен и тысяч физически уничтоженных жителей аулов, кто ответит за это преступление.

Читая книгу, все время задаешь себе один и тот же вопрос: неужели все это было в действительности, как это могло случиться?

Но, как говорится, факты упрямая вещь. Это доказывают не только архивные документы, на которые ссылается автор, но и воспоминания сотен очевидцев и свидетелей тех страшных событий.

Речь в романе не о том, как революция «торжественно шагала по аулам и станицам» российского юга, как об этом писали в годы Советской власти, а о том, как народ воспринимал исторические события, в которых гибли сотни и тысячи ни в чем неповинных людей.

В книге широко представлены такие черты характера человека, как честь, достоинство, благородство людей, высоко чтимые на Кавказе, но и подлость, предательство, измена тоже есть в романе.

Автору, на мой взгляд, удалось создать эпическое историко-художественное произведение, которое позволяет по-новому взглянуть на историю многострадального адыгского народа.

Книга интересна по своему содержанию и направленности. Явления в ней, на первый взгляд, выглядят просто и в то же время остаются сложными. Однако все подчинено главной идее - не отбрасывать опыт прошлых поколений, не относиться с пренебрежением к тому духовному, чем наполняли жизнь наши предшественники, использовать из всего прошлого полезное.

Автор собрал много архивных документов, хранящихся в национальных фондах Адыгеи, Черкесии, в архивах Краснодара и Ростова-на-Дону. Он широко использовал и воспоминания очевидцев, их родственников, то есть, автор использовал достаточно большой объём материала, который позволил ему глубоко осмыслить события времён революции и гражданской войны.

Автор воссоздаёт подлинный облик аульчан (погибших и живых, которые сохранили эти страшные события в памяти), известных исторических лиц и на основе этого выносит свой художественный вердикт – всему происходившему нет прощения, и оно не может быть предано забвению.

Своим трудом автор как бы выносит приговор тоталитарной советской системе, которая унесла миллионы человеческих жизней, о чем нельзя забывать. И приговор этот не имеет срока давности.

Книга читается легко. Однако она не без шероховатостей, недосказанности. Она располагает к глубоким раздумьям: верен ли тот путь, по которому как Россия, так и органичная ее составляющая - Республика Адыгея. Эффективными ли будут в дальнейшем предлагаемые формы и методы регулирования процессов, происходящих в обществе, в условиях рыночных отношений. Автор книги затрагивает и каждое из этих направлений.

Два десятка страниц автор посвятил истории создания и боевым действиям Дикой дивизии, в том числе и ингушскому конному полку данного соединения. При переиздании книги хотелось бы пожелать автору расширить этот раздел.

Многое из того, что пережили адыги, (репрессии, террор, депортация), хотя адыги не были депортированы, пережил и некоторые другие народы Северного Кавказа.

Данная тема неисчерпаема и Кат Теучеж Мадинович внес свой весомый вклад в ее освещение, на примере адыгского народа, за что ему большое спасибо. Нет сомнения в том, что книга найдет своего читателя и станет существенным дополнением к исторической прозе адыгов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Обращаемся к авторам статей, желающих разместить свои публикации в журнале «Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им Ч.Э.Ахриева», входящем в базу данных РИНЦ, с просьбой сдавать в редколлегию журнала, кроме текстов статей, следующую информацию, согласно требованиям РИНЦ:

1) ФИО автора (авторов) полностью на русском и английском языках;
2) Название статьи на обоих языках;
3) Аннотация статьи на русском и английском языках (минимум 3-4 строки, максимум -10-12 строк);
4) Ключевые слова на русском и английском (не менее 5 слов);
5) Название учреждения, где Вы работаете;
6) Название кафедры на русском и английском языках;
7) Если вы работаете в двух или нескольких местах и желаете закрепить статью и за другими организациями, можете указать другие учреждения.
8) Название кафедры или иного подразделения, где вы работаете по совместительству, на русском и английском языках.
9) Обязательно укажите адрес электронной почты.

Пристатейные библиографические ссылки необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008 «Библиографическая ссылка».

Единый формат оформления пристатейных библиографических ссылок в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008 «Библиографическая ссылка» (Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы на русском языке)

Статьи из журналов и сборников:

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett// Ref. Libr. – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Корнилов В.И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/ отсосе // Теплофизика и аэромеханика. – 2006. – Т. 13, №. 3. – С. 369-385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. – С. 340-342.

Монографии:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб.для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С.Ф. Мартыновича]. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации.

Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ю. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.:ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Заголовок записи в ссылке может содержать имена одного, двух или трех авторов документа. Имена авторов, указанные в заголовке, не повторяются в сведениях об ответственности. Поэтому:

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Авторефераты

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. –18 с.

Диссертации

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северокавказского региона : дис.... канд. полит, наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитические обзоры:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патенты:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион, конф.. Ярославль, 2003. 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документы:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос.нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2007. URL: http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: http://www.oim.ru/reader.asp7nomers 366 (дата обращения: 17.04.07).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121 .html (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт. – URL: http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения 23.08.2007).

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы на латинице: На библиографические записи на латинице не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Составляющими в библиографических ссылках являются фамилии всех авторов и названия журналов

Статьи из журналов:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. *Neftyanoekhozyaistvo –OilIndustry*, 2008, no.11, pp. 54-57.

Dyachenko, V.D., Krivokolysko, S.G., Nesterov, V.N., and Litvinov, V.P., *Khim. Geterotsikl.Soedin*., 1996, no. 9, p. 1243.

Статьи из электронных журналов описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе доступа.

Пример описания статьи из электронного журнала:

Swaminathan V., Lepkoswka-White E., Rao B.P. , *Journal of Computer- Mediated Communication,* 1999, Vol. 5, No. 2, available at: www. ascusc.org/ jcmc/vol5/ issue2/

Материалыконференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., MuhametshinaR.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. *Trudy 6 MezhdunarodnogoSimpoziuma "ovyeresursosberegayushchietekhnologiinedropol'zovaniya ipovysheniya-neftegazootdachi*" (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact").Moscow, 2007, pp. 267-272.

Главное в описаниях конференций –название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Belaya kniga po nanotekhnologiyam: issledovaniya v oblasti nanochastits, nano strukturi nano kompozitov v Rossiiskoi Federatsii (po materialam PervogoVserossiiskogo soveshchaniya uchenykh, inzhenerov i proizvoditelei v oblasti nanotekhnologii [White Book in Nanotechnologies: Studies in the Field of Nanoparticles,Nanostructures and Nanocomposites in the Russian Federation: Proceedings of the First All-Russian Con-ference of Scientists, Engineers and Manufacturers in the Field of Nanotechnology]. Moscow, LKI, 2007.

Nenashev M.F. *Poslednee pravitel'tvo SSSR* [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ.,1993. 221 p.

From disaster to rebirth: the causes and consequences of the destruction of the Soviet Union [*Otkatastrofy k vozrozhdeniju: prichiny i posledstvija razrushenija SSSR*]. Moscow, HSE Publ., 1999. 381 p.

Kanevskaya R.D. *Matematicheskoe modelirovanie gidrodinamicheskikh protsessov razrabotki mestorozhdenii uglevodorodov* (Mathematical modeling of hydrodynamic processes of hydrocarbon deposit development).Izhevsk, 2002.140 p.

Latyshev, V.N., *Tribologiyarezaniya. Kn. 1: Friktsionnye protsessy pri rezanie metallov* (Tribology of Cutting, Vol. 1: Frictional Processes in Metal Cutting), Ivanovo: Ivanovskii Gos. Univ., 2009.

Ссылкана Интернет-ресурс:

APA Style (2011), Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 February 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: http://www.scribd.com /doc/1034528/ (accessed 7 February 2011).

Научное издание

ВЕСТНИК
ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА

№ 2 – 2016

Компьютерная верстка
М.Я. Кодзоев

Сдано в набор 15.11.2016 г.
Подписано в печать 23.11.2016 г.
Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 65 г/м^2.
Гарнитура «Times». Печать ризографическая.
Физ. печ. л. 57. Усл.-печ. л. 28,5.
Тираж – 300 экз.
E-mail: piligrim-K@list.ru